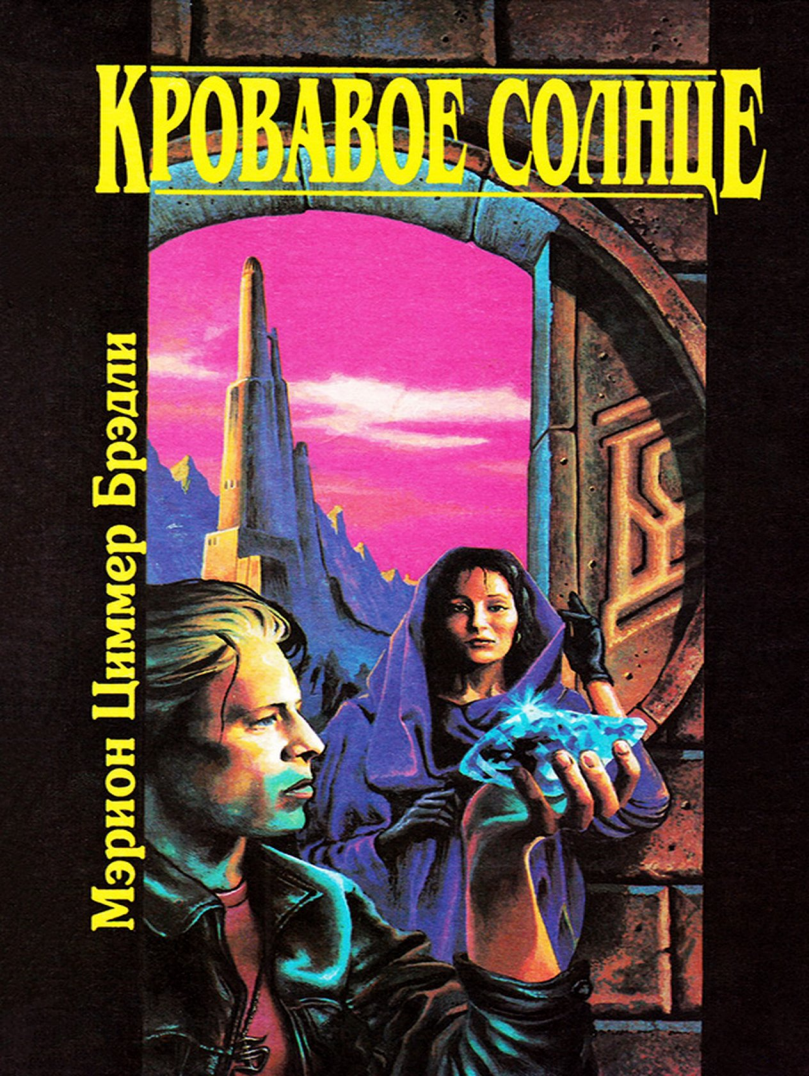
Кровавое солнце

Мэрион Циммер Брэдли



Вынужденная посадка

Мэрион Зиммер Брэдли

Аннотация
Мэрион Зиммер Брэдли. ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА
От автора
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
Эпилог

Аннотация

НФ-приквел, рассказывающий о зарождении земной колонии на Дарковере.

Мэрион Зиммер Брэдли
ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Marion Zimmer Bradley
DARKOVER LANDFALL

Copyright © 1972 by Marion Zimmer Bradley
© А. Гузман, перевод на русский язык, 1995
© «Издательство «Лань», 1995

* * *

От автора

Все песни, исполняемые в романе членами коммуны Новые Гебриды, взяты мною из сборника «Песни Гебрид», составленного Марджори Кеннеди-Фрэйзер и выпущенного в свет издательством «Бузи и Хокз» в 1909 и 1922 годах. Тексты «Чайки с подводной земли» в «Песни рыбака с мыса» переведены на английский самой миссис Кеннеди-Фрэйзер с гаэльского оригинала Кеннета Мак-Леода. «Любовная песнь феи» адаптирована и переведена на английский Джеймсом Хогтом. Песня «Кулины из Рама» переведена на английский Эльфридой Риверз. Слова «Каристьоны» народные, на английский же переведены Кеннетом Мак-Леодом.

1

Беспокоиться сейчас о посадочных механизмах им и в голову не пришло бы; но те, как выяснилось, серьезно затрудняли выход наружу. Гигантский корабль врезался в землю под углом в сорок пять градусов, так что все трапы повисали в воздухе, а люки вели в никуда. Ущерб еще предстояло оценить, но даже по самым грубым прикидкам половина кают экипажа и три четверти пассажирских стали непригодны для жилья.

На расчищенном пространстве уже были собраны на скорую руку полдюжины хлипких домиков, а под большим тентом развернут полевой госпиталь. На это пошли, в основном, большие полотнища упаковочного пластика и стволы местных смолистых деревьев, сваленных циркулярными пилами и лесорубными полуавтоматами колонистов. Все это происходило, несмотря на решительные протесты капитана Лейстера; но, поставленный перед одной чисто технической формальностью, вынужден был смириться и он. Приказания его имели силу закона только в космосе; на планете же ответ-

ственность переходила к Экспедиционному Корпусу.

Ну а то, что планета не та… В общем, это была тоже чисто техническая формальность, как обойти которую никто не представлял… пока.

«По крайней мере, — размышлял Рафаэль Мак-Аран, стоя на невысоком гребне, окаймляющем долину, где упал корабль, — смотрится планета довольно приятно». Точнее, не планета, а видимая ее часть — и, причем, весьма скромная. Сила тяжести была тут чуть меньше земной, а кислорода в атмосфере содержалось чуть больше, что само по себе уже объясняло легкую эйфорию, испытываемую с первых же мгновений на планете всеми, кто родился и вырос на Земле. Ни одному землянину XXI века в жизни не доводилось вдыхать воздух столь сладкий и смолистый или разглядывать далекие холмы столь ясным утром.

Возвышающиеся вокруг холмы и горы складывались в бесконечную панораму, цепь за цепью, постепенно меняя цвет — от размыто-зеленоватого к размыто-голубоватому и в конце концов к полупрозрачно-лиловому и фиолетовому. Огромное солнце было темно-красным, цвета пролитой крови; и в первое же утро потерпевшие

аварию увидели четыре луны, насаженные на зубцы далеких гор огромными переливчатыми самоцветами.

Мак-Аран опустил на землю рюкзак, извлек теодолит, установил на треногу и, отирая со лба пот, принялся за поверки. О Боже, ну и жара — и это после жуткого ночного холода, после снегопада, налетевшего с горных вершин так стремительно, что они едва успели соорудить укрытие! Теперь же снег струился резвыми ручейками; Мак-Аран стянул нейлоновую пуховку.

Снова отерев лоб, он выпрямился и огляделся, отыскивая подходящий репер условного уровня поверхности. Он уже знал — благодаря альтиметру последней модели, автоматически учитывающему изменение силы тяжести — что по земным меркам они находятся на высоте примерно в тысячу футов над уровнем моря; или, скажем так, над условным уровнем моря, поскольку никто не знал, есть ли здесь моря. В суматохе вынужденной посадки никто, кроме третьего помощника капитана, не успел увидеть, как выглядит планета из космоса — а третий помощник капитана умерла через двадцать минут после падения, пока трупы вахтенных извлекались из-под обломков рубки.

Было известно, что в этой системе три планеты: одна — гигантский шар замороженного метана; другая — крошечный каменный осколок, больше похожий на луну, чем на планету, однако в гордом одиночестве вращающийся по своей орбите вокруг звезды; и вот эта. Было известно, что Экспедиционный Корпус отнес бы ее к классу М: приблизительно земного типа и, вероятно, пригодная для жизни. Плюс теперь еще им было известно, что на этой-то планете они и находятся. Вот, в общем-то, и все, что им было известно — не считая того, что удалось выяснить в последние 72 часа. Красное солнце, четыре луны, сильнейшие перепады температур, окружающие горные цепи — все это выяснялось по ходу дела, пока извлекались из-под обломков корабля трупы и проводилось опознание, пока разворачивался полевой госпиталь, пока все трудоспособные лица привлекались к уходу за ранеными, погребению мертвых и сооружению на скорую руку временных укрытий (пока корабль остается непригодным для жилья).

Рафаэль Мак-Аран собрался было извлечь, из рюкзака прочие инструменты; но остановился на полпути. Он и сам не представлял, как ему необходимо, оказывается, побыть одному; прийти в

себя после монотонной шоковой терапии последних часов, после крушения и сотрясения мозга, с которым на перенаселенной, трясущейся над малейшими болячками Земле его немедленно отправили бы в больницу. Но тут офицер медслужбы, и без того измотанный вконец, только вручил ему таблетки от головной боли, а сам вернулся к тяжелораненым и умирающим. Голова Мак-Арана до сих пор продолжала болезненно пульсировать, как один чудовищно разросшийся гнилой зуб — но после ночи сна у него хотя бы не так все плыло в глазах. На следующий после крушения день его вместе с прочими трудоспособными лицами, не имеющими отношения ни к медицинской, ни к инженерной службе, направили на рытье братской могилы. Тут-то Мак-Арана и поджидал самый страшный удар — среди мертвых он обнаружил Дженни.

Дженни. Ему-то представлялось, что она где-то рядом, в полной безопасности, и просто слишком занята, чтобы заниматься поисками родных. И вдруг в груде изуродованных тел серебристо блеснули длинные светлые волосы его единственной сестры. Ошибки быть не могло… Но даже на то, чтобы поплакать, времени сейчас не оставалось. Слишком много было мертвых. И

Мак-Аран сделал единственное, что было в его силах — сообщил Камилле Дель-Рей (капитан Лейстер поручил ей руководить опознанием), что Дженни Мак-Аран следует вычеркнуть из списка «предположительно живых» и внести в список «однозначно опознанных мертвых».

— Спасибо, Мак-Аран, — только и вырвалось у Камиллы, напряженно и отрывисто. Ни на скорбь, ни на слезы, ни даже на простое человеческое сочувствие времени сейчас не оставалось. И это при том, что Дженни с Камиллой были лучшими подругами; почему-то Дженни любила эту чертову мисс Дель-Рей, как родную сестру — Рафаэль давно ломал голову, почему, но, значит, должна была быть какая-то причина. Теперь же Мак-Аран, должно быть, в глубине души надеялся, что Камилла прольет над Дженни те слезы, на которые сам он способен не был. Кто-то обязательно должен был поплакать о Дженни, но Мак-Аран пока просто не мог. Пока.

Он вернулся к своим приборам. Если б точно знать, на какой широте упал корабль, все было бы гораздо проще; впрочем, по высоте солнца над горизонтом можно будет примерно прикинуть…

Огромный корабль врезался в землю посреди ложбины миль, по меньшей мере, пяти в попе-

речнике, поросшей кустарником и карликовыми деревцами. При взгляде на корабль внутри у Рафаэля что-то болезненно екнуло. Предполагалось, что капитан Лейстер с экипажем как раз сейчас выясняют размеры ущерба и сколько времени потребуется на ремонт. В космических кораблях Мак-Аран не понимал ничего; он был геологом. Но почему-то у него возникло ощущение, что этому кораблю уже никуда не подняться.

Это ощущение он постарался подавить. Пусть сначала свое слово скажут инженерные службы. Они в этом разбираются, а Мак-Аран — нет. В конце концов, сегодняшняя техника способна творить настоящие чудеса. В худшем случае предстоит потерпеть несколько дней, ну от силы пару недель — и они отправятся своей дорогой, а на картах Экспедиционного Корпуса появится еще одна пригодная для колонизации планета. Может, им даже причитается какой-то процент как первооткрывателям; это изрядно поправит финансовое положение Колоний Короны, куда они давно должны были прибыть…

А им будет о чем вспомнить под старость, в системе Короны, лет через пятьдесят-шестьдесят…

Но если кораблю не подняться…

Невозможно. Этой планеты нет на картах,

Экспедиционный Корпус не давал «добро» на ее колонизацию. Но Колонии Короны — Фи Короны Дельта — это уже преуспевающий горнорудный комплекс. Там построен космопорт; там уже лет десять большая группа инженеров и техников занималась экологическими изысканиями и готовила планету к заселению. Нельзя же так вот, с бухты-барахты брать и высаживаться на совершенно неизвестную планету. Просто нельзя.

Как бы то ни было, это не его забота; а вот определение широты… Он сделал все измерения, какие мог, занес результаты в полевой журнал, сложил треногу и принялся спускаться в ложбину. При пониженной гравитации двигаться по густо усеянному камнями и поросшему кустарником склону было гораздо легче, чем на Земле, и Мак-Аран бросил мечтательный взгляд на далекие горы. Может, если ремонт корабля затянется дольше, чем на несколько дней, в лагере сумеют какое-то время обойтись без него, и удастся хотя бы немного полазать. В конце концов, образцы горных пород могут оказаться весьма кстати Экспедиционному Корпусу; а заниматься альпинизмом тут наверняка много приятнее, чем на Земле, где все национальные парки, от Йеллоустона до Гималаев, забиты толпами туристов

триста дней в году. Наверно, это только честно — дать всем и каждому возможность побывать в горах; а с подъемниками и пешеходными дорожками, проложенными до самой вершины Эвереста или Маунт-Уитни, или Маунт-Рэйнье, детям и старушкам стало гораздо легче подняться наверх и насладиться пейзажем. «И все же, — мечтательно подумал Мак-Аран, — как это было бы здорово — забраться на настоящую дикую гору, без пешеходных дорожек и даже без единого подъемника!». Он занимался альпинизмом и на Земле, но чувствовал себя на редкость по-идиотски, когда в подвешенных к тросу роликовых креслах мимо проносились всякие юнцы и хихикали над живым анахронизмом, карабкающимся вверх в поте лица своего!

Ближайшие склоны были испещрены черными шрамами от лесных пожаров; Мак-Аран прикинул, что, пожалуй, с ложбиной, где упал корабль, подобная напасть последний раз случилась несколько лет назад, но с того времени успела подняться молодая поросль. Им еще повезло, что при падении сработали наружные противопожарные системы — а то выжившие после аварии могли бы в самом буквальном смысле угодить из огня да в полымя. В лесу надо быть осторожным

с огнем. Лесоводство на Земле давно уже отошло как профессия, и мало кто теперь представлял себе, что может натворить лесной пожар. «Не забыть бы упомянуть об этом в докладе», — подумал Мак-Аран.

По мере приближения к месту аварии недавняя эйфория сходила на нет. В полевом госпитале сквозь полупрозрачный пластик виднелись бесчисленные ряды коек. Несколько человек очищали недавно поваленные деревья от веток, а другая группа устанавливала димаксионовый купол; тот крепился на высоких треугольных опорах и мог быть возведен за полдня. «Не похоже, — мелькнула у Мак-Арана мысль, — чтобы отчет о состоянии корабля оказался слишком уж благоприятным». Несколько механиков копошились на поверхности корпуса, но как-то очень уж вяло. Видимо, надеяться на скорое отбытие не приходилось.

— Рэйф! — окликнул Мак-Арана вышедший из госпиталя молодой человек в мятом и покрытом пятнами мундире офицера медслужбы. — Старший помощник передавала, чтобы ты как можно скорее явился в Первый Купол; там большое сборище, и ты им тоже нужен. Меня послали туда с докладом от медслужбы — как самого старшего

офицера, без которого в госпитале какое-то время обойдутся.

Устало подволакивая ногу, он нагнал Мак-Арана. Молодой медик, невысокий и стройный светлый шатен с короткой курчавой бородкой, выглядел очень усталым, словно давно толком не спал.

— Как там дела в госпитале? — нерешительно поинтересовался Мак-Аран.

— По крайней мере, ни одной смерти аж с полуночи; плюс у четверых положение перестало быть критическим. Похоже, утечки из реактора все-таки не было — ту связистку мы уже выписали: ее тошнило просто из-за сильного удара в солнечное сплетение. Слава Богу, хоть с этим повезло — случись утечка из реактора, шансов у нас не было бы просто никаких, плюс еще планету заразили бы.

— Да, хорошая штука — фотонный привод; по крайней мере, сравнительно безопасная, — отозвался Мак-Аран. — Юэн, у тебя совершенно замученный вид. Тебе хоть немного удалось поспать?

— Нет, — покачал головой Юэн Росс. — Старик вчера не жался со стимуляторами, так что, как видишь, я до сих пор на ногах. Конечно, когда-ни-

будь я свалюсь и продрыхну беспробудно суток, наверно, трое, но пока еще держусь. — Он замялся и неуверенно покосился на своего друга. — Рэйф, я… слышал о Дженни! Такое невезение! Почти все в той секции спаслись, я был уверен, что и она тоже…

— И я был уверен. — Мак-Аран глубоко вдохнул, но чистый воздух лег на грудь невыносимой тяжестью. — Я еще не видел Хедер… она…

— С ней все в порядке; ее пока поставили медсестрой. У нее ни царапинки. Насколько я понимаю, после этого собрания огласят полные списки — погибших, раненых и живых. А ты-то чем занимался? Дель-Рей сказала, что тебя послали на разведку; и что ты там разведывал?

— Геодезические изыскания, нулевой цикл, — доложил Мак-Аран. — Мы же ничего не знаем о планете — ни на какой широте упали, ни диаметра, ни массы, ни какой тут климат, ни что за время года сейчас — вообще ничего. Мне удалось выяснить, что мы не так уж далеко от экватора, и… Ладно, все равно сейчас докладываться. Что, прямо так и заходим?

— Да, вот сюда, в Первый Купол, — сам того не осознавая, Юэн произнес это так, словно слова писались с большой буквы.

«До чего же характерная человеческая черта, — мелькнуло у Мак-Арана, — с первых же мгновений устанавливать для себя какую-то систему ориентиров; на этой планете мы не пробыли еще и трех дней, а уже первый наспех собранный домик стал Первым Куполом, а полупрозрачный навес для раненых — Госпиталем».

Сидений под куполом не оказалось, но тут и там были разложены свернутые полотнища брезента и расставлены опрокинутые вверх дном пустые ящики, а для капитана Лейстера кто-то принес складной стул. Рядом с капитаном, раскрыв на коленях блокнот, сидела на ящике Камилла Дель-Рей — высокая стройная темноволосая девушка с широким неровным порезом через всю щеку, края которого были сведены крошечными пластиковыми зажимами. Верх ее теплого форменного комбинезона был отстегнут, и Камилла осталась в одной тонкой облегающей хлопковой рубашке. Мак-Аран быстро отвел взгляд: «Черт побери, о чем она думает, расселась чуть ли не в нижнем белье перед доброй половиной экипажа! В такое время это просто неприлично…» — потом, подняв глаза на осунувшееся, с ярко выделяющимся порезом лицо девушки, Мак-Аран устыдился собственных мыслей. Просто ей жарко

— действительно, под куполом было душновато — да и, в конце концов, она, можно сказать, при исполнении, ее право делать, как ей удобнее.

«Если уж кто и поступает неприлично, так это скорее я — в такое время глазеть на девушку… Это просто стресс. Слишком много, черт побери, вещей, о которых пока безопасней не думать».

Капитан Лейстер поднял седую голову. «У него смертельно усталый вид, — пронеслось в голове у Мак-Арана, — наверно, он тоже не спал с самого крушения».

— Все в сборе? — поинтересовался капитан у мисс Дель-Рей.

— Кажется, да.

— Леди и джентльмены, — произнес капитан. — Мы не будем зря тратить времени на формальности, и пока длится чрезвычайное положение, забудем лучше о тонкостях протокола и этикета. Так как мой адъютант в госпитале, мисс Дель-Рей любезно согласилась поработать сегодня секретарем. Во-первых, я собрал тут всех вас, по представителю от каждой группы, чтобы вы изложили своим людям информацию из первых рук — и пресечь таким образом распространение слухов. А насколько я помню еще с кадетских времен, чтобы пошли шепотки, достаточно собрать

вместе человек двадцать пять. Так что давайте условимся верить тому, что говорится здесь, а не тому, что кто-то шепнул чьему-то лучшему другу, или что кто-то услышал в столовой — договорились? Инженеры — давайте начнем с вас. Как дела с двигателями?

Поднялся главный инженер; звали его Патрик, и Мак-Аран был с ним практически не знаком. Тот оказался долговяз, неулыбчив и чем-то напоминал народного героя Линкольна.

— Плохо, — лаконично отозвался он. — Не стану утверждать, что безнадежно, но в машинном отделении такой бардак… Дайте нам неделю на то, чтобы все разгрести — и мы скажем вам, сколько времени потребуется на ремонт. Ориентировочно — недели три; может быть, месяц. Но, честно говоря, не стал бы биться об заклад на годовое жалованье, что угадал правильно.

— Значит, все-таки двигатели можно починить? — спросил Лейстер.

— Вроде бы, да, — отозвался Патрик. — По крайней мере, черт побери, хотелось бы надеяться. Может быть, придется поискать какое-нибудь топливо, но с большим конвертором это не такая уж великая проблема — сгодится все, что угодно; хоть целлюлоза. Это, конечно, я имею в виду пи-

тание систем жизнеобеспечения; для маршевого двигателя нужно антивещество. — Он углубился в технические детали; но прежде чем Мак-Аран окончательно утерял нить, Лейстер прервал главного инженера.

— Довольно, довольно. Главное, насколько я понимаю, это что двигатели можно починить, и что на это надо от трех до шести недель. Офицер Дель-Рей, как там дела на мостике?

— Капитан, на мостике сейчас работают ремонтники, расчищают металлолом плазменными резаками. От пульта остались одни обломки, но, похоже, главные банки данных не пострадали, и библиотеки тоже.

— В чем главная проблема?

— Нужно будет по всей рубке установить новые кресла и предохранительные ремни — с этим ремонтники справятся. Ну и, конечно, нам предстоит заново проложить курс; главное определить, где мы находимся, и тогда все сведется к простой астронавигационной задачке.

— Значит, и с этим не совсем безнадежно?

— Честно говоря, капитан, было бы слишком рано обещать что-то определенное. Но, по-моему, надежда есть. Может, я выдаю желаемое за действительное — но сдаваться пока рано.

— Похоже, — произнес капитан Лейстер, — по состоянию на сейчас, положение дел настолько скверное, насколько это вообще возможно; по крайней мере, склоняет всех к мрачному образу мыслей. Может, оно и к лучшему; на этом фоне малейшее просветление окажется приятной неожиданностью. Где доктор Ди Астуриен?

— Сэр, — поднялся Юэн Росс, — главврач послал с докладом меня; он сейчас организует учет и хранение всех уцелевших медикаментов. Смертных случаев больше не зафиксировано, а все погибшие и умершие погребены. Неизвестных заболеваний не обнаружено, но мы продолжаем проверять атмосферу и почву на микроорганизмы, как известные, так и неизвестные. И еще…

— Продолжайте.

— Капитан, доктор Ди Астуриен хотел бы, чтоб вы отдали приказ пользоваться только специально оборудованными отхожими местами. Наши собственные микроорганизмы способны нанести непоправимый ущерб местной флоре и фауне, а гальюн можно сравнительно надежно продезинфицировать…

— Хорошая мысль, — произнес Лейстер. — Дель-Рей, попросите кого-нибудь вывесить соответствующий приказ. Пусть служба безопас-

ности позаботится о том, чтобы все знали, где отхожие места, и проследит за исполнением. А то наверняка ведь найдутся любители отлить на природе, раз уж все равно мы в лесу, и нет никаких местных законов против загрязнения окружающей среды.

— Есть еще одно предложение, капитан, — отозвалась Камилла Дель-Рей. — Пусть на кухне делают то же самое с пищевыми отходами — какое-то время, по крайней мере.

— Дезинфицируют? Хорошая мысль. Ловат, что там у нас с синтезатором пищи?

— В рабочем состоянии, сэр — по крайней мере, временно. Но лучше бы, на всякий случай, поэкспериментировать с местной флорой; проверить, сможем ли мы есть здешние растения и коренья, если вдруг придется. А коли синтезатор сломается — он ведь и не предназначался для длительной эксплуатации при планетной силе тяжести — тогда уже будет слишком поздно начинать эксперименты с местной растительностью. — Джудит Ловат, невысокая крепышка лет под сорок, с зеленой эмблемой Систем Жизнеобеспечения на рукаве, повернулась в сторону двери. — Похоже, это не планета, а сплошной дикий лес; судя по обычной кислородно-азотной

атмосфере, тут наверняка должно быть что-то для нас съедобное. Как правило, хлорофилл и фотосинтез одинаковы на всех планетах класса Эм, и конечный продукт обычно — какие-нибудь углеводы с аминокислотами.

— Надо сказать ботаникам, чтобы немедленно этим занялись, — произнес капитан Лейстер. — Так, Мак-Аран, теперь ваша очередь. Удалось выяснить что-нибудь полезное?

— Упади мы на равнину, — произнес, поднимаясь, Мак-Аран, — мне б удалось выяснить гораздо больше… впрочем, не факт, что на этой планете вообще есть равнины… но кое-что разузнать удалось. Во-первых, мы находимся примерно на тысячу футов выше условного уровня моря — и определенно в северном полушарии, но не очень далеко от экватора, судя по тому, как высоко над горизонтом поднимается солнце. Похоже, мы упали в предгорьях гигантской горной цепи, настолько старой, что скалы успели зарасти лесом — то есть никаких действующих вулканов в пределах видимости и никаких следов недавнего вулканизма — в смысле, за последние несколько миллионов нет. Это не слишком молодая планета.

— Какие-нибудь признаки жизни? — поинте-

ресовался Лейстер.

— Очень много птиц. Также маленькие животные — вероятно, млекопитающие, но не уверен. Огромное количество деревьев, и большинство неизвестных видов. Некоторые, кажется, хвойные, но встречаются и какие-то широколиственные, не говоря уже о всевозможных кустарниках. Ботаник мог бы сказать вам гораздо больше, чем я. Никаких следов разумной жизни, ни единого признака того, что почва где-то возделывалась. Короче, такое впечатление, будто этой планеты не касалась рука человека — да и вообще чья бы то ни было рука. Не исключено, правда, что мы могли упасть посреди каких-нибудь здешних сибирских степей или пустыни Гоби — вдали от всех проторенных дорог. В двадцати милях к востоку отсюда, — продолжил он после некоторой заминки, — есть высокий горный пик, — его трудно не заметить, — с которого можно было бы как следует разглядеть окрестности и грубо прикинуть массу планеты, даже простейшими приборами; заодно можно будет присмотреться, как тут поблизости с реками, равнинами, водоемами… да и с признаками цивилизации.

— Из космоса никаких признаков жизни видно не было, — произнесла Камилла Дель-Рей.

— Вы хотели сказать, признаков технологической цивилизации? — негромко вступил Морэй, плотный и коренастый представитель Экспедиционного Корпуса, ответственный за Колонию. — Не забывайте, подлети чей-нибудь корабль к Земле века четыре назад или того раньше, они бы тоже не увидели никаких следов разумной жизни.

— Даже если тут и есть какая-нибудь дотехнологическая цивилизация, — отрывисто отозвался капитан Лейстер, — это все равно, что никакой цивилизации; да к вообще, местные формы жизни, разумные или нет, к нашей главной задаче отношения не имеют. Помочь нам с починкой корабля они все равно не смогут, так что надо постараться ничем не заразить здешние экосистемы и — если тут кто-то все же есть — всячески избегать контакта, чтобы не создавать культурного шока.

— С последним согласен, — медленно произнес Морэй, — но я хотел бы поднять один вопрос, который вы еще не затронули — с вашего позволения, капитан.

— Я же с этого и начал, — усмехнулся Лейстер, — ну его к черту, протокол. Валяйте.

— Что делается для проверки того, пригодна

ли эта планета для жизни — на случай, если двигатели так и не удастся починить, и мы тут застрянем?

Мак-Аран ощутил укол ледяного ужаса — а потом горячую волну облегчения. Кто-то сказал это. Кто-то еще думал о том же самом. И Мак-Арану не пришлось ставить вопрос самому.

Но на лице капитана Лейстера застыла гневная маска.

— Это чрезвычайно маловероятно.

Морэй тяжело поднялся на ноги.

— Да. Я слышал, что говорил ваш экипаж, но это звучало не очень убедительно. Мне кажется, нам следует немедленно провести инвентаризацию всего, чем мы располагаем и что может предложить планета — на случай, если застрянем тут навсегда.

— Невозможно, — хрипло произнес капитан Лейстер. — Мистер Морэй, вы что, хотите сказать, будто знаете о состоянии корабля больше, чем мой экипаж?

— Нет. Ни черта я не знаю о космических кораблях, да мне этого и не надо: когда я вижу груду хлама, то знаю, что это груда хлама. Мне известно, что у вас погибла добрая треть экипажа, включая кое-кого из старших специалистов. Я слышал, как

офицер Дель-Рей сказала, будто ей кажется, — всего лишь кажется, — что астронавигационный компьютер можно починить, а я в курсе, что управлять фотонным кораблем в межзвездном пространстве без компьютера невозможно. Необходимо иметь в виду, что корабль, может быть, больше никуда и не полетит. А, значит, и мы никуда не полетим. Если, конечно, не найдется какого-нибудь вундеркинда, который лет за пять, из местных материалов, нашими скромными силами соорудит спутник для межзвездной связи и пошлет сообщение на Землю, Альфу Центавра или колониям Короны — чтобы оттуда прилетели и подобрали их маленький заблудший кораблик.

— Мистер Морэй, чего вы пытаетесь этим добиться? — негромко поинтересовалась Камилла Дель-Рей. — Деморализовать нас еще больше? Напугать?

— Нет. Просто пытаюсь быть реалистом.

— Мистер Морэй, мне кажется, вы уводите нас несколько в сторону от темы, — произнес капитан Лейстер, из последних сил стараясь не дать прорваться на поверхность бушующей в душе у него ярости. — Наша главная задача — починить корабль, и для этого может понадобится при-

влечь всех до единого, включая пассажиров из вашей группы колонистов. Мы просто не можем позволить себе действовать по принципу «если бы да кабы». Так что, — повысив голос, закончил он, — если это был формальный запрос, считайте, что он отклонен. Еще вопросы есть?

Но Морэй не опустился на свое место.

— А если, — поинтересовался он, — через шесть недель выяснится, что корабль невозможно починить? Или через шесть месяцев?

Лейстер тяжело перевел дыхание.

«Похоже, — мелькнуло у Мак-Арана, — он смертельно устал, но из последних сил старается этого не выдать».

— Мистер Морэй, — произнес капитан, — я бы все-таки предложил решать проблемы в порядке поступления. Знаете, есть одна очень старая поговорка: довлеет дневи злоба его. Мне не кажется, что шесть месяцев — такой уж большой срок, чтобы заранее предаваться унынию или впадать в отчаяние. Что касается меня, то я планирую еще пожить и привести корабль в пункт назначения — а если кто вздумает распространять пораженческие настроения, тот будет иметь дело со мной. Все ясно?

Морэй, очевидно, все еще был недоволен; но

что-то — наверно, только сила воли капитана — заставило его воздержаться от дальнейших реплик. Продолжая недовольно скалиться, он опустился, на свое место.

— Еще что-нибудь осталось на повестке? — поинтересовался Лейстер, заглядывая в блокнот Камиллы. — Очень хорошо. Тогда, леди и джентльмены, пожалуй, на сегодня все. Списки выживших и раненых, кто в каком состоянии, будут вывешены сегодня к вечеру. Вы что-то хотели сказать, отец Валентин?

— Сэр, меня просили отслужить заупокойную мессу по безвременно усопшим, у братской могилы. Поскольку протестантский капеллан погиб, я хотел бы предложить свои услуги всем, кто может в них зачем-то нуждаться, вне зависимости от вероисповедания.

Капитан Лейстер перевел взгляд на молодого священника с рукой на перевязи и головой в бинтах; лицо его смягчилось.

— Разумеется, святой отец, отслужите свою мессу, — произнес он. — Я бы предложил завтра на рассвете. Найдите кого-нибудь, кто мог бы соорудить на месте могилы достойный памятник; когда-нибудь — может, через несколько сотен лет — эту планету наверняка заселят, и

будущим колонистам следует знать о том, что здесь произошло. Надеюсь, на памятник у нас времени хватит.

— Спасибо, капитан. Вы позволите удалиться? Меня ждут в госпитале…

— Конечно, конечно, святой отец. И вообще, все свободны — если ни у кого не осталось вопросов. Очень хорошо. — Лейстер откинулся на спинку складного стула и на мгновение прикрыл глаза. — Мак-Аран и доктор Ловат, вы не задержались бы еще на минуточку?

Мак-Аран медленно приблизился, удивленный сверх всякой меры; раньше ему ни разу, не приходилось разговаривать с капитаном, и до настоящего момента он и не подозревал, что Лейстер хотя бы знает его в лицо. Что могло тому понадобиться? Остальные тем временем потянулись к выходу из купола.

— Рэйф, — шепнул на ухо Мак-Арану Юэн, тронув его за плечо, — мы с Хедер будем на заупокойной мессе. А сейчас мне надо идти. Загляни вечерком в госпиталь, я проверю, как там твое сотрясение. До скорого.

Капитан Лейстер обмяк на стуле, — казалось, годы и усталость взяли свое, — но он слегка выпрямился, когда приблизились Джудит Ловат и

Мак-Аран.

— Мак-Аран, — произнес капитан, — насколько я помню из вашего личного дела, у вас есть некоторый альпинистский опыт. А какая у вас специальность?

— Геология. И я действительно немало времени проводил в горах.

— Тогда я назначаю вас руководителем небольшой исследовательской экспедиции. Заберитесь, если получится, на ту гору, о которой говорили, осмотрите окрестности, прикиньте массу планеты, ну и так далее. Среди колонистов есть метеоролог?

— Полагаю, да, сэр. Мистер Морэй должен знать точно.

— Наверняка; неплохая, кстати, мысль — спросить его об этом лично, — еле слышно произнес Лейстер. Он настолько устал, что уже не говорил, а мямлил. — Если у вас появится хотя бы примерное представление, что за погода ожидается на ближайшие несколько недель, можно будет решить, какие временные укрытия ставить для экипажа и колонистов. А любая информация о периоде вращения планеты, ну, и прочее в том же роде, может оказаться полезной для Экспедиционного Корпуса. И… доктор Ловат… подыщите

какого-нибудь зоолога… и ботаника… желательно, из числа колонистов — и пошлите их с Мак-Араном. На всякий случай; вдруг пищевой синтезатор все-таки не выдержит. Пусть они проведут полевые испытания и возьмут образцы.

— Я бы предложила послать еще и бактериолога, — сказала доктор Ловат. — Если, конечно, найдется свободный.

— Хорошая мысль. Мак-Аран, постарайтесь не слишком ослаблять ремонтные бригады, но возьмите с собой всех, кого считаете нужным. Еще какие-нибудь соображения есть на этот счет?

— Я бы хотел взять врача — или хотя бы медсестру, — произнес Мак-Аран, — а то вдруг кто-то провалится в трещину или попадется на зуб какому-нибудь местному Tyrannosaurus Rex…

— Или подхватит какую-нибудь жуткую местную болезнь, — закончила доктор Ловат. — Я могла бы и сама об этом подумать.

— Хорошо — если главврач разрешит кого-нибудь отпустить, — согласился Лейстер. — Да вот еще что. С вами пойдет офицер Дель-Рей.

— Зачем, позвольте поинтересоваться? — спросил Мак-Аран, несколько удивленный. — Нет, я, конечно, ничего не имею лично против мисс Дель-Рей, но для женщины, по-моему, это будет

тяжеловато. Тут ведь не Земля, и в горах нет ни одного подъемника.

— Капитан, — произнесла Камилла негромко и хрипловато («Интересно, — подумал Рафаэль, — это от горя и усталости, или таков ее нормальный голос?»), — похоже, что Мак-Аран еще не знает самого худшего. Что вам вообще известно о катастрофе и ее причинах, Мак-Аран?

— Ничего, кроме обычных домыслов, — пожал тот плечами. — Помню только, что завыла сирена, я перебрался в спасательный отсек… так называемый «спасательный», — горько добавил он, вспомнив изувеченное тело Дженни, — а в следующее мгновение меня уже вытаскивали из отсека и спускали по трапу. Точка.

— Тогда слушайте. Мы понятия не имеем, где находимся. Мы не знаем, что это за солнце. Мы даже примерно не представляем, в какое звездное скопление угодили. Мы сбились с курса из-за гравитационного шторма — так это обычно называется, а в тонкости я сейчас вдаваться не хочу. При первом же ударе шторма отказало почти все астронавигационное оборудование — нам ничего не оставалось, кроме как засечь ближайшую систему с пригодной для жизни планетой и как можно быстрее садиться. Теперь

мне надо провести кое-какие астрономические наблюдения, если получится, засечь известные звезды — спектроскопом, например. Тогда, может быть, мне удастся триангуляцией определить наше положение в галактическом рукаве и хотя бы частично перепрограммировать астронавигационный компьютер. Астрономические наблюдения проще вести на такой высоте, где воздух разрежен. Даже если я не сумею забраться на самую вершину этого ближайшего пика, каждая лишняя тысяча футов высоты увеличивает точность измерений. — Девушка говорила очень серьезно, и Мак-Арану пришло в голову, что она придерживается такой профессионально-дидактической манеры, чтобы в голосе не прорвались истеричные нотки. — Так что, если вы не возражаете против моего участия в экспедиции… я достаточно сильна, проходила спецподготовку и не боюсь каких-то особенных тягот. Я бы послала своего помощника, но он в госпитале с ожогом тридцати процентов поверхности тела, так что если он и выздоровеет — а это пока не факт — то еще долго никуда не сможет выбираться. Боюсь, никто здесь лучше меня не разбирается в астрогации и галактографии, так что я предпочла бы довериться собственным измерениям, нежели

чьим-то чужим.

Мак-Аран пожал плечами. Он никогда не был сторонником половой сегрегации, и если девушка считает, что выдержит экспедиционные тяготы — наверное, так оно и есть.

— Хорошо, — сказал он, — дело ваше. Нам потребуется провизии дня, по меньшей мере, на четыре, так что если у вас тяжелые приборы, лучше заранее договориться, чтобы кто-то их понес; у каждого и так наверняка будет куча всякого своего оборудования, — он покосился на тоненькую, пропитавшуюся потом хлопковую рубашку и грубовато добавил: — Только оденьтесь потеплее, черт побери; схватите еще пневмонию.

Девушка удивленно замерла, потом глаза ее сердито вспыхнули; но Мак-Аран уже развернулся к капитану.

— Когда нам отправляться? Завтра?

— Нет; слишком многим из нас давно не удавалось толком выспаться, — отозвался Лейстер, очнувшись от секундной дремоты. — Про себя я уж не говорю — но ведь полэкипажа в таком же состоянии. Сегодня вечером я отдам приказ всем спать — кроме, разве что, наряда дежурных. Завтра утром все, за исключением ремонтников, освобождаются от работы — чтобы могли пойти

на заупокойную мессу; потом всякая там инвентаризация, разбор завалов в грузовом отсеке… Так что, пожалуй, лучше бы вам отправиться дня через два, через три. Еще не придумали, кого хотите взять с собой из медслужбы?

— Можно Юэна Росса — если главврач его отпустит?

— Не возражаю, — отозвался Лейстер и на мгновение обмяк на стуле, очевидно, отключившись.

— Спасибо, сэр, — негромко произнес Мак-Аран и развернулся уходить. Невесомым, как перышко, прикосновением Камилла Дель-Рей тронула его за локоть.

— Не смейте осуждать его, — хрипловато, с гневной дрожью в голосе прошептала она. — Он начал принимать стимуляторы еще за два дня до аварии и до сих пор на ногах — это в его-то возрасте! Я позабочусь, чтобы он поспал не меньше суток — даже если для этого придется усыпить весь лагерь!

— …вовсе не спал, — твердо произнес, встрепенувшись, Лейстер. — Еще вопросы есть? Мак-Аран? Ловат?

— Нет, сэр, — вежливо отозвался Мак-Аран и тихо выскользнул из купола, бросив напоследок взгляд на снова погрузившегося в дремоту

Лейстера. Первый помощник капитана Камилла Дель-Рей замерла над ним, как — на ум пришел неожиданный образ, и Мак-Аран вздрогнул — как свирепая тигрица-мать над тигренком. *Или над старым львом?* И какая ему, Мак-Арану, собственно, разница?

2

Почти все пассажирские отсеки корабля были залиты пеной из пожарных автоматов, поэтому капитан Лейстер приказал выдать участникам горной экспедиции теплые непромокаемые комбинезоны, используемые обычно экипажем при исследовании незнакомых планет. Им было сказано приготовиться к выходу на рассвете; и — на рассвете они уже были готовы, пристраивая на плечах рюкзаки с провизией, научным оборудованием и на скорую руку изготовленным походным снаряжением. Мак-Аран дожидался, пока Камилла Дель-Рей давала последние наставления вахтенному.

— Вот время заката и восхода — настолько точно, насколько это вообще возможно измерить в наших условиях; а вот точный азимут на восход. Не исключено, что нам еще придется замерить местный полдень. Но каждый вечер, на закате, включайте в этом направлении самый мощный корабельный прожектор и держите включенным ровно десять минут. Это поможет нам не сбиться с курса, а заодно поточнее установить, где тут

восток и запад. Я уже объяснила, как брать полуденные азимутальные отсчеты…

Она обернулась и увидела Мак-Арана.

— Я вас задерживаю? — хладнокровно поинтересовалась она. — Прошу прощения, но вы же понимаете, как важно правильно взять отсчет…

— Трудно не согласиться, — отозвался Мак-Аран, — но зачем у меня об этом спрашивать? Вы же старшая по званию во всей нашей экспедиции, не так ли, мадам?

— Ах, так вот что вас беспокоит! — Она изящно вздернула бровь. — Вообще-то, ничего подобного. Только на мостике. Капитан Лейстер поставил во главе экспедиции вас, и, поверьте, меня это вполне устраивает, Не исключено, что в альпинизме я понимаю не больше, чем вы в астрогации — или даже меньше. Я выросла в колонии на Альфе, а там, как прекрасно известно, сплошные пустыни.

Мак-Аран ощутил значительное облегчение — и одновременно некое капризное раздражение. Черт побери, эта дамочка больно уж восприимчива! Да, конечно, это сведет возможные трения к минимуму, если ему не придется каждый раз просить ее как старшего офицера отдать тот или иной приказ — или выдвинуть предложение.

Но факт оставался фактом: каким-то образом ей удалось заставить его почувствовать себя назойливым и неумелым идиотом!

— Ладно, — сказал он, — отправляемся, как только вы будете готовы. У нас впереди весьма дальняя дорога — и по довольно пересеченной местности. В общем, раньше сядем — раньше выйдем.

Он отвернулся и критическим взглядом окинул остальных участников экспедиции. Юэн Росс навьючил на себя большую часть астрономического оборудования Камиллы Дель-Рей, поскольку, по его словам, аптечка почти ничего не весила. Ему вполголоса говорила что-то Хедер Стюарт в неотличимом от остальных теплом форменном комбинезоне; наверно, это любовь, криво усмехнулся Мак-Аран, если девушка приходит помахать тебе на прощание ручкой в такую смертельную рань. У коренастой Джудит Ловат через плечо висела связка небольших контейнеров для образцов. Остальных двоих Мак-Аран видел впервые и решил сначала познакомиться, а потом уж дать команду выдвигаться.

— Кажется, мы встречались еще на корабле, — произнес Рафаэль, — но не уверен, что я вас знаю. Вы…

— Марко Забал. Ксеноботаник, — представился высокий горбоносый мужчина лет тридцати-сорока. — Меня просила помочь доктор Ловат. В горах я не новичок — вырос в Басконии, ходил в Гималаи…

— Очень рад, — произнес Мак-Аран. Они обменялись рукопожатием. Удачно, что в составе экспедиции есть еще кто-то с горным опытом. — А вы?

— Льюис Мак-Леод. Зоолог и ветеринар.

— Из экипажа или колонист?

— Колонист. — На лице Мак-Леода мелькнула улыбка. Он был невысок, полноват и с очень светлой кожей. — И предупреждаю заранее: никакого альпинистского опыта. Но я из горной Шотландии, а у нас до сих пор приходится немало побегать на своих двоих — причем вертикальная составляющая рельефа гораздо ощутимей, чем горизонтальная.

— Что ж, и на том спасибо, — произнес Мак-Аран. — Теперь, когда все в сборе… Юэн, прощайся с девушкой, и двинулись.

Хедер отбросила капюшон и негромко рассмеялась; девушка невысокая и весьма изящного сложения — в комбинезоне, который был ей великоват, она казалась совсем хрупкой.

— Ну хватит, Рэйф. Я иду с вами. Я же микробиолог и буду собирать образцы для доктора Ловат.

— Но… — Мак-Аран в замешательстве нахмурился. Он мог понять, зачем с ними должна идти Камилла — в своем деле она разбиралась лучше, чем любой мужчина. Теперь понятно, почему доктор Ловат выглядит такой озабоченной. — Я же специально просил подобрать для этой экспедиции мужчин, и покрепче, — проговорил он. — Местность впереди чертовски пересеченная. — Ожидая встретить поддержку, он перевел взгляд на Юэна, но тот только рассмеялся.

— Я что, должен процитировать Билль о правах? «Любое ущемление права на труд вследствие расовых, религиозных или половых предубеждений является противозаконным…»

— О Господи, только выслушивать четвертую статью мне тут не хватало, — пробормотал Мак-Аран. — Если Хедер так уж хочется сносить до дыр башмачки, а ты не против, то я и подавно не стану возражать, — он не мог отделаться от подозрения, что все это подстроено Юэном. Ничего себе начало! А он-то уже размечтался, несмотря на столь серьезную цель экспедиции, полазать по неисследованной горе — и тут, вот-те на, выясняется, что он должен тащить с собой не только

астрогаторшу (которая, хотя бы, явно в неплохой физической форме), но плюс доктора Ловат (которая, пусть еще далеко не в преклонных годах, но все же не так молода и энергична, как хотелось бы) и Хедер — вообще, судя по всему, тепличный цветок.

— Ладно, двинулись, — произнес он, надеясь, что прозвучало это не слишком мрачно.

Походный порядок был организован следующим образом: впереди шел сам Мак-Аран, сразу за ним — доктор Ловат и Хедер с Юэном (чтобы сразу стало понятно, не слишком ли высокий темп он задал), затем Камилла и Мак-Леод, а замыкающим двигался имеющий горный опыт Марко Забал. Только они отошли от корабля и миновали скопление на скорую руку возведенных домиков, как из-за холмов на горизонте стало подниматься огромное красное солнце, словно воспаленный и налитый кровью гигантский глаз. В долине, где упал корабль, густой стеной стоял утренний туман, но вот экспедиция направилась вверх по склону, и туман стал редеть, рассеиваться, а Мак-Аран невольно ощутил духовный подъем. Не такой это уж, все-таки, пустяк — возглавлять исследовательскую экспедицию (может быть, единственную на сотни лет вперед) на совершен-

но новой планете.

Они шли молча; им было на что посмотреть. Выбравшись на гребень долины, Мак-Аран остановился и подождал, пока остальные его нагонят.

— У меня нет почти никакого опыта с чужими планетами, — произнес он, — но вот что я скажу. Не забредайте в незнакомый кустарник, смотрите, куда идете, и… надеюсь, мне не надо предупреждать, что ни в коем случае нельзя ничего ни пить, ни есть, пока доктор Ловат не даст «добро». Вы двое специалисты, — он кивнул Забалу и Мак-Леоду, — можете что-нибудь добавить?

— Только общее пожелание: вести себя как можно осторожней, — отозвался Мак-Леод. — Откуда мы знаем, может, вся эта планета кишит ядовитыми змеями и рептилиями… впрочем, комбинезоны предохранят нас практически от любых невидимых опасностей. На самый крайний случай, у меня есть пистолет — вдруг нападет динозавр или какой-нибудь крупный хищник — но всегда лучше бежать, чем поднимать стрельбу. Не будем забывать, наша задача — предварительное обследование, так что не стоит слишком увлекаться классифицированием или сбором образцов; об этом позаботится следу-

ющая экспедиция.

— Если она будет, следующая экспедиция, — пробормотала Камилла. Сказано это было себе под нос, но Рафаэль услышал и недовольно покосился на нее. Вслух же только сказал:

— Общая команда — взять по компасу направление на пик; и не забывайте каждый раз делать поправки, когда будем сбиваться с азимута из-за рельефа. Отсюда пик виден; но дальше, в предгорьях, может получиться так, что не будет видно ничего, кроме вершины ближайшего холма или сплошных деревьев.

Поначалу идти было легко и даже приятно — вверх по пологим склонам, между высокими, глубоко зарывшимися корнями в землю стволами хвойных деревьев, удивительно тонких для своей высоты, с длинными сине-зелеными иголками на узких ветках. Если бы не тускло светящее сквозь кроны красное солнце, можно было бы подумать, что они в обычном земном заповеднике. Время от времени Марко Забал ненадолго покидал строй — получше присмотреться к какому-нибудь дереву, листу или переплетению корней; а как-то раз меж стволами мелькнул маленький зверек и тут же опрометью бросился назад, в лес.

— Пункт первый, — сказал Льюис. Мак-Леод

доктору Ловат, проводив зверька полным сожаления взглядом. — Тут водятся покрытые мехом млекопитающие. Возможно, сумчатые, но не уверен.

— А я думала, вы собирались брать образцы, — произнесла женщина.

— Я и возьму, на обратном пути. Я же не смогу сохранить их живыми — откуда я знаю, чем их кормить? Но если вас волнуют, в первую очередь, гастрономические соображения, то могу успокоить: пока что все млекопитающие, на всех планетах, оказывались вполне съедобными. Может, не всегда очень вкусными — но, очевидно, у любых молокоотделяющих животных биохимия весьма сходна.

Джудит Ловат заметила, что толстенький коротышка-зоолог громко пыхтит от натуги, но ничего не сказала. Она прекрасно понимала, как это волнующе — быть первым, кто увидит и классифицирует дикую жизнь на совершенно незнакомой планете; обычно этим занимались профессионалы экстра-класса из Передовых Отрядов… Впрочем, наверно, Мак-Аран не взял бы зоолога в экспедицию, если бы посчитал, что тот физически недостаточно подготовлен.

О том же думал Юэн Росс, шагая рядом с Хедер;

что он, что она предпочитали не расходовать дыхания на болтовню. «Рэйф задал не слишком высокий темп, — думал Юэн, — но все равно я не уверен, что наши дамы выдержат его до конца». И когда Мак-Аран объявил привал — через час с небольшим после выхода — Росс оставил девушку и подошел к Мак-Арану.

— Скажи, Рэйф, какой высоты этот пик?

— Трудно сказать, слишком он от нас далеко. Скорее всего, тысяч восемнадцать — двадцать футов.

— Думаешь, нашим дамам это под силу?

— Камилле в любом случае придется лезть — ей нужно проделать астрономические наблюдения. Если понадобится, мы с Забалом ей подсобим; а вы можете встать лагерем на нижних склонах, если не будет настроения забираться наверх.

— У меня-то настроение есть, — заявил Юэн. — Не забывай, в здешнем воздухе кислорода больше, чем в земном, и кислородное голодание начинается гораздо выше.

Он обвел взглядом группу; все сидели и отдыхали, кроме Хедер Стюарт, выкапывающей образец почвы и помещающей в контейнер. А Льюис Мак-Леод растянулся на земле во весь рост, тяжело дыша и зажмурив глаза. При виде этого

Юэну стало тревожно — его тренированный глаз заметил то, что укрылось от внимания Джудит Ловат; но Юэн промолчал. Не мог же он потребовать, чтобы зоолога отослали назад — по крайней мере, одного.

Молодому доктору показалось, что Мак-Аран читает его мысли; тот вдруг отрывисто произнес:

— Тебе не кажется, что пока все идет как-то слишком легко, слишком… хорошо? Должен же в этой планете быть какой-то подвох. Больно похоже на пикник где-нибудь в заповеднике.

«Ничего себе пикничок, пятьдесят с лишним трупов и больше ста раненых», — подумал Юэн, но промолчал, вспомнив о погибшей сестре Рэйфа.

— Почему бы и нет, Рэйф? — наконец произнес он. — Разве есть такой закон, что неисследованная планета обязательно должна быть опасной? Может, мы просто настолько привыкли к жизни на Земле, без малейшего риска, что без помощи техники боимся и шага ступить? — Он улыбнулся. — Разве не ты жаловался, будто на Земле все горные склоны — включая слаломные трассы — настолько сглажены, что искать острых ощущений лишено всякого смысла? Впрочем, это я все понаслышке — я-то никогда не был особым

любителем острых ощущений.

— Может, в чем-то ты и прав, — отозвался Мак-Аран, но хмурая складка между бровей упорно не желала разглаживаться. — Но, если так, зачем вся эта возня с Передовыми Отрядами, когда открывают новые планеты?

— Понятия не имею. А, может, на планете, где нет человека, не водится и его природных врагов?

Последнее соображение должно было утешить Мак-Арана; но вместо этого по спине у него пробежал холодок. Если человек тут чужой — сумеет ли он вообще выжить? Вслух Мак-Аран этого предпочел не говорить.

— Давайте-ка лучше двигаться, — произнес он. — Нам еще далеко идти, а я хотел бы к вечеру быть, как минимум, у подножия.

Он подошел к Мак-Леоду; тот с трудом поднимался на ноги.

— С вами все в порядке, доктор? — поинтересовался он.

— Лучше зовите меня Мак, — со слабой улыбкой отозвался тот. — Ну ее к черту, корабельную дисциплину. Да, со мной все в порядке.

— Вы у нас специалист по животным. Есть уже какие-нибудь теории, почему мы до сих пор не

видели никого крупнее белки?

— Целых две теории, — отозвался Мак-Леод, широко ухмыльнувшись. — Первая, разумеется, что их просто нет. А вторая, которую я и собираюсь защищать с пеной у рта, что когда мы вшестером — нет, всемером — с таким грохотом ломимся через кустарник, все, у кого мозг больше, чем у белки, стараются держаться подальше.

Мак-Аран усмехнулся; Мак-Леод в его глазах сразу подрос на несколько пунктов.

— Может, постараться потише? — поинтересовался он.

— С трудом представляю, как это у нас получится. Лучше подождем ночи. Тогда — если работает аналогия с Землей — на охоту выйдут крупные хищники, в надежде накрыть свою добычу спящей.

— Значит, надо будет позаботиться, чтобы нами по ошибке не закусили, — произнес Мак-Аран, глядя, как остальные вскидывают на плечи рюкзаки и выстраиваются походным порядком. «О хищниках-то, — думал он, — я и забыл». Истинная правда: болезненная забота о безопасности привела к тому, что на Земле для человека практически не осталось опасностей, кроме рукотворных. Даже сафари в джунглях устраивалось

на грузовиках с застекленным кузовом; Мак-Арану и в голову не пришло бы, что в лесу ночью на охотничью тропу могут выходить опасные хищники.

После привала прошло минут сорок. Деревья росли все гуще и гуще, а кустарник становился все более цепким и раскидистым; чтобы пройти, уже приходилось отводить в стороны ветки. Вдруг Джудит остановилась и, сморщившись в болезненной гримасе, принялись тереть глаза; а Хедер подняла руки и с ужасом уставилась на свои ладони.

— В чем дело? — тут же встрепенулся шедший рядом Юэн.

— Мои руки… — прошептала Хедер побелевшими губами.

— Рэйф, погоди минутку! — крикнул Юэн, и неровный строй замер. Осторожно взявшись за кончики тонких пальцев, молодой врач стал внимательно разглядывать кисти рук девушки, покрывающиеся узором зеленых пятнышек.

— Джуди! — выкрикнула сзади Камилла. — О Господи! Посмотрите на нее!

Юэн развернулся и уставился на доктора Ловат. Щеки и веки ее были усыпаны зелеными пятнами, которые, казалось, на глазах разрастаются и

набухают. Та плотно зажмурилась и собралась было снова потереть веки, но Камилла осторожно перехватила ее руки на полпути.

— Джуди, не трогайте больше лицо… Доктор Росс, что это такое?

— А черт его знает!

Тем временем подоспели остальные, и Юэн обвел всех изучающим взглядом.

— Никто больше пока не зеленеет? Ну тогда ладно, Значит, так: это моя работа, а вы на всякий случай держитесь подальше, пока не разберемся, во что это вляпались. Хедер! — Он потряс девушку за плечо. — Прекрати! Может, это и не смертельно. На первый взгляд, кроме зеленой сыпи на руках, с тобой все в порядке.

— Х-хорошо. — Было видно, с каким трудом Хедер удерживается от истерики.

— Вот. Теперь опиши как можно точнее, что ты чувствуешь. Тебе больно?

— Нет… Но они чешутся, черт бы их побрал!

Она неровно дышала, лицо ее раскраснелось; на лоб упала прядь медно-золотистых волос, и Хедер подняла руку поправить прическу. Юэн перехватил ее кисть, стараясь касаться только обшлага.

— Ни в коем случае не трогай лицо! — ска-

зал он. — А то с тобой будет то же самое, что с доктором Ловат. Доктор Ловат, как вы себя чувствуете?

— Не так, чтобы очень, — с некоторым усилием отозвалась та. — Все лицо горит, как в огне, и глаза… в общем, сами видите.

— Это точно… — протянул Юэн.

Тем временем у Джудит Ловат распухли и позеленели веки, и вид у нее стал совершенно гротескный.

«Интересно, — мелькнула у Юэна мысль и тут же скрылась, — им заметно, что в глубине души меня просто трясет от страха?» В космический век страшные истории об экзотических инопланетных болячках впитывались с молоком матери. Но он был врач; и это его работа.

— Значит, так, — произнес он насколько мог твердо, — всем остальным отступить на шаг. И не бойтесь; будь это что-то легочное, мы бы давно уже все заразились — может, даже и в первую ночь. Доктор Ловат, еще какие-нибудь симптомы есть?

— Нет, — попыталась улыбнуться Джуди. — Только… я боюсь.

— Ну, это не самое тревожное… пока, — сказал Юэн. Натянув тонкие резиновые перчатки, он

измерил доктору Ловат пульс. — Ни тахикардии, ни затрудненного дыхания. А ты как, Хедер?

— Все нормально, если б не этот чертов зуд!

Юэн пристально вгляделся в зеленые пятнышки. Поначалу они были совсем крошечными, не больше булавочного укола, но каждая папула на глазах набухала до здоровенной везикулы.

— Ладно, займемся отсечением лишнего, — произнес Юэн. — Хедер, было что-нибудь такое, чем занимались только вы с доктором Ловат?

— Я собирала образцы грунтов, искала почвенные бактерии, диатомеи…

— А я рассматривала какие-то листья, — сказала Джуди, — достаточно ли в них хлорофилла…

— Давайте я буду сегодня Шерлоком Холмсом, — объявил Марко Забал, отворачивая обшлага куртки. — Вот в чем все дело. — Он продемонстрировал одно-два крошечных зеленых пятнышка у запястья. — Мисс Стюарт, вам не приходилось разгребать палую листву, чтобы взять образцы почвы?

— Э… приходилось, — отозвалась Хедер. — Такие плоские, красноватые листья.

— В этом-то все и дело, — кивнул Забал. — Как любой уважающий себя ксеноботаник, я не трогаю незнакомой флоры без перчаток, пока

не выясню, что это за растение; я заметил, что красные листья покрыты эфирными маслами, но подумал, что так и надо. Вероятно, какой-то дальний родственник урушиола — rhus toxicodendron — вроде вашего сумаха ядоносного. Смею предположить, что если сыпь появилась так быстро, то это простой контактный дерматит, без каких бы то ни было опасных последствий. — Длинное узкое лицо его прорезала усмешка. — Советую попробовать антигистаминовую мазь, если такая есть в аптечке; а доктору Ловат надо бы вколоть чего-нибудь посильнее, а то ее веки так распухли, что она почти совсем не видит. Так что теперь лучше не трогайте, пожалуйста, никаких хорошеньких листочков, пока я не дам «добро». Ладно?

Юэн последовал совету ксеноботаника с облегчением чуть ли не болезненным. Похоже, инопланетные болячки оказались доктору Юэну Россу несколько не по зубам. Он вколол Джудит Ловат здоровую дозу антигистаминов, и опухоль на веках тут же спала, хотя зеленоватый оттенок остался.

— Красная опасность, от которой зеленеют, — сухо произнес высокий баск, демонстрируя всем образцы листа, запечатанный в прозрачный

пластиковый контейнер. — Вот совет на будущее: научитесь держаться по возможности подальше от незнакомых растений.

— Ну что, если все в порядке, то двинулись дальше, — произнес Мак-Аран, с плеч которого словно гора свалилась; и пока остальные надевали рюкзаки, Рафаэля снова заколотила холодная дрожь. Какие еще угрозы могут таить в себе самого невинного вида дерево-или цветок?

— Говорил же я, слишком тут хорошо, чтобы это было взаправду, — вполголоса бросил он Юэну.

Реплика донеслась до слуха Марко Забала, и тот усмехнулся.

— Мой брат, — сказал он, — был в Передовом Отряде, посланном в систему Короны. Вот почему я туда направлялся… и вот откуда все мои феноменальные познания. Экспедиционный Корпус старается не слишком афишировать, что новые миры могут оказаться неистощимы на неприятные сюрпризы; иначе никого вообще с нашей родной уютной планетки было бы в колонии и калачом не заманить. Ну а к тому времени, когда прибывают основные поселенцы, — как наши колонисты, например, — Передовые Отряды обычно уже ликвидируют главные опасности и, как бы это сказать… наводят некоторый глянец.

На это Мак-Аран ничего не ответил и только повторил: «Двинулись». Планета действительно дикая, и что тут можно поделать? Он же сам когда-то хвастался, что любит риск — что ж, наконец ему представилась возможность рискнуть.

Но больше никаких происшествий не было, и незадолго до полудня они устроили привал — перекусить и дать возможность Камилле Дель-Рей повозиться с гномоном.

— Чем это вы таким занимаетесь? — поинтересовался Мак-Аран, пристраиваясь рядом с ней. Та сосредоточенно наблюдала за воткнутым в землю небольшим столбиком.

— Ловлю момент, когда будет самая короткая тень — это точный астрономический полдень. Я измеряю длину тени каждые две минуты — и если та начнет удлиняться, значит, я поймала двухминутный интервал, когда солнце было точно на меридиане. Для наших измерений знать истинный местный полдень с такой точностью достаточно. — Она повернулась к Мак-Арану и спросила тоном ниже: — С Хедер и Джудит действительно все в порядке?

— О, да. Юэн не раз осматривал их по пути. Он говорит, что понятия не имеет, как долго будет сходить эта зелень, но с ними действительно все

в порядке.

— Я чуть не сорвалась в истерику, — пробормотала Камилла. — Смотрю на Джудит, и мне становится стыдно. Она вела себя так спокойно…

Мак-Аран не сумел точно уловить момент, когда «лейтенант Дель-Рей», «доктор Ловат» и «доктор Мак-Леод» (а на корабле ко всем, кроме ближайших знакомых, было принято обращаться именно так) превратились в Камиллу, Джуди и Мака. Мак-Аран это только приветствовал. Не исключено, что им предстоит задержаться тут надолго. Он вкратце поделился с Камиллой этим своим наблюдением, потом вдруг спросил:

— Вы хотя бы примерно представляете, на сколько затянется ремонт?

— Совсем не представляю, — ответила она. — Но капитан Лейстер говорит — шесть недель, если это в наших силах.

— «Если»?

— Разумеется, это в наших силах, — отрывисто произнесла она и отвернулась. — Другого выхода просто нет. Не можем же мы остаться здесь.

«Интересно, чего тут больше, фактов или оптимизма?» — подумал Мак-Аран, но спрашивать не стал. Следующая его реплика была какой-то обычной банальностью насчет качества субли-

мированной пищи и скромным пожеланием в адрес Джуди отыскать подходящий подножный корм.

Солнце начало — медленно опускаться к далекой горной цепи; стало прохладней, поднялся сильный ветер.

— Похоже, плакали мои астрономические наблюдения, — пробормотала Камилла, опасливо разглядывая сгущающиеся облака. — На этой чертовой планете что; каждый вечер обязательно идет дождь?

— Похоже на то, — лаконично отозвался Мак-Аран. — Может, конечно, — добавил он по некотором размышлении, — это просто сезон такой. Но пока что все происходит достаточно однообразно: в полдень жара, потом быстро холодает, днем облачно, вечером дождь, к полуночи снег. А утром туман.

— Насколько я понимаю, — нахмурила брови Камилла, — сейчас должна быть весна; по крайней мере, за каждые из последних пяти суток световой день удлинялся, примерно на три минуты. Похоже, ось этой планеты наклонена к плоскости орбиты гораздо сильнее, чем земная — оттого и такие резкие погодные скачки. Но, может быть, когда снегопад пройдет, а туман еще

не поднимется; небо ненадолго прояснится… — И она задумчиво умолкла. Мак-Аран не стал ее отвлекать, а когда в воздухе повисла мелкая морось, принялся искать место для лагеря. Хорошо бы успеть поставить палатку прежде, чем морось превратится в ливень.

Пологий склон спускался к широкой, поросшей очень редким лесом долине — не на самом их пути, милях в двух-трех южнее, но весьма приятной на вид и зеленой. Мак-Аран задумчиво обвел ее взглядом, прикидывая, что будет меньшим из зол: крюк в несколько миль или ночевка в лесу. Очевидно же, что в предгорьях такие маленькие долины не редкость; а через эту, похоже, еще и бежала узенькая водяная струйка… Речка? Ручей? Может, удастся пополнить запасы воды?

— Да, конечно, воду надо проверить обязательно, — отозвался Мак-Леод, когда Мак-Аран поделился с ним своими сомнениями. — Но разбить лагерь безопасней тут, посреди леса.

— Почему?

Вместо ответа Мак-Леод махнул рукой вниз; проследив за его взглядом, Мак-Аран увидел стадо каких-то животных. Как следует их было не рассмотреть, но больше всего они напоминали небольших пони.

— Вот почему, — сказал Мак-Леод. — Откуда мы знаем, может, они, конечно, и неопасные… или даже одомашненные. А уж если они пасутся, то, значит, точно не хищные. Но мне как-то не хотелось бы ночью оказаться у них на пути, если им вдруг взбредет в голову устроить забег. Затопчут. А в лесу мы заранее услышим, если кто будет приближаться.

— Может быть, они годятся в пищу, — заметила подошедшая Джудит. — Или их можно приручить, если когда-нибудь эту планету соберутся заселять — не надо будет завозить с Земли мясной скот и вьючных животных.

«Трагедия прямо какая-то, — думал Мак-Аран, провожая взглядом плавно текущее по зеленому травяному покрову стадо, — ну почему человек способен думать о животных только с точки зрения того, что они могут ему дать? Черт побери, я ведь не меньше любого другого ценю хороший кусок мяса; с чего это вдруг такой миссионерский настрой?» Не говоря уже о том, что через несколько недель они, может быть, отсюда уже улетят — и низкорослые непарнокопытные останутся предоставлены сами себе, на веки вечные.

Они встали лагерем прямо на склоне; дождь моросил все сильнее, и Забал принялся разво-

дить огонь.

— Надо бы мне на закате подняться на вершину холма и попробовать установить направление на корабль, — сказала Камилла. — Они обещали специально включать прожектор.

— В такой дождь вы ничего не разглядите, — резко отозвался Мак-Аран. — Видимость не больше полумили. Самый мощный прожектор не пробьется через эту кашу, Забирайтесь под тент, вы и так уже промокли до нитки.

— Мистер Мак-Аран, — волчком развернулась к нему Камилла, — неужели надо опять напомнить, что я не обязана подчиняться вашим приказам? Вы командуете этой экспедицией — но у меня свое поручение от капитана Лейстера, и я обязана его выполнять. — Она отвернулась от небольшого пластикового куполообразного тента и направилась вверх по склону. Мак-Аран, кляня всех упрямых офицеров космофлота женского пола вместе взятых, устремился за ней.

— Можете вернуться, — отрывисто произнесла Камилла. — Инструменты у меня с собой. Справлюсь и сама.

— Вы только что сказали, что экспедицией командую я. Хорошо, черт побери, тогда я приказываю, чтобы никто не отходил от лагеря один!

Никто — даже, в том числе, и старший помощник капитана!

Не говоря ни слова, она отвернулась и принялась карабкаться вверх по склону, потуже затянув горловину капюшона пуховки. Дождь припустил гуще, косо секущие струи стали совсем ледяными, и Камилла несколько раз шумно оступилась в кустарнике, несмотря на мощный фонарь. Мак-Аран нагнал ее и крепко взял под локоть.

— Не валяйте дурака, лейтенант! — выдохнул он, когда та попыталась стряхнуть его ладонь. — Если вы сломаете ногу, нам придется вас тащить — или поворачивать назад! Двоим явно проще найти дорогу в этой каше, чем одному. Давайте же — держитесь за мою руку. — Камилла продолжала оцепенело, как автомат, карабкаться вверх, и Мак-Аран прорычал: — Черт побери, да будь вы мужчиной, я не предлагал бы вам помощи — я приказал бы ее принять!

— Хорошо, — коротко рассмеялась она и крепко уцепилась за его локоть; по размокшей земле заплясали рядом круги света от двух фонарей. Мак-Аран слышал, как Камилла стучит зубами от холода, но от нее не донеслось ни слова жалобы. Склон становился все круче, и последние несколь-

ко футов Мак-Арану пришлось карабкаться на четвереньках, а потом помогать девушке взобраться следом. Выпрямившись, она принялась оглядываться и, в конце концов, ткнула пальцем в ели проглядывающий сквозь стену отвесного дождя отблеск света.

— Это может быть то, что надо? — неуверенно поинтересовалась она. — По направлению, вроде бы, похоже…

— Если прожектор лазерный, — тогда, пожалуй, его может быть видно и сквозь дождь, даже из такой дали. — Свет померк, на секунду вспыхнул и снова погас. Мак-Аран выругался. — Это уже не дождь, а настоящий мокрый снег! Давайте спускаться, а то как бы не пришлось скатываться вниз по льду.

Склон под ногами был крутой и скользкий, и как-то раз Камилла оступилась на обледенелом лиственном перегное и покатилась вниз, пока ее не остановил огромный древесный ствол; там она и лежала, оглушенная, покуда Мак-Аран, выкрикивая: «Камилла!» — и водя фонарем из стороны в сторону, не поймал ее в луч света. Дыхание вырывалось изо рта девушки спазматическими всхлипами, ее трясло от холода, но когда Мак-Аран протянул руку, она мотнула головой и

поднялась на ноги.

— Спасибо, я как-нибудь сама… но все равно спасибо, — нехотя добавила она.

Камилла чувствовала себя изможденной и униженной до последней степени. Всю жизнь ей втолковывали, что главный долг ее — работать наравне с мужчинами, и в обычном ее мире, мире машин и кнопок, брать в расчет физическую силу и выносливость ей и в голову не пришло бы. Ни на мгновение не приходилось ей задуматься о том, что самые изматывающие физические упражнения, какие встречались в ее практике — это занятия гимнастикой в спортивном зале, на корабле или на космической станции. Ей казалось, будто каким-то образом она не оправдала возложенного на нее доверия, оказалась-недостойной. А ведь считается, что офицер космофлота компетентней любого штатского! Она устало тащилась вниз по крутому склону, с угрюмым упорством передвигая ноги, и чувствовала, как слезы досады и усталости замерзают на холодных щеках.

Мак-Аран, медленно спускаясь следом за ней, и не подозревал о происходящей в душе девушки борьбе; но как она устала, он понял по ее поникшим плечам. Секунду поколебавшись, Рэйф нагнал ее, осторожно обнял за талию и негромко

произнес:

— Как я уже говорил, если вы снова упадете и расшибетесь, нам придется вас нести. Разве вам этого так хочется, Камилла?.. Вы ведь позволили бы Дженни помочь вам, правда? — неуверенно добавил он.

Она ничего не ответила, но позволила себе опереться на его плечо. Мак-Аран направил ее нетвердый шаг к пробивающемуся сквозь полупрозрачный купол тента огоньку. Где-то над головой, в переплетающихся ветвях деревьев, ночная птица хриплым криком на мгновение перекрыла шум дождя и мокрого снега — и тут же умолкла. Даже собственные шаги их звучали здесь незнакомо и странно.

Оказавшись под тентом, Мак-Аран как-то разом обмяк, с благодарностью принял из рук Мак-Леода пластиковую чашку с горячим чаем и осторожно отступил в угол, где бок о бок были разложены спальные мешки его и Юэна. Потягивая ароматный напиток, Мак-Аран стряхивал с ресниц крошечные льдинки; Хедер и Джуди суетились над Камиллой, помогая той снять обледеневшую пуховку, укутывая в одеяло и отпаивая горячим чаем.

— Что там творится? — поинтересовался

Юэн. — Дождь? Град? Мокрый снег?

— Пожалуй, и то, и другое, и третье. Такое впечатление, будто мы угодили в самый эпицентр экваториального шторма. Не может же такое безобразие твориться тут круглый год!

— Направление засекли?

Мак-Аран утвердительно кивнул.

— Следовало бы пойти кому-то из нас, — вполголоса произнес Юэн. — Госпожа лейтенант явно не лучший в мире ходок по такому рельефу и в такую погоду. Что вообще ее туда понесло?

Мак-Аран покосился на Камиллу; та сидела, закутавшись в одеяло, и потягивала горячий чай, а Джуди сушила ее мокрые спутанные волосы.

— Noblesse oblige,[1] — отозвался вдруг к собственному удивлению Мак-Аран.

— Понимаю… — кивнул Юэн. — Хочешь супа? Джуди творит с полуфабрикатами настоящие чудеса. Удачно, что ни говори, иметь под боком профессионального диетолога.

Они все смертельно устали и почти не обсуждали увиденного за день; да и в любом случае оглушительно бушующая снаружи стихия делала разговор затруднительным. Через полчаса все

---

[1] Примечания: 1

Благородство обязывает *(фр.)*; в наш демократический век чаще переводят как «положение обязывает».

уже поели и расползлись по своим спальным мешкам. Хедер придвинулась поближе к Юэну, устроив голову у того на плече, и лежавший следующим Мак-Аран ощутил укол невнятной, бесформенной зависти. В этой близости не было почти ничего сексуального. Скорее, она проявлялась в том, как осторожно, почти бессознательно эти двое меняли по очереди положение тела, лишь бы не потревожить другого. Сам того не желая, Мак-Аран вспомнил то мгновение, когда Камилла позволила себе опереться на его плечо, и криво усмехнулся в темноте. Вот уж кто-кто, а она явно терпеть его не может… да и ему-то не больно интересна. Но, черт побери, что-то в ней есть!

Сон не шел, и Мак-Аран лежал, прислушиваясь к шуму ветра в тяжелых кронах деревьев, к далекому грохоту и треску падения не выдержавшего натиска бури гигантского ствола («Бог ты мой! Да стоит такому упасть на тент — от нас и мокрого места не останется»), к странным звукам из окружающего купол кустарника (словно сквозь колючую поросль ломились какие-то животные). В конце концов Мак-Аран забылся, но сон его был беспокойным; сквозь дрему Рафаэль слышал постанывания Мак-Леода, потом Камилла издала леденящий душу крик и тут же снова погрузилась

в сон. К утру буря утихла, дождь прекратился, и Мак-Аран заснул как убитый; только из какой-то страшной дали доносились рык и щебет неизвестных зверей и птиц, наводнивших ночной лес и далекие холмы.

3

Незадолго перед рассветом его разбудило шевеление в дальнем углу палатки. Приоткрыв один глаз, он увидел, что Камилла вылезает из спального мешка и с трудом натягивает на себя задубевшую с вечера форму.

— В чем дело? — прошептал он, неслышно выскользнув из своего мешка.

— Дождь перестал, и небо ясное; мне хотелось бы взглянуть на звезды и снять несколько спектрограмм, пока нет тумана.

— Хорошо. Вам помочь?

— Нет. С приборами мне поможет Марко.

Мак-Аран собрался было запротестовать, но передумал, пожал плечами и забрался обратно в мешок. Не от него одного все зависит. Она знает свое дело и не нуждается в его неусыпном наблюдении. Это она дала понять совершенно недвусмысленно.

Но какое-то смутное предчувствие не давало ему заснуть; он беспокойно ворочался в полудреме, а вокруг просыпался лес. Порхая с дерева на дерево, перекликались птицы — то хрипло и

пронзительно, то проникновенно и щебечуще. Кто-то кряхтел и шуршал в кустарнике, а издали доносился звук, напоминающий собачий лай.

И вдруг тишину разорвал ужасный вопль — однозначно человеческий, исполненный чудовищной муки хриплый крик, повторившийся дважды и оборвавшийся жутким клокочущим стоном.

Полуодетый, Мак-Аран выскользнул из спального мешка и выскочил из палатки; на полшага от него отставал Юэн, за Юэном наружу высыпали остальные — кто в чем был, сонные, перепуганные, ничего не понимающие. Мак-Аран устремился на звук, к вершине холма; оттуда громко звала на помощь Камилла.

Она установила спектрограф на полянке у самой вершины, но теперь прибор валялся на земле, а рядом, бессвязно стеная, бился в конвульсиях Забал. К лицу его прихлынула кровь, оно жутко распухло; Камилла же лихорадочно отряхивалась, то и дело подтягивая перчатки.

— В двух словах — что случилось? — бросил Камилле Юэн, упав на колени рядом с извивающимся на земле ксеноботаником.

— Какие-то твари… как насекомые, — выдавила она и протянула дрожащие руки. На затянутой

в перчатку ладони лежало раздавленное насекомое, ярко-оранжевое с зеленым, меньше двух дюймов в длину, с загнутым скорпионьим хвостом и жутковатого вида жалом там, где, по идее, была морда. — Он ступил вон на тот бугорок, я услышала крик, и он упал…

Юэн поставил аптечку на землю и энергичными круговыми движениями принялся массировать Забалу левую сторону груди. Подбежавшей Хедер он скомандовал срезать с ксеноботаника одежду; от прилива крови лицо Марко становилось все темнее и темнее, а укушенная рука страшно распухла. Забал уже потерял сознание и только бессвязно, горячечно стонал.

«Мощный нервный яд, — подумал Юэн, — сердце отказывает, дыхание затруднено». Единственное, что он мог сделать — это вколоть стимулятор помощнее и ждать наготове, если вдруг понадобится делать искусственное дыхание. Он не осмеливался дать укушенному даже болеутоляющего, так как все наркотики одновременно являлись респираторными депрессантами. Затаив дыхание, он ждал, приставив к груди Забала стетоскоп; но вот, вроде бы, сбивчиво стучащее сердце забилось ровней. Юэн поднял голову, покосился на бугорок, о котором говорила Камилла,

поинтересовался, кусали ее или нет, — не кусали, но два этих жутких насекомых заползли к ней на рукав, — и потребовал, чтобы все встали как можно дальше от бугорка, муравейника или как его там. «Чистое везенье, что в темноте мы не поставили прямо на него палатку! А Мак-Аран и Камилла вечером вполне могли прямо туда вляпаться — или под снегом эти твари впадают в спячку?»

Время тащилось ползком. Забал стал дышать более ровно, изредка постанывая, но в сознание не приходил. Огромное красное солнце, источая туман, медленно, поднялось из-за окружающих холмов.

Юэн послал Хедер в палатку за большой аптечкой; Джуди и Мак-Леод принялись готовить завтрак. Камилла стоически обрабатывала результаты нескольких измерений, которые успела проделать до нападения скорпиономуравьев — так их временно окрестил Мак-Леод, изучив раздавленный экземпляр.

— Жить будет? — спросил у Юэна Мак-Аран, присев рядом с лежащим без сознания Забалом.

— Не знаю. Возможно. Подобное мне приходилось видеть один-единственный раз в жизни — когда ко мне обращались с укусом гремучей

змеи. Но одно могу сказать точно: сегодня ему нельзя двигаться никуда; и завтра, вероятно, тоже.

— Может, перенести его в палатку? — спросил Мак-Аран. — Вдруг тут еще где-то ползают эти твари…

— Лучше пока не трогать. Может быть, через пару часов.

Мак-Аран поднялся, в замешательстве глядя на лежащего без сознания Забала. Им нельзя задерживаться — но в экспедиции не было ни одного лишнего человека, и послать к кораблю за помощью некого.

— Мы должны двигаться дальше, — наконец произнес Мак-Аран. — Давай договоримся так: через несколько часов мы перенесем Марко под купол, там безопасней, и ты останешься за ним ухаживать. Остальные, в общем-то, могут заниматься своими исследованиями прямо здесь — собирать образцы почвы, флоры, фауны… Но нам с лейтенантом Дель-Рей обязательно надо забраться как можно выше — мне прикинуть массу планеты, ей для астрономических наблюдений. Так что мы уйдем вперед настолько далеко, насколько удастся. Если пик окажется недоступным, мы не станем и пытаться лезть — померяем,

что сможем, и тут же вернемся.

— Не лучше ли немного подождать — может, еще получится выйти всем вместе? Мы же понятия не имеем, на что еще можно наткнуться в этом лесу.

— У нас нет времени, — нервно произнесла Камилла. — Чем скорее мы выясним, где находимся, тем скорее появится возможность… — Она умолкла.

— Не имеем, причем, ни малейшего, — кивнул Мак-Аран. — Может быть, как раз все наоборот: чем меньше отряд, тем в лесу безопасней, а одному — так просто безопасней некуда. Вероятность совершенно одинакова. По-моему, нам следует все-таки разделиться.

На том и порешили; через два часа Забал так и не пришел в себя. Мак-Аран, Юэн и Мак-Леод соорудили из подручных материалов носилки и перенесли его под тент. Не все были согласны с тем, что следует разделиться, но всерьез спорить никто не стал, и Мак-Арану пришло в голову, что его действительно стали считать начальником экспедиции, чье слово — закон. Когда красное солнце поднялось в зенит, Мак-Аран с Камиллой уже перепаковали рюкзаки и были готовы отправиться, взяв с собой только легкую спасательную

палатку, еды на несколько дней и астрономические приборы.

Время от времени Забал шевелился и стонал, но в сознание не приходил. Мак-Арана неотступно мучило в связи с ним какое-то смутное предчувствие, но делать было нечего, приходилось оставить укушенного на попечение Юэна. В конце концов, главная задача экспедиции — оценить размеры и массу планеты; и чтобы Камилла подсчитала, на какой край Галактики их занесло!

Какая-то мысль не давала ему покоя. Неужели он что-то забыл? Неожиданно Хедер Стюарт сняла форменную куртку и стянула через голову теплый вязаный свитер.

— Камилла, он теплее, чем твой, — негромко произнесла она. — Надень, пожалуйста. Здесь такие снегопады! А у вас не будет ничего, кроме маленькой палатки…

— Здесь тоже будет холодно, — рассмеявшись, помотала головой Камилла.

— Но… — Личико Хедер дрогнуло в нервной гримаске. Она прикусила губу. — Пожалуйста, Камилла, — взмолилась она. — Назови меня дурехой, если хочешь; меня мучает какое-то идиотское предчувствие… только, пожалуйста, возьми свитер!

— У вас тоже предчувствие? — сухо поинтересовался Мак-Леод. — Тогда лучше возьмите свитер, лейтенант. Мне-то казалось, у меня одного прорезалась болезненная интуиция. Я никогда серьезно не относился к экстрасенсорике, но кто его знает… может, на незнакомой планете это свойство необходимое для выживания. Да и, в любом случае, что вы теряете, если возьмете несколько лишних теплых одежек?

Мак-Аран осознал, что неуловимая мысль, не дававшая ему покоя, была как-то связана с погодой.

— Лучше возьми свитер, Камилла, — посоветовал он. — А я возьму горную пуховку Забала, она тяжелее и теплее, чем моя, и свою оставлю ему. И если у вас найдется несколько лишних свитеров… Нет, себя обделять тоже не стоит; но, когда пойдет снег, ваше укрытие будет повнушительней, чем наше, а на высоте бывает такой холод… — Он с любопытством покосился на Хедер и Мак-Леода; обычно он не больно-то верил всяким байкам насчет экстрасенсов, но если странное предчувствие появляется у двоих человек независимо, да и сам он ощущает нечто схожее… Может быть, конечно, просто все дело в разных мелочах, откладывающихся в подсознании, а потом

суммирующихся. Да и не больно-то нужна экстрасенсорика, чтобы предсказать плохую погоду в горах на незнакомой планете, да еще и с таким мерзким климатом! — Положите любую лишнюю одежку, какая найдется, — скомандовал он, — и обязательно по запасному одеялу; остальное мы уже захватили. И отправляемся.

Пока Хедер и Джудит укладывали рюкзаки, он переговорил наедине с Юэном.

— Ждите здесь по меньшей мере восемь дней, — вполголоса проинструктировал он. — Мы будем подавать сигналы каждый вечер на закате — при возможности. Если к тому времени от нас ничего не будет слышно или видно — снимайте лагерь и возвращайтесь к кораблю. Если мы вернемся, то нет смысла заставлять людей зря волноваться — а не вернемся, ты останешься за главного.

— А что делать, если Забал умрет? — нерешительно поинтересовался Юэн; ему явно не хотелось, чтобы Мак-Аран уходил…

— Похоронить его, — хрипло выдохнул Мак-Аран, — что же еще. — Он отвернулся и кивнул Камилле. — Отправляемся, лейтенант.

Не оглядываясь, они направились прочь от поляны. Для начала Мак-Аран задал средний темп ходьбы, не слишком высокий, но и не слишком

низкий.

По мере того как они поднимались выше, ландшафт менялся; деревьев становилось меньше, трава редела, все чаще попадались голые камни. Склоны в этих предгорьях были не слишком крутыми, но когда Камилла и Мак-Аран взобрались на вершину холма, нависающего над лощиной, где накануне они встали лагерем, Рафаэль объявил привал с перекусом. Если напрячь зрение, сквозь переплетение древесных стволов можно было разглядеть крошечный оранжевый квадратик оставшейся внизу палатки.

— Как далеко мы отошли, Мак-Аран? — спросила Камилла, откинув капюшон куртки.

— Понятия не имею. Наверно, миль на пять-шесть; и поднялись на две тысячи футов. Голова болит?

— Совсем чуть-чуть, — уклончиво ответила девушка.

— Это потому, что меняется давление воздуха, — пояснил он. — Скоро привыкнете. Слава Богу, тут еще не очень крутой подъем.

— Даже не верится, что вчера мы ночевали там… внизу, — с дрожью в голосе произнесла Камилла.

— Ничего, сейчас перевалим через гребень, и

лагеря больше не будет видно. Кстати, если вы передумали лезть на пик, еще не поздно вернуться.

— Не искушайте, — пожала она плечами.

— Боитесь?

— Разумеется. Не такая уж я дура, чтобы не бояться. Но обещаю без истерик, если вы об этом.

— Тогда двинулись, — произнес Мак-Аран, поднимаясь и отряхивая с колен крошки. — И смотрите, куда идете — дальше будут скалы.

Но, к его удивлению, она вполне уверенно зашагала по каменистой осыпи у самого гребня, и ему не пришлось помогать ей или искать путь полегче. С гребня открывалась дальняя панорама — на долину, где они накануне вставали лагерем, на длинную, травянистую равнину и на следующую долину, где упал корабль; хотя даже в мощный бинокль Мак-Аран сумел разглядеть только крошечную темную черточку, которая, конечно, могла быть кораблем, но могла и не быть. Гораздо лучше просматривалась неровная вырубка, где они в первую после аварии ночь валили деревья.

— Первый след человека, — произнес Мак-Аран, передавая бинокль Камилле.

— Надеюсь, и последний, — отозвалась та.

Мак-Арану захотелось в лоб поинтересоваться

у нее, возможно ли вообще починить корабль, но сейчас для таких вопросов был не самый подходящий момент.

— Наверняка тут должны быть горные ручьи, — вместо этого произнес он, — а Джуди давным-давно проверила местную воду. Так что не стоит ограничивать себя в питье — еще найдется, где наполнить фляги.

— У меня страшно пересохло в горле. Это из-за вин соты?

— Возможно. На Земле мы не смогли бы забраться намного выше, чем сейчас, без кислородных баллонов, но здесь в атмосфере кислорода больше. — Мак-Аран бросил последний взгляд на оранжевую палатку, сунул бинокль в футляр и повесил на плечо. — Ладно, следующий гребень будет гораздо выше. Пошли. — Камилла тем временем разглядывала крошечные оранжевые цветочки, растущие в щелях среди камней. — Лучше не трогайте их. Может, это опять какая-то зараза.

— Уже поздно, — усмехнулась она и развернулась к Мак-Арану. В ладонях у нее был оранжевый цветок. — Если мне грозит смерть на месте только из-за того, что я сорву цветок — пусть это лучше выяснится сразу. Не уверена, что мне захочется

жить дальше — если на этой планете нельзя трогать вообще ничего… Рэйф, — добавила она, посерьезнев, — это же неизвестная планета — и совсем исключить риск у нас не получится при всем желании, всегда может найтись что-нибудь смертельно опасное, чего мы никак не могли предусмотреть. По-моему, нам следует ограничиться какими-то естественными мерами предосторожности и надеяться, что повезет.

Впервые после аварии она обратилась к нему по имени, и Мак-Аран невольно смягчился.

— В общем-то, вы, конечно, правы, — произнес он. — Если мы не хотим ходить тут в скафандрах, то об абсолютной защите и думать не приходится, так что впадать в паранойю не стоит. Будь мы Передовым Отрядом, мы бы знали, где стоит рисковать, а где нет; а так действительно остается только надеяться на везение. — Становилось жарко, и он стянул ветровку. — Что-то непохоже, чтобы оправдывалось предчувствие Хедер насчет плохой погоды.

Они перевалили через гребень и направились вниз. Два-три часа поискав тропинку, они наткнулись на кристально чистый родник, бьющий из трещины в скале, и наполнили фляги; Мак-Аран предложил отправиться вниз по руслу ручейка

— наверняка это должен был быть кратчайший путь.

Стало смеркаться; клонящееся к горизонту солнце то и дело скрывалось за тяжелыми тучами. Из глубокой долины, куда они спустились, следуя ручью, не было ни малейшей возможности послать сигнал ни на корабль, ни в базовый лагерь. Пока они устанавливали свою крошечную палатку, и Мак-Аран разводил огонь, начало моросить; бранясь сквозь зубы, Мак-Аран попытался передвинуть костер под край тента, чтобы хоть чуть-чуть укрыться от дождя. Ему удалось нагреть воду, но не вскипятить — в конце-концов неожиданный порыв мокрого снега задул огонь, и Мак-Аран, сдавшись, высыпал концентраты в едва теплую водичку.

— Вот, — объявил он. — Вряд ли очень вкусно, но, по крайней мере, съедобно — и питательно, хотелось бы надеяться.

Попробовав варево, Камилла скорчила гримаску, но, к облегчению Мак-Арана, ничего не сказала. Вокруг бушевал дождь с мокрым снегом, и Камилла с Мак-Араном поскорее забрались в палатку, плотно задраив за собой вход. Внутри едва-едва хватало пространства, чтобы один человек вытянулся в полный рост, а другой устро-

ился сидя — одноместные спасательные палатки были действительно одноместными. Мак-Аран собрался было отпустить какую-то легкомысленную реплику насчет теплого уютного гнездышка, но, взглянув на осунувшееся лицо девушки, передумал.

— Надеюсь, вы не страдаете клаустрофобией, — заметил он вместо этого, стягивая пуховку и раскладывая спальный мешок.

— Я с семнадцати лет офицер Космофлота. Какая еще клаустрофобия? — Несмотря на темноту, Мак-Аран был уверен, что Камилла улыбается. — Скорее, наоборот.

На этом разговор, в общем-то, и закончился. В какой-то момент девушка произнесла и темноту: «Интересно, как там Марко?» — но на это Мак-Арану было нечего ответить; а думать о том, насколько удачней было бы, окажись с ними Забал с его гималайским опытом — значило только зря себя изводить.

— Как насчет того, — сонно поинтересовался Мак-Аран, — чтобы подняться на рассвете и повторить попытку со спектрографом?

— Не стоит. Лучше я подожду до главного пика. Если, конечно, мы до него доберемся. — Конец фразы прозвучал еле слышно, дыхание девушки

успокоилось, только иногда тишину нарушал усталый вздох. Мак-Аран же еще какое-то время лежал без сна и думал, что ждет их впереди. Снаружи дождь с мокрым снегом шумно сек ветви деревьев, а из кустарника доносился неумолчный шелест — то ли ветер бушевал, то ли какие-то животные копошились. В конце концов Мак-Арана сморил сон, но спал он чутко, вздрагивая при каждом незнакомом звуке. Раз-другой Камилла негромко вскрикивала во сне, и Мак-Аран подскакивал, буравя темноту беспокойным взглядом. Может, у нее началось кислородное голодание? То, что кислорода в воздухе больше, это, конечно, хорошо; но все равно они забрались уж очень высоко и с каждым следующим кряжем забираются выше и выше. Ладно, одно из двух — либо она акклиматизируется, либо нет. Совершенно киношная ситуация, мелькнула у Мак-Арана мысль, когда он уже проваливался в сон: мужчина наедине с красивой женщиной на незнакомой планете, полной опасностей. Разумеется, абстрактно он хотел ее — черт побери, ничто человеческое или мужское ему не чуждо — но в данных конкретных обстоятельствах секс приходил на ум в последнюю очередь. «Наверно, тлетворное влияние цивилизации», — успел

подумать Мак-Аран и устало забылся.

Следующие три дня в точности повторяли первый — если не считать того, что к четвертому вечеру, когда сгустились сумерки, а Камилла с Мак-Араном забрались на высокий перевал, ночной дождь еще не начинался. Воспользовавшись случаем, Камилла установила на треногу телескоп и провела серию наблюдений. Мак-Аран тем временем в темноте расставлял палатку.

— Ну что? — в конце концов поинтересовался ой, не в силах сдержать любопытства. — Теперь понятно, куда нас занесло?

— Не совсем. С самого начала было известно, что этого солнца нет на картах; а все знакомые созвездия — в галактоцентрических координатах — сильно смещены влево. Подозреваю, что мы за пределами спирального рукава Галактики — обратите внимание, как мало на небе звезд, даже по сравнению с Землей, не говоря уже о колониях, лежащих ближе к галактическому ядру. О, мы очень сильно сбились с пути! — В голосе ее слышалась нервная дрожь, а, подойдя ближе, Мак-Аран увидел на щеках слезы.

Ему остро, до боли, захотелось утешить ее.

— Ну, по крайней мере, — произнес он, — когда мы отбудем, куда следует, то сможем занести на

свой счет открытие пригодной для колонизации планеты. Может быть, нам всем даже причитается какой-то процент как первооткрывателям…

— Но мы так далеко… — Она осеклась. — У нас получится послать сигнал на корабль?

— Можно попытаться. Мы выше, чем они, тысяч на восемь футов, и не исключено, что даже на линии прямой видимости. Вот, держите бинокль, попробуйте разглядеть какой-нибудь огонек. Хотя, может быть, конечно, они остались за холмами.

Рафаэль обнял девушку за плечи, выравнивая бинокль. Та не отстранилась.

— Вы помните азимут на корабль? — поинтересовалась Камилла.

Он сказал; она повела биноклем, косясь на компас.

— Вот огонек… нет, это, кажется, молния… А, какая разница! — Она нетерпеливо опустила бинокль. Мак-Аран чувствовал, что ее бьет дрожь. — Вам ведь нравятся эти огромные открытые пространства, правда?

— Э… да, — медленно отозвался он. — Мне всегда нравились горы. А вам?

В полумраке Камилла помотала головой. Из-за горизонта показалась первая из четырех крошеч-

ных лун, бледно-фиолетовая, и темный воздух словно бы пошел призрачной рябью.

— Нет, — еле слышно отозвалась она. — Я их… боюсь.

— Боитесь?

— Я прошла отбор для Космофлота в пятнадцать лет и почти все время потом жила или на орбитальной базе, или на тренировочном корабле. Немудрено, что… — голос ее дрогнул, — развивается… агорафобия.

— И вы сами вызвались в эту экспедицию! — вырвалось у Мак-Арана; он был искренне удивлен и восхищен. Но Камилле в его голосе послышались критические нотки.

— Больше-то некому было, — огрызнулась она и отправилась обустраивать спальное место в крошечной палатке.

И снова после ужина — правда, на этот раз горячего, потому что дождь так и не пошел и костра не загасил — девушка заснула сразу, а Мак-Аран еще долго лежал без сна. Обычно снаружи доносился по ночам только вой ветра, шелест дождевых струй, треск и скрипение ветвей; но сегодня лес переполняли странные шумы и шорохи, словно вся окружающая таинственная живность спешила воспользоваться редкой

бесснежной ночью. Вот донесся далекий вой, напомнивший Мак-Арану некогда слышанную на Земле запись вымершего дикого волка; вот почти тигриный рык, низкий и хриплый, за ним испуганный писк какого-то маленького зверька, а потом тишина. А потом, ближе к полуночи, послышался кошмарный пронзительный крик, долгий, с завываниями — вопль, от которого Мак-Арана бросило в холодный пот. Он был так жутко похож на вопль, изданный Марко при нападении скорпиономуравьев, что Мак-Аран подскочил и принялся выпутываться из спального мешка; только когда, разбуженная его метаниями, испуганно приподнялась Камилла, Мак-Аран осознал, что человеческая глотка на такие звуки просто не способна. Пронзительный воющий вопль делался выше и выше, пока не перешел чуть ли не в ультразвук; по крайней мере, Мак-Арану казалось, будто крик отдается в его барабанных перепонках еще долго после того, как стало тихо.

— Что это такое? — раздался дрожащий шепот Камиллы.

— Бог его знает. Наверно, какая-то птица или зверь.

Душераздирающий крик повторился, и они умолкли.

— Похоже, оно в агонии, — пробормотала Камилла, придвигаясь ближе к Мак-Арану.

— Не фантазируй. Откуда мы знаем — может, это его нормальный голос.

— Ни у кого не может быть такого нормального голоса, — твердо заявила Камилла.

— С чего такая уверенность?

— Ну как ты можешь так спокойно… Ой! — Лицо ее перекосилось, когда пронзительный крик зазвучал вновь. — Меня бросает в холодный пот.

— Может быть, оно парализует этим звуком добычу, — произнес Мак-Аран. — Черт побери, мне ведь тоже страшно! Будь мы на Земле… я ведь из Ирландии… в общем, я подумал бы, что за мной явился древний банши[2] рода Арранов.

— Надо будет окрестить эту тварь банши, когда узнаем, что это такое, — очень серьезно произнесла Камилла. Жуткий вопль повторился, и она зажала уши. — Прекратите! Прекратите!!!

Мак-Аран звонко шлепнул ее по щеке.

— Сама прекрати! Черт побери, а вдруг эта тварь рыскает где-то поблизости и может проглотить нас обоих вместе с палаткой? Будь умницей и лежи тихо; надеюсь, оно уйдет.

---

[2] Примечания: 2

Привидение *(ирл., шотл., фолькл.)* — дух плакальщика, пронзительный вопль которого предвещает смерть в доме.

— Легко сказать… — пробормотала Камилла и вздрогнула, когда душераздирающий крик банши раздался снова. — Вы… не подержите меня за руку? — еле слышно произнесла она, придвинувшись еще ближе к Мак-Арану.

Он нащупал в темноте ее холодные, как ледышки, пальцы, осторожно зажал между ладонями и принялся отогревать. Она склонила голову к нему на плечо; Рэйф наклонился и мягко коснулся губами ее виска.

— Не бойтесь, — прошептал он. — Все равно палатка пластиковая, и вряд ли пахнет съедобно. Будем надеяться, эта тварь — банши, если угодно, — скоро поймает себе что-нибудь достойное на обед и угомонится.

Воющий крик прозвучал снова — но уже не так близко и душераздирающе. Камилла вздрогнула и обмякла; Мак-Аран осторожно высвободил плечо и уложил девушку, пристроив ее голову у себя на коленях.

— Тебе надо немного поспать, — тихо произнес он.

— Спасибо, Рэйф, — еле слышно прошептала та.

Когда, судя по ровному дыханию, она заснула, Мак-Аран наклонился и запечатлел на ее губах

невесомый поцелуй. «Чертовски удачное время выбрал ты для романа, Мак-Аран, — сердито сказал он сам себе, — забыл, что ли, сколько работы впереди, и нечего тут примешивать всякую отсебятину. Нечего, нечего». Но сон еще долго не шел.

Когда утром они вылезли из палатки, мир совершенно преобразился. Небо было прозрачным, ни облачка, ни дымки, а жесткую бесцветную траву покрыл красочный ковер из распускающихся на глазах цветов. Не будучи биологом, Мак-Аран все же встречался с подобным в пустынях, как скалистых, так и песчаных; ему приходилось видеть, как в местах с неустойчивым климатом развивались формы жизни, спешащие воспользоваться любыми благоприятными изменениями температуры или влажности, сколь угодно краткими. Камиллу буквально зачаровали крошечные пестрые цветочки и деловито жужжащие вокруг них похожие на пчел насекомые; впрочем, последними она старалась восхищаться на расстоянии.

Мак-Аран же, приложив ладонь козырьком ко лбу, изучал, что лежит впереди. За неширокой долиной, по дну которой струился ручеек, поднимались склоны последнего пика; до цели было рукой подать.

— При любом раскладе, сегодня вечером мы должны быть уже у подножия, — произнес он, — а завтра в полдень можно будет провести измерения. Теория-то элементарная: разбить на треугольники расстояние от пика до корабля, посчитать угол падения тени — и можно прикинуть диаметр планеты. Давным-давно то ли Архимед, то ли кто-то еще точно так же оценил размеры Земли — за тысячи лет до изобретения высшей математики. А если ночью опять не будет дождя, ты сможешь снять свои спектрограммы.

— Просто удивительно, — улыбнулась Камилла, — стоит чуть развиднеться — и как меняется настроение. А туда будет тяжело забраться?

— Не думаю. Отсюда так вообще кажется, что можно, не напрягаясь, пешком дойти до самой вершины — на этой планете горы гораздо лесистей, чем это обычно бывает. На самой-то вершине, конечно, голый камень; но стоит спуститься на какую-то пару тысяч футов, и уже начинается растительность. А мы еще даже до границы вечных снегов не добрались.

На горных склонах, несмотря ни на что, к Мак-Арану вернулся его былой энтузиазм. Да, конечно, это незнакомая планета — но все равно вокруг горы, и все равно предстоит восхождение.

Пусть восхождение и действительно оказалось элементарным — ни скальных стенок, ни ледопадов — зато совершенно беспрепятственно можно было наслаждаться открывающейся панорамой и чистым высокогорным воздухом. Только присутствие Камиллы, сознание того, что она боится открытых пространств и высоты, удерживало Мак-Арана от полного растворения в пейзаже. Еще недавно он был уверен, что его будет раздражать, когда придется помогать неопытному новичку преодолевать простейшие препятствия или искать путь полегче через сыпуху — там, где сам Мак-Аран мог бы пройти и с ногой в гипсе; но происходило что-то странное — Рэйф, словно бы, проникался страхом девушки как собственным и словно бы сам медленно, с натугой одолевал каждый новый склон.

— Вот, — наконец произнес он, остановившись несколькими футами ниже главного пика, — самое подходящее место. Как раз плоская площадка для твоей треноги. Тут и подождем полудня.

— Я думала, ты хотел забраться на самый пик, Рэйф, — к его удивлению, застенчиво произнесла Камилла (он-то ожидал услышать вздох облегчения). — Полезли, если хочешь; я не против.

Мак-Аран хотел было огрызнуться, что, мол, ес-

ли ему придется еще и тащить за собой какую-то перепуганную неумеху, то никакого кайфа будет не словить, восхождение станет сущей мукой — но внезапно осекся, осознав, что это больше не так. Он скинул с плеч рюкзак и легонько коснулся руки Камиллы.

— Пик подождет, — с улыбкой объявил он, — мы же не на увеселительной прогулке. Здесь самая удачная точка для того, что нам надо сделать. Кстати, хронометр по местному времени выставлен?

Они поудобней бок о бок устроились на склоне, глядя на развернувшуюся до горизонта панораму лесов и холмов. «Какая красота, — подумал Мак-Аран, — вот планета, достойная любви, планета, на которой стоит жить».

— Интересно, — проронил он, — как ты думаешь, в системе Короны так же красиво?

— Откуда я знаю? Я там ни разу не была. Я вообще плохо разбираюсь в планетах. Но эта действительно красивая. Ни разу в жизни не видела солнца такого цвета, а тени… — она умолкла, разглядывая, игру темно-лиловых теней и зелени в далеких долинах.

— Наверно, к такому цвету неба было бы не очень сложно привыкнуть, — произнес Мак-Аран

и снова замолк.

Вскоре укоротившиеся тени предупредили о том, что вот-вот полдень. После всех приготовлений собственно процесс мог показаться каким-то несолидным; развернуть и строго вертикально установить стофутовый алюминиевый шест, с точностью до миллиметра измерить длину отбрасываемой им тени, и все.

— Сорок миль на ногах, плюс восемнадцать тысяч футов вверх на карачках, — кривовато усмехнувшись, произнес Мак-Аран, складывая шест, — и все ради ста двадцати секунд измерений.

— Не говоря уж о Бог его знает скольких световых годах, — пожала плечами Камилла. — Это и называется наука, Рэйф.

— Теперь делать нечего, только ждать ночи, чтобы ты сняла свои спектрограммы.

Рэйф сложил шест и уселся на камни, наслаждаясь такой редкостью, как прямые солнечные лучи. Девушка еще немного повозилась со своим рюкзаком; потом устроилась рядом с Мак-Араном.

— Как ты думаешь, Камилла, — поинтересовался тот, — тебе, действительно удастся определить, куда нас занесло?

— Надеюсь, да. Я попробую отыскать на небе несколько цефеид, пронаблюдать временной ход их светимости, и если удастся однозначно идентифицировать хотя бы три, то смогу подсчитать, где мы находимся относительно центрального рукава Галактики.

— Тогда остается только молиться, чтобы еще несколько ночей были ясными, — сказал Рэйф и умолк, рассматривая скалы у самой вершины, футах в ста над головой.

— Ну хватит, Рэйф, — в конце концов сказала Камилла, проследив за его взглядом. — Тебе же не терпится забраться наверх; давай, я не возражаю.

— Серьезно? Ты не против посидеть здесь и подождать?

— Кто сказал, что я собираюсь сидеть здесь и ждать? По-моему, забраться наверх вполне в моих силах. К тому же, — добавила она, улыбнувшись, — мне тоже интересно, что там дальше!

— Тогда, — вскочил, словно подброшенный пружиной, Мак-Аран, — мы можем оставить здесь все, кроме фляг. Залезть на самый верх тут действительно несложно — собственно, это даже не скалолазание будет, а бег в гору на четвереньках.

На душе у Мак-Арана стало легко-легко, так обрадовался он, что Камилла чутко отозвалась на его настроение. Он полез первым, выбирая путь полегче, показывая девушке, куда ступать. Здравый смысл подсказывал ему, что это восхождение — не обусловленное никакой реальной необходимостью, только любопытством, что же лежит дальше — чистой воды сумасбродство (а вдруг кто-нибудь из них сломает ногу?); но удержаться не было никаких сил. Вот позади последние несколько футов, вот они уже на самой вершине — и Камилла издала удивленный вскрик. Склон, на который они все эти дни карабкались, не давал им увидеть собственно горную цепь; невероятную горную цепь, простирающуюся до самого горизонта, укрытую вечными снегами, гигантскую и иззубренную, вздымающую к небесам несчетные пики, слепящую глаза блеском ледников, чуть ниже которых дрейфовали бледные облака, медленно и лениво.

Рэйф присвистнул.

— Бог ты мой, — пробормотал он, — да по сравнению с этим Гималаи — жалкие предгорья.

— Кажется, она бесконечная! Наверно, мы не видели ее раньше, потому что воздух не был таким ясным; все время облака, туман, дождь… —

Камилла изумленно помотала головой. — Настоящая стена вокруг мира!

— Это еще кое-что объясняет, — медленно произнес Рэйф. — Сумасшедшую погоду. Если воздушные массы переползают через такие ледники — не удивительно, что тут постоянно дождь, туман, снег… полный набор! И если эти горы действительно такие высокие, как кажутся — не берусь даже гадать, как они далеко, но в такой ясный день… может, миль сто… и это объясняет, кстати, почему у планеты так наклонена ось. А на Земле Гималаи еще иногда называют третьим полюсом. Вот он, настоящий третий полюс! Третья ледовая шапка, по крайней мере.

— Нет, лучше я буду смотреть в другую сторону, — сказала Камилла и отвернулась к наслаивающимся друг на друга зелено-лиловым складкам лесов и долин. — Мне больше нравятся планеты, где есть леса, цветы… и солнечный свет — даже если он цвета крови.

— Будем надеяться, сегодня ночью нам покажут хотя бы несколько звезд — и лун.

4

— Нет, эту погоду я просто отказываюсь понимать, — заявила Хедер Стюарт.

— Ну, и что теперь скажешь, будет буран или как? — добродушно усмехнулся Юэн, отворачивая полог тента.

— И слава Богу, что я ошиблась, — твердо произнесла Хедер. — Тем лучше для Рэйфа и Камиллы там, наверху. — Она озабоченно нахмурилась. — Правда я не так уж и уверена, что ошиблась; что-то в этой погоде меня пугает. Какая-то она… неправильная для этой планеты.

— Ага, — усмехнулся Юэн, — опять защищаем честь своей шотландской бабушки и ее знаменитой интуиции?

— Я никогда не доверяла интуиции, — очень серьезно произнесла Хедер. — Даже дома, в Шотландии. Но сейчас я уже не так уверена… Как там Марко?

— Без особых изменений; хотя Джуди удалось заставить его проглотить немного бульона. Похоже, ему лучше; хотя пульс до сих пор чудовищно неровный. Кстати, а где Джуди?

— Отправилась в лес с Мак-Леодом; но я взяла с нее обещание далеко не отходить от поляны.

Из палатки послышалось шевеление, и Хедер с Юэном бросились внутрь; впервые за три дня Забал издавал что-то, кроме бессвязных стонов.

— Que paso? — хрипло бормотал он, пытаясь приподняться. — O Dio, me duelo… duele tanto…[3]

— Все в порядке, Марко, — негромко проговорил Юэн, склонившись над ним, — мы здесь, рядом. Вам больно?

Тот снова пробормотал что-то по-испански; Юэн непонимающе взглянул на Хедер.

— Я не знаю испанского, — мотнула головой девушка. — Это, скорее, к Камилле… а я помню только несколько слов.

Но прежде чем она собралась напрячь память, Забал пробормотал:

— Больно? Еще как! Что это были за твари? Как долго… Где Рэйф?

Прежде чем ответить, Юэн померил у Забала пульс.

— Только не пытайтесь сесть, — наконец произнес он. — Я подложу вам еще одну подушку. Вы были очень плохи; мы и не надеялись, что

---

[3] Примечания: 3

Что случилось? О Боже, мне больно… очень больно… *(исп.)*

вы вытянете.

«Да и сейчас я не больно-то уверен, — мрачно подумал Юэн, скатывая в рулон свою запасную куртку и подкладывая Забалу под голову; Хедер тем временем пыталась заставить ксеноботаника съесть немного супа. — Нет, пожалуйста, хватит с нас смертей!» Но он прекрасно понимал, что от его мольбы толку мало. На Земле, как правило, умирали только от старости. Здесь же все было иначе. Чертовски иначе.

— Вам пока вредно разговаривать, — произнес он. — Лежите спокойно, мы все вам расскажем.

Стремительно опустилась ночь — снова удивительно ясная, ни тумана, ни дождя. Даже горных вершин не затянула дымка; и Рэйф, устанавливая телескоп и прочие астрономические приборы на плоской площадке, где они с Камиллой разбили лагерь, первый раз увидел, как над темными изрезанными зубцами поднимаются звезды, четкие, ослепительно яркие, но очень далекие. Сам он не сумел бы отличить цефеиды от созвездия, и многое из того, что пыталась проделать Камилла, было для него все равно что китайская грамота. Но при свете как следует заэкранированного фонарика — чтобы не сбить настройки приборов — он тщательно заносил в блокнот длинные

ряды цифр и координат, что диктовала Камилла. Казалось, длилось это много часов подряд; в конце концов девушка вздохнула и потянулась, расправляя затекшие мускулы.

— Ну вот, пожалуй, пока и все; еще кое-что надо будет померить перед самым рассветом… Как там, дождь не собирается?

— Да нет, слава Богу.

С нижних склонов поднимался сладкий пьянящий цветочный запах; по всей округе после двух сухих и жарких дней многочисленные кустарники возрождались к жизни, выкидывали побеги, покрывались соцветиями. От незнакомых ароматов голова шла кругом. Над горой, бледно мерцая, выплыла огромная радужная луна; следом за ней, через несколько мгновений, еще одна — искрясь бледно-лиловым.

— Только погляди на луну… — прошептала Камилла.

— На которую? — улыбнулся в темноте Рэйф. — Это на Земле была одна Луна, с большой буквы, и все. Полагаю, когда-нибудь для этих лун придумают названия…

Они присели в мягкую сухую траву; на глазах у них из-за гор поднялись все четыре луны и повисли в ночном небе.

— «Если бы звезды вспыхивали в ночном небе лишь раз в тысячу лет, — негромко процитировал Рэйф, — какой горячей верой прониклись бы люди, в течение многих поколений сохраняя память о граде Божием!»[4]

— Всего десять дней без звезд над головой, — кивнула Камилла, — и мне уже чего-то не хватает.

Умом Рэйф прекрасно понимал, что это чистой воды безумие — сидеть так в темноте, когда вокруг наверняка все кишит хищными зверями и птицами; а как вспомнится вчерашний крикун-банши, так сразу мороз по коже. В конце концов так он и сказал Камилле. Та вздрогнула, словно освободившись от чар.

— Ты прав, — отозвалась она. — Мне же надо очень рано вставать.

Но Рэйф не испытывал большого энтузиазма при мысли о том, что надо забиваться в тесную душную палатку.

— Давным-давно, — произнес он, — считалось, что опасно спать при лунном свете; от этого, мол, сходят с ума. Откуда, собственно, слово «лунатик» и происходит. Интересно, спать при свете четы-

---

[4] Примечания: 4

Ральф Уолдо Эмерсон (1802–1883) — американский писатель и философ-трансценденталист.

рех лун — это что, вчетверо опасней?

— Нет, — негромко рассмеялась Камилла, — но это… чистое безумие.

Мак-Аран замер, развернулся к девушке и мягко положил ладони ей на плечи; Камилла удержала готовую было сорваться с языка колкость и замерла, то ли в страхе, то ли в надежде, что он ее поцелует; но Мак-Аран опустил руки. И отвернулся.

— Да кому нужен этот здравый ум, — произнес он. — Значит, договорились — подъем на рассвете. — И широкими шагами отошел в сторону, предоставляя девушке первой устраиваться на ночлег.

Над планетой четырех лун стояла ясная ночь. На высокогорье охотились банши, парализуя душераздирающими криками свою теплокровную добычу, а потом слепо устремляясь к ней на инфракрасное излучение, но никогда не опускаясь ниже линии снегов; в ночь без снегопада все живое на каменных или травянистых склонах могло чувствовать себя в безопасности. Над равнинами парили гигантские хищные птицы; в самой глуши глухого леса выходили на охотничью тропу неведомые землянам звери, и, никем, не слышимые, рушились оземь древесные ство-

лы. В лунном свете, под непривычно жарким и сухим дуновением ветра распускались цветы, наполняя ночь запахом пыльцы. Ночные цветы, испускающие густой пьянящий аромат…

В ясном безоблачном небе поднялось красное солнце; рассвет был ослепителен — словно яркий безупречный рубин вспыхнул посреди гранатового неба. Рэйф и Камилла, часа два уже возившиеся с телескопом, присели в траву насладиться видом, ощущая ту приятную усталость, какая бывает, когда можно на какое-то время прервать не слишком обременительный труд.

— Наверно, надо спускаться, — произнесла Камилла. — Вряд ли такая волшебная погода долго продержится. Хоть я немного привыкла к горам, мне как-то не слишком хочется съезжать по льду.

— Правильно. Собери приборы — ты в этом понимаешь лучше меня — а я пока соображу что-нибудь перекусить и сверну палатку. Давай действительно начнем спускаться, пока держится такая погода — хотя не похоже, чтобы она собиралась в ближайшее время портиться. Если она продержится до ночи, встанем на вершине какого-нибудь холма, и ты снимешь еще несколько спектрограмм.

Через сорок минут они уже начали спуск. Прежде чем направиться вниз, Рэйф бросил последний мечтательный взгляд на гигантскую горную цепь, куда еще не ступала нога человека. «И, вероятно, не ступит», — мысленно добавил он.

«Не будь так уверен», — отчетливо произнес внутренний голос, но Рэйф сделал вид, будто ничего не слышал. Он не верил в предчувствия.

Он вдыхал легкий цветочный аромат — приятный, но в то же время неуловимо раздражающий какой-то едкой, приторной сладостью. Больше всего кругом было крошечных оранжевых цветочков — таких же, как Камилла рвала накануне; еще в глаза бросались очень красивые белые звездообразные цветы, с золотистыми венчиками и синими колокольчиками-навершиями, из которых высовывались стебельки, покрытые искрящейся золотистой пыльцой. Камилла склонилась к цветам, вдыхая пряный аромат.

— Эй, осторожней! — сообразил наконец предупредить Рэйф. — Тоже хочешь позеленеть, как Хедер и Джуди?

Девушка подняла смеющееся лицо; казалось, от осевшей пыльцы щеки окутывает золотистый ореол.

— Если б это было что-то опасное, оно давно подействовало бы — в воздухе полно пыльцы, разве ты не чувствуешь? О, это так прекрасно, я могу опьянеть от запаха этих цветов, я сама чувствую себя цветком…

Она восторженно замерла, не сводя взгляда с синих колокольчиков; казалось, воздух вокруг нее наполнен золотистым свечением. «Опьянеть, — подумал Рэйф, — опьянеть от запаха цветов». Он почувствовал, как рюкзак сполз с плеч и укатился в траву.

— Ты и есть цветок, — хрипло произнес он; сдавил ее в объятиях и впился в губы поцелуем. Девушка ответила — вначале робко, потом все более страстно. Они приникли друг к другу посреди поля колышущихся цветов; вот Камилла высвободилась, устремилась к текущему по склону ручью и со смехом погрузила руки в воду.

«Что с нами случилось?» — изумленно подумал Рэйф; но мысль, едва проскользнув, тут же исчезла. Казалось, стройная фигурка девушки вибрирует, то расплываясь перед глазами, то вновь оказываясь в фокусе. Вот Камилла скинула горные ботинки, стянула толстые носки и осторожно попробовала воду носком.

Рэйф склонился к ней и увлек в высокую тра-

ву.

В базовом лагере Хедер Стюарт почувствовала на лице жаркие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь оранжевый шелк палатки, и стала медленно просыпаться. Марко Забал так и дремал в своем углу, с головой укутавшись одеялом; но, словно ощутив взгляд Хедер, зашевелился и приподнял голову.

— И вы тоже заспались?

— Остальные, наверно, на поляне, — шевельнувшись, отозвалась Хедер. — Джуди говорила, что собирается исследовать какие-то лесные орехи на съедобные углеводы — и что-то я действительно не вижу ее полевой сумки. Как вы себя чувствуете, Марко?

— Лучше, — ответил он, потягиваясь. — Думаю, сегодня стоит попробовать на минуточку встать. Такие солнце и воздух… что-то в этом есть совершенно чудодейственное.

— Да, день чудесный, — согласилась Хедер. Казалось, каждый новый вдох ароматного воздуха добавлял жизнерадостности, если не сказать эйфории. Должно быть, дело в большом содержании кислорода.

Она вылезла из палатки, потягиваясь, словно кошка на жарком солнце.

И в мозгу у нее вспыхнула картинка, яркая, назойливая и странно возбуждающая; Рэйф и Камилла, слившиеся в объятии…

— Как прекрасно, — вслух произнесла Хедер и вдохнула полной грудью легкий теплый ветерок, напоенный странным, словно бы золотистым ароматом.

— Что прекрасно? — спросил Юэн Росс, появляясь из-за палатки. — Это ты прекрасна. Пошли в лес, прогуляемся…

— Но Марко…

— Марко уже лучше. Тебе вообще приходило в голову, что из-за постоянной толпы вокруг нам не удавалось нормально поговорить, наверно, с самой аварии?

Взявшись за руки, они устремились к деревьям; навстречу им выбежал Мак-Леод с полной охапкой круглых зеленоватых фруктов.

— Вот, попробуйте, — предложил он, протягивая Юэну и Хедер-горсть; по его подбородку тек сок. — Просто восхитительно!

Хедер со смехом погрузила зубы в мякоть гладкого круглого плода. Тот брызнул во все стороны сладким душистым соком; девушка проглотила его без остатка и потянулась за следующим.

— Ты с ума сошла, — попробовал остановить ее

Юэн, — они же еще не проверены…

— Я их проверил, — расхохотался Мак-Леод. — Съел на завтрак по меньшей мере полдюжины и прекрасно себя чувствую! Если нравится, можете считать меня психом. От них не будет никакого вреда, они под завязку набиты всеми известными витаминами, не считая парочки неизвестных! Говорю же вам, я точно это знаю!

Он поймал взгляд Юэна, и молодой доктор медленно закивал, чувствуя, как глубоко внутри у него рождается странное новое ощущение.

— Да. Вы правы; конечно, эти фрукты можно есть. А этот гриб, — он показал на сероватый нарост на ближайшем дереве, — очень полезен и полон белка; но те орехи, — он показал на свисающие с ветки изысканно-золотистые орешки, — ядовиты: стоит пару раз куснуть, и у вас жутко заболит живот, а полчашки — смертельная доза… черт побери, откуда я все это знаю? — Он почесал лоб, внезапно нестерпимо зазудевший, и взял у Хедер плод.

— Ладно, если уж сходить с ума, то вместе. Превосходно! Всяко лучше полуфабрикатов… кстати, где Джуди?

— С ней все в порядке, — со смехом отозвался Мак-Леод. — Пойду принесу еще фруктов!

Марко Забал лежал один в палатке, зажмурив глаза, и в полудреме ему грезилось палящее солнце на холмах родной Басконии. Ему казалось, что издалека, из леса, доносится пение, неумолчная, четкая, красивая мелодия. Он поднялся на ноги, не позаботившись ничего на себя накинуть; оглушительно заколотилось сердце, но он пренебрег этим предупреждением. Казалось, все вокруг исполнено неуловимой, текучей красоты, и он — в самом центре захлестывающего эйфорического потока. Ослепительный солнечный свет падал на пологие склоны поляны, темные ветви деревьев словно манили, обещая убежище, а цветы, казалось, искрятся и переливаются всеми оттенками золота и голубизны; цвета, каких ему еще не приходилось видеть, заплясали, искрясь, перед глазами.

Из глубины леса доносилась мелодия, высокая, пронзительная, невероятно прекрасная; флейта Пана, лира Орфея, зов сирен. Забал почувствовал, что слабость куда-то исчезает, и к нему возвращается юность.

В противоположном конце поляны он увидел Хедер, Юэна и Мак-Леода; те со смехом растянулись в траве, и в воздухе среди цветов замелькали голые пятки девушки. Забал замер, как заворо-

женный; на мгновение его окутала паутина ее фантазии… «Я соткана из цветов…» Но далекая мелодия звала его дальше. Ему замахали руками, приглашая присоединиться, но он только улыбнулся, послал девушке воздушный поцелуй и легкими юношескими прыжками умчался в лес.

Вдали между деревьями мелькнул белый отблеск… птица? Обнаженное тело… Забал понятия не имел, как далеко убежал от поляны, его окутывала блаженная эйфория освобождения от боли, и он не чувствовал, как бешено колотится сердце, он следовал за белым отблеском мелькающей вдали фигуры — или птицы? — и завороженно, с мукой в голосе выкликал:

— Подождите, подождите…

Мелодия зашлась на пронзительной ноте, и в такт ей, казалось, завибрировали голова и сердце Забала. Мягко, не ощущая боли, он повалился в ароматную траву. Мелодия продолжала звучать, и Забал увидел, что над ним склоняется прекрасное женское лицо, с ниспадающими на плечи вьющимися бесцветными волосами и что-то произносит нечеловечески, душераздирающе певучим голосом, и пробивающиеся сквозь деревья косые солнечные лучи обращают ее волосы в серебро, и Забал ликующе, самозабвенно прова-

лился во тьму, а в умирающих глазах его застыл женский лик, прекрасный и безумный.

Рэйф бежал по лесу, оскальзываясь и падая на круто взбирающейся вверх тропинке; сердце его бешено колотилось.

— Камилла! — выкрикивал он на бегу! — Камилла!

Что произошло? Только что она мирно покоилась в его объятиях — а в следующее мгновение лицо ее исказил дикий ужас, и она, давясь, забормотала о каких-то лицах, смотрящих с гор, лицах, выглядывающих из облаков, об открытых пространствах, готовых обрушиться на нее и раздавить в лепешку, а еще через мгновение она вырвалась от Мак-Арана и с дикими воплями скрылась среди деревьев.

А деревья, казалось Мак-Арану, оплывают и колышутся перед глазами, отращивают ведьмины когти, тянут корни — чтобы опутать, подставить ножку, швырнуть с размаху в жгучий терновник. Шипы пробороздили кожу на плече, в руке огнем вспыхнула боль, в небе полыхнула молния; в стороне, шумно топоча, пронеслось какое-то животное, копыта, копыта, громче, ближе… Мак-Аран скорчился в ужасе, обхватил древесный ствол, вжался в него что есть силы, и грохот бе-

шено бьющегося сердца заглушил все прочие звуки. Кора была гладкой и мягкой, словно мех какого-нибудь животного; Мак-Аран прижался к ней пышущим жаром лицом. С деревьев за ним наблюдали какие-то лица, бесчисленные лица, лица…

— Камилла, — ошалело пробормотал он, соскользнул на землю и застыл без сознания.

У горных вершин собирались облака; начал подниматься туман. Ветер затих, и принялся моросить мелкий холодный дождик, постепенно превращаясь в мокрый снег — вначале на высокогорье, а потом и в долине. Закрывались синие колокольчики-навершия на белых звездообразных цветах; пчелы и прочие насекомые прятались по своим щелям в древесной коре или по норкам среди корней кустарников; а пыльца, сделав свое дело, оседала на землю…

Камилла очнулась в полумраке; голова у нее шла кругом. Она ничего не помнила с момента, как очертя голову, с дикими криками, понеслась между деревьев, в ужасе от безмерности межзвездного пространства, от того, что ничего нет между ней и разбегающимися звездами… Нет; это был бред. А все остальное — тоже бред?

Медленно, на ощупь она принялась исследовать окружающую темноту и в конце концов была вознаграждена лучиком света; вход в пещеру. Выглянув наружу, она внезапно содрогнулась; холод пронизывал до костей. А на ней была только хлопчатая рубашка и тоненькие брючки, изорванные и мятые… нет, слава Богу, на плечи наброшена пуховка, и рукава обвязаны вокруг шеи. Да, конечно; это сделал Рэйф, в траве, рядом с ручьем.

Рэйф. Где он? И, кстати, ее-то куда занесло? Что из удержавшихся в памяти рваных обрывков правда, а что безумные фантазии? Очевидно, она подхватила какую-то местную заразу, какое-то жуткое заболевание, только ждавшее своего часа. Ну и планета! Ну и местечко! Сплошной ужас. Сколько прошло времени? Почему она тут одна? Где ее приборы, где рюкзак? Где — и это самое главное — где Рэйф?

Камилла натянула пуховку и до самого горла застегнула молнию; дрожь немного утихла, но девушке было зябко, она хотела есть, ее мутило, а многочисленные синяки и царапины стали заявлять о себе во весь голос. Может, Рэйф укрыл ее в пещере, а сам отправился за помощью? Как долго она лежала в бреду? Нет — наверняка он

оставил бы какую-нибудь записку на случай, если она придет в себя.

Снег падал густыми хлопьями; девушка огляделась, пытаясь понять, где она может быть. Над головой возвышался темный склон. Должно быть, она забежала в пещеру, чтобы укрыться от безумного ужаса открытых пространств в благословенной темноте и тесноте. Может быть, как раз сейчас Мак-Аран ищет ее посреди бушующей непогоды, и они будут часами бродить так в темноте, проходя друг от друга в нескольких футах, но видя только бешено вихрящийся снег?

Логика требовала, чтобы Камилла никуда не срывалась с места, а попыталась спокойно разобраться в сложившейся ситуации. Она тепло одета и до рассвета могла бы спокойно переждать в пещере. «Но если Мак-Аран тоже заблудился где-то на склоне? Если этот неожиданный ужас, эта паника обрушились на них одновременно? И откуда взялись предшествовавшие ужасу восторг и самозабвение… Нет, потом; сейчас вспоминать об этом слишком больно».

Где Мак-Аран стал бы искать ее? Разумней всего, пожалуй, было бы карабкаться наверх. Да, конечно — там остались рюкзаки; оттуда они смогли бы как-то сориентироваться, когда

утихнет снегопад и взойдет солнце. Значит, она полезет вверх и будет надеяться, что Мак-Аран, логически поразмыслив, придет к тому же выводу. Если же нет, и до рассвета Мак-Аран не появится — тогда она одна спустится к базовому лагерю, и они вместе отправятся на поиски… или вернутся к кораблю.

На ощупь, в темноте, посреди снежного мельтешения девушка принялась карабкаться по склону. Через какое-то время у нее появилось ощущение, что именно по этой тропинке они взбирались несколько дней назад.

«Да. Так оно и есть». Ощущение быстро переросло в уверенность, и Камилла ускорила шаг, ничуть не удивившись, когда через какое-то время впереди замелькал оранжевый огонек, а попадающие в луч света снежинки принялись вспыхивать яркими искорками; и вот уже по тропинке устремился навстречу Мак-Аран и крепко стиснул ее ладони.

— Откуда ты знал, где меня искать? — спросила она.

— Интуиция… или что-то в этом роде, — отозвался он. В оранжевом свете карманного фонаря Камилла разглядела, что брови и ресницы у него опушены снегом. — Просто знал, и все. Камилла…

давай об этом как-нибудь потом. Нам еще карабкаться и карабкаться — туда, где мы бросили приборы и рюкзаки.

— Думаешь, так они там нас до сих пор и дожидаются? — скривив губы, произнесла Камилла; воспоминание о том, как лямки рюкзака слетели с плеч, резануло горечью.

— Об этом не беспокойся, — сказал Мак-Аран и взял ее за руку. — Пошли… Тебе надо отдохнуть, — мягко добавил он. — Обсудим все как-нибудь в другой раз.

Камилла расслабилась и доверилась Мак-Арану. Тот же, молча прокладывая дорогу сквозь снежную мглу, мысленно исследовал возможности своего нового дара и пытался понять, откуда что взялось. Ни на секунду же у него не возникало сомнения, что в темноте он движется прямым курсом к Камилле, он чувствовал, что она впереди; но если так и сказать — примут за психа.

Крошечная палатка ждала их, установленная под прикрытием скал. Камилла тут же с радостью забралась внутрь, благодарная Мак-Арану, что не пришлось возиться в темноте. Тот же пребывал в замешательстве; когда это успели они поставить палатку? Он ведь точно помнит: утром, перед спуском, он сворачивал ее и упаковывал в рюк-

зак. Когда они могли вспомнить о палатке — до или после того, как лежали в траве у ручья? Смутное беспокойство не переставало грызть его, но он приказал себе не обращать на это внимания — в любом случае, к тому моменту что он, что она были уже изрядно улетевшие, они могли сделать все, что угодно, ни в чем не отдавая отчета. Рюкзаки их оказались аккуратно сложены внутри палатки, и у него словно гора с плеч свалилась: «Бог ты мой, нам еще повезло, могли ведь и потерять все результаты наблюдений…»

— Хочешь, я соображу что-нибудь перекусить перед сном?

— Н-нет, не надо, — мотнула она головой. — Господи, такое ощущение, словно закинулась какой-то очень мощной дрянью. Рэйф, что такое с нами стряслось?

— Понятия не имею. — Почему-то он ощутил приступ робости. — Ты… ничего не ела в лесу? Может, какие-нибудь фрукты?..

— Нет. Я помню, что положила глаз на какие-то плоды, очень они мне приглянулись, но в последний момент что-то остановило… Я только воду пила.

— Нет, не то. Воду Джуди проверила давным-давно, с водой все в порядке, так что это

отпадает.

— Но что-то это должно было быть, — не сдавалась Камилла.

— Трудно не согласиться. Только, пожалуйста, на сегодня хватит. Можно так еще сколько угодно переливать из пустого в порожнее, и с места не сдвинуться. — Он погасил фонарь. — Постарайся поспать. Мы и так уже потеряли день.

— Будем надеяться, — произнесла в темноте Камилла, — что насчет бурана Хедер ошиблась.

Мак-Аран промолчал. «Может, мне послышалось? — думал он, — может, она сказала не „буран“, а просто „погода“? Может, здешний безумный климат как-то связан со всем, что случилось?». Снова у него появилось жутковатое, едва ли не болезненное ощущение, что он как никогда близок к разгадке, а та неуловимо ускользает — но Рэйф смертельно устал и, не переставая слепо нашаривать ускользнувший-таки ответ, провалился в сон.

5

Целый час они тщетно бродили по лесу, выкрикивая: «Марко! Марко!», и в конце концов нашли Забала — уже окоченевшего, вытянувшегося, как струна, у сероватых корней неизвестного дерева. Легкий снег присыпал его тонким саваном, невесомым слоем не толще четверти дюйма; а рядом с ним на коленях застыла Джудит Ловат, недвижная и мертвенно-белая за пеленой неторопливо кружащих в воздухе снежинок. В первое мгновение у них мелькнула ужасная мысль, что и Джудит тоже мертва.

Но тут она шевельнулась, подняла на них затуманенный взгляд — и к ней бросилась Хедер, укутала плечи теплым покрывалом, стала что-то шептать на ухо, пытаясь привлечь внимание. Но за все время, что Юэн и Мак-Леод тащили Марко назад, к поляне, Джудит не проронила ни слова, и Хедер пришлось направлять ее шаги, словно бы та была одурманена или в трансе.

И пока маленькая скорбная процессия петляла между деревьями сквозь мельтешащий снег, Хедер казалось — или, правильней сказать, грези-

лось — что в голове у нее по-прежнему вихрятся чужие мысли; беспросветное отчаяние Юэна: «Хорошенький же я врач, валяю дурака, а тем временем пациент у меня на глазах впадает в буйное помешательство, сбегает и умирает…» Конфуз и смятение Мак-Леода, странным образом переплетающиеся с ее собственной фантазией, старой сказкой о лесном народце, что запомнилась ей с детства… «не должно герою брать женщину или жену из рода человеческого или эльфийского, и соткали для него женщину из цветов… это меня, соткали из цветов…»

Оказавшись в палатке, Юэн опустился на корточки и недвижно замер, буравя взглядом оранжевый шелк. Джудит же продолжала пребывать в трансе.

— Юэн! — тряхнула его за плечо Хедер. — Марко уже ничем не поможешь, но Джудит-то жива! Пойди, посмотри, может, у тебя получится вывести ее из ступора.

Устало подволакивая ногу («Господи, — промелькнуло в голове у Хедер, — такое впечатление, что черные мысли так и роятся вокруг него»), Юэн склонился над Джудит, посчитал пульс, выслушал стетоскопом.

— Джуди, — негромко произнес он, посветив ей

в глаза маленьким фонариком, — это вы уложили Марко так, как мы нашли его?

— Нет, — прошептала она, — не я. Это был один из Прекрасных. Сначала мне показалось, что это женщина… пение, словно птичье… и глаза… его глаза…

— Она все еще бредит, — отрывисто произнес Юэн и, безнадежно махнув рукой, повернулся к Хедер. — Приготовь ей поесть — и, главное, заставь хоть что-нибудь проглотить. Нам всем надо бы подкрепиться, и чем основательней, тем лучше — подозреваю, с сахаром крови у нас все не лучшим образом… и если бы только с сахаром крови.

— Как-то раз, — кривовато усмехнулся Мак-Леод, — я закинулся хорошей дозой альфианского эйфорического сока. Ощущение было очень похожее. Так что с нами все-таки случилось, Юэн? Вы врач, вам виднее.

— Бог свидетель, не имею ни малейшего представления, — отозвался Юэн. — Сначала я думал, что все дело во фруктах, но мы же принялись за них только после того. А воду мы берем из ручья вот уже три дня, и все было нормально. Да и в любом случае, ни Джуди, ни Марко к фруктам и не притрагивались.

Хедер вручила ему миску горячего супа и устроилась рядом с Джудит, попеременно то кормя ее с ложечки, то прикладываясь к собственной порции.

— Ума не приложу, с чего все началось, — произнес Мак-Леод. — Мне показалось… я не уверен, но было такое ощущение, словно… словно бы налетел порыв ледяного ветра, и меня затряс озноб… и я будто открылся, до самого дна. Тогда я и понял вдруг, что фрукты годятся в пищу, и попробовал один…

— Безрассудство, — пробормотал Юэн.

Но зоолог, все еще открытый чужим эмоциям, понимал, что на самом-то деле молодой доктор клянет себя за преступную халатность.

— Почему? — спросил Мак-Леод. — Фрукты ведь действительно годятся в пищу, иначе мы давно заболели бы.

— У меня не проходит ощущение, — нерешительно протянула Хедер, — что все дело в погоде. Что-то изменилось…

— Психоделический ветер! — фыркнул Юэн. — Призрачный ветер, навеявший временное помешательство!

— Ну, это еще не самое странное, что могло бы случиться, — отозвалась Хедер и ловко скормила

Джудит очередную ложку супа.

Доктор Ловат неожиданно вздрогнула, тряхнула головой и непонимающе огляделась.

— Хедер? — неуверенно проговорила она. — Как… как я сюда попала?

— Это мы привели тебя, родная. Успокойся, все в порядке.

— Марко… я видела Марко…

— Он умер, — тихо произнес Юэн, — убежал в лес, пока мы сходили с ума; больше мы его не видели. Должно быть, не выдержало сердце — я ведь предупреждал, что ему даже садиться опасно.

— Значит, это сердце? Ты уверен?

— Насколько я вообще могу быть уверен без вскрытия — да. — Юэн проглотил остатки супа; в голове у него постепенно прояснялось, но ощущение вины лежало на душе тяжелым грузом. И он понимал, что никогда от этой тяжести-полностью не освободится. — Послушайте, давайте сравним, кто что помнит, пока воспоминания еще свежи. Должен ведь быть какой-то общий фактор; что-то, что делали мы все. Съели или выпили…

— Или вдохнули, — добавила Хедер. — Наверняка это было что-то в воздухе, Юэн. Фрукты, например, ели только мы втроем. Джуди, ты ведь ни к чему не притрагивалась в лесу?

— Нет, почему — я пробовала какой-то серовато-древесный гриб…

— Но из нас троих, — продолжил Юэн, — древесный гриб не пробовал никто, кроме Мак-Леода; мы ели фрукты, но ни Марко, ни Джуди к фруктам и не притрагивались. Джуди нюхала цветы, а Мак-Леод раскладывал их по контейнерам, но ни Хедер, ни я цветов не трогали — пока все не началось. Мы с Мак-Леодом лежали в траве… — краем глаза Юэн заметил, что лицо Хедер заливается краской, но продолжал тем же тоном, — и по очереди занимались любовью с Хедер, и все трое галлюцинировали. Если Марко встал и убежал в лес, то могу предположить только одно: ему тоже что-то померещилось. Джудит, а с чего все началось у вас?

— Не знаю, — покачала та головой. — Я помню только… что цветы стали ярче, а небо, небо расщепилось, словно бы на множество радуг. Радуг и призм. Потом я услышала пение; наверно, птичье, хотя точно не уверена. Я отправилась в самую гущу теней, и они были абсолютно сиреневые, лилово-сиреневые и синие. Потом появился он…

— Марко?

— Нет. Он был очень высокий и с серебряными волосами…

— Джуди, это же галлюцинация, — врач с жалостью посмотрел на нее. — Мне, например, казалось, будто Хедер соткана из цветов.

— Четыре луны… — продолжала Джуди, — …я видела их, несмотря на то, что был день. Он не говорил ни слова, но я слышала его мысли.

— Ну, нам всем мерещилось, что мы вдруг стали телепатами, — произнес Мак-Леод. — Не уверен, правда, что мерещилось…

— Наверняка мерещилось, — отрезал Юэн. — Никаких следов разумной жизни нам здесь обнаружить не удалось. Хватит, Джуди, — уже помягче добавил он, — тебе надо поспать. Когда мы вернемся к кораблю… ну, наверняка же будет какое-нибудь расследование.

«Преступная халатность, пренебрежение служебным долгом — вот что, в лучшем случае, на меня повесят; или мне удастся сослаться на временное помешательство?» Пока он так размышлял, Хедер помогала Джуди устроиться в спальном мешке.

— Надо похоронить Марко, — устало произнес Юэн, когда Джуди наконец заснула. — Хорошо бы, конечно, сделать вскрытие — но тогда придется тащить тело обратно к кораблю.

— Преглупый будет у нас, должно быть, вид, —

проговорил зоолог, — когда мы вернемся и станем утверждать, будто все одновременно сошли с ума… Я чувствую себя круглым идиотом, — робко добавил он, избегая смотреть на Хедер или Юэна, — как-то никогда особенно не увлекался групповым сексом…

— Мы все должны друг друга простить, — твердо сказала Хедер, — и забыть о том, что произошло. Что было, то было. Откуда нам знать, может, и у них тоже… — Она осеклась, и глаза у нее расширились от ужаса. — Представьте только, если то же самое случилось с двумястами людьми…

— Подумать страшно, — вздрогнул Мак-Леод.

— Ну, вообще-то, — успокоил Юэн, — в массовом безумии нет ничего особенно нового. В средние века хорея поражала целые деревни; или отравления спорыньей — от хлеба, выпеченного из недоброкачественной ржи.

— Мне кажется, — предположила Хедер, — что бы это ни было… оно поразило только высокогорье.

— Опять твое знаменитое предчувствие? — усмехнулся Юэн, на этот раз добродушно. — По крайней мере, в данный момент нам всем не остается ничего, кроме как верить предчувствию. Давайте не будем больше заниматься голым тео-

ретизированием и подождем, пока не появится больше фактов.

— А это годится как факт? — неожиданно взметнулась Джуди; все думали, что она спит. Та уселась, пошарила за надорванным воротом рубашки и извлекла что-то, завернутое в листья. — Вот… и вот… — Она вручила Юэну маленький голубой камешек, похожий на звездчатый сапфир.

— Какой красивый камень, — медленно проговорил Юэн. — Но вы могли найти его в лесу…

— Верно, — согласилась Джуди. — И вот это я тоже нашла.

Она разжала ладонь, и в первое мгновение остальные трое не могли поверить своим глазам.

То, что лежало у нее на ладони, было дюймов шести, не больше, в длину, с рукояткой резной кости, изысканной формы, но без единого узора. Что это такое, не могло быть ни малейшего сомнения.

Это был маленький кремневый нож.

6

За десять дней, что экспедиция отсутствовала, вырубка ощутимо расширилась. Рядом с кораблем выросли еще два или три небольших домика; а на краю вырубки небольшой участок земли был распахан, огорожен заборчиком, и маленькая табличка гласила: «Агрономический полигон».

— По крайней мере, с едой теперь будет полегче, — произнес Мак-Леод, но Джуди никак не отреагировала, и Юэн озабоченно покосился на нее. С Того Дня — так все они мысленно называли то, что произошло — Джуди пребывала в апатии, и Юэна это очень тревожило. Не будучи психологом, он все же понимал, что с ней что-то очень серьезно не в порядке. «Черт побери, а что вообще в порядке? Я позволил Марко умереть, я не могу вернуть Джуди назад к реальности...»

На их появление никто не отреагировал, и Мак-Арана кольнуло нехорошее предчувствие. Где все? Неужели эпидемия буйного помешательства докатилась и до долины? Неужели и здесь все до одного сошли с ума? Когда они с Камиллой спустились к базовому лагерю, Хедер, Юэн

и Мак-Леод все еще до хрипоты спорили, пытаясь отыскать объяснение происшедшему, и… вспоминать об этом было не слишком приятно. Если планета заражена безумием, если над ними будет постоянно висеть угроза помешательства — как они сумеют выжить? И, может, здесь найдется что-нибудь похлеще? Мак-Аран обводил взглядом вырубку, чувствуя, что на лбу у него выступает холодная испарина; но тут откинулся полог госпитального тента, и оттуда появились несколько фигур в мундирах медслужбы, а возле корабля мелькнул кто-то из экипажа. Мак-Аран испустил вздох облегчения; на первый взгляд, все выглядело нормально.

«Но, на первый-то взгляд, и мы, пожалуй, выглядим совершенно нормально…»

— Ну, с чего начнем? — произнес он. — Первым делом доложимся капитану?

— Мне-то, по крайней мере, точно надо, — отозвалась Камилла.

Лицо ее заметно осунулось, под глазами залегли тени. Мак-Арану хотелось обнять ее, утешить — хотя он сам с трудом понимал, почему. С того дня на горе он ощущал по отношению к ней постоянно грызущий голод, острое, звериное желание защитить; она же, наоборот, всячески избегала

его, замыкалась в своей прежней оболочке, при каждом удобном случае демонстрировала, что вполне способна обойтись без него. Мак-Арану было больно, обидно… и одиноко. Он не осмеливался и прикоснуться к ней, и это его страшно раздражало.

— Подозреваю, капитан захочет увидеть всех нас, — предположил он. — Мы должны еще доложить о смерти Марко, и где его похоронили… Вообще, у нас для него куча информации, Не говоря уже о кремневом ноже.

— Да. Если планета населена, это создает дополнительные проблемы, — отозвался зоолог, но развивать своей мысли не стал.

Капитан Лейстер был занят с экипажем внутри корабля, но дежурный офицер сообщил, что ему приказано в случае возвращения экспедиции немедленно доложить, и предложил им подождать в небольшом, недавно возведенном куполе. Там они и устроились, каждый про себя недоумевая, с чего начать доклад.

И вот в куполе появился капитан Лейстер; казалось, он еще постарел, на лице его пролегли новые морщины. Камилла вскочила на ноги, но он кивком приказал ей сесть на место.

— К черту формальности, лейтенант, — доб-

родушно произнес он. — Вы все очень устали; нелегко было, да? Что-то я не вижу доктора Забала…

— Он мертв, сэр, — тихо проговорил Юэн. — Умер от укусов ядовитых насекомых. Попозже я напишу подробный отчет.

— Только лучше представьте его главврачу, — сказал капитан. — Я все равно не пойму ни слова. А остальные, пожалуйста, подготовьте свои отчеты к общему собранию — скорее всего, это будет сегодня вечером. Мистер Мак-Аран, вам удалось померить то, что вы хотели?

— Да, — кивнул Мак-Аран. — Насколько мне удалось прикинуть, планета чуть-чуть больше Земли; а масса, учитывая меньшую силу тяжести, должна быть немного меньшей. Сэр, попозже я представлю подробный отчет; но вот что я хотел бы узнать в первую очередь: за время нашего отсутствия здесь не случалось… чего-нибудь необычного?

Капитан недовольно нахмурился.

— Что вы имеете в виду — «необычного»? Вся эта планета необычна, и что бы тут ни случилось, едва ли может быть сочтено рутинным.

— Мы имеем в виду, — вмешался Юэн, — что-нибудь наподобие эпидемии или массового

помешательства.

— Никак не возьму в толк, о чем это вы, — пожал плечами Лейстер. — Нет, ни о какой эпидемии медслужба не докладывала.

— Доктор Росс хочет сказать, — пояснил Мак-Аран, — что в горах со всеми нами случился приступ безумия. Это произошло после двух подряд ночей без дождя. Что бы это ни было, оно зацепило Камиллу… то есть, лейтенанта Дель-Рей… и меня у вершины — и группу в базовом лагере, почти на шесть тысяч футов ниже. Сэр, мы все вели себя… безответственно.

— Безответственно? — насупился капитан; глаза его недобро сверкнули.

— Безответственно, — подтвердил Юэн, не отводя взгляда; кулаки его были крепко сжаты. — Доктор Забал начинал поправляться; мы убежали в лес, оставив его без присмотра — тогда он поднялся и тоже убежал, и умер от разрыва сердца. Мы не отвечали за свои поступки; мы ели не прошедшие проверки фрукты и грибы. Не говоря уже о… некоторых чисто галлюцинаторных эффектах.

— Не все из них были чисто галлюцинаторными, — твердо произнесла Джудит Ловат.

Юэн покосился на нее и покачал головой.

— Боюсь, сэр, доктор Ловат не в состоянии адекватно оценивать происшедшее. Да и в любом случае… например, всем нам казалось, что у нас появились телепатические способности.

Капитан с болезненным присвистом перевел дыхание.

— Лучше представьте отчет главврачу, — повторил он. — Нет, здесь не было ничего подобного… Вот что я вам предложил бы: все подготовьте подробные отчеты и представьте руководителям соответствующих служб… или доложите сегодня вечером, на общем собрании. А вас, лейтенант Дель-Рей, я хотел бы заслушать лично. Остальные свободны.

— И вот еще что, сэр, — Мак-Аран извлек из рюкзака кремневый нож и протянул капитану. — Эта планета обитаема.

— Это к майору Фрэйзеру, — тут же сказал Лейстер, едва взглянув на нож. — Он у нас штатный антрополог. Передайте ему, чтобы подготовил свои соображения к сегодняшнему вечеру. А теперь, пожалуйста, если никто не возражает…

Джудит, Юэн, Мак-Леод и Мак-Аран откланялись, оставив Камиллу с капитаном. Рафаэль отправился искать антрополога; должно быть, он ожидал более энергичного приема, и теперь

его грызла некая смутная неудовлетворенность. Порыскав по лагерю минут десять, он сумел, кажется, установить источник этой неудовлетворенности: ревность. Ну как может он конкурировать с Лейстером? Господи, какая чушь, тот по возрасту годится Камилле в отцы. Неужели он серьезно верит, что Камилла любит капитана?

Нет. Но эмоционально она очень привязана к Лейстеру, а это гораздо хуже.

Если равнодушие, с каким капитан встретил известие о кремневом ноже, разочаровало Мак-Арана, то майор Фрэйзер отреагировал куда как энергичнее.

— С самой аварии я говорил, что этот мир пригоден для жизни, — заявил он, вертя в руках нож, — и вот вам доказательство, что жизнь тут есть — и даже разумная.

— Гуманоиды? — поинтересовался Мак-Аран.

Фрэйзер пожал плечами.

— Откуда нам знать? Пока что разумная жизнь была обнаружена только на трех-четырех планетах — кошачьи, приматы и еще три формы, которые не удалось классифицировать; в конце концов, я не ксенобиолог. По одному артефакту нельзя сказать ничего; мало ли кто мог изобрести нож. Но под человеческую руку он вполне годит-

ся, хотя и несколько маловат.

Столовая для экипажа и пассажиров была оборудована под одним большим тентом, и на полднике Мак-Аран рассчитывал пересечься с Камиллой; но та явилась с опозданием и тут же подсела к группе космофлотцев. Мак-Аран никак не мог поймать ее взгляда, и у него было явное ощущение, что девушка его избегает. Пока Рафаэль заторможенно ковырялся в тарелке, к нему подсел Юэн.

— Рэйф, если ты не слишком занят, нас всех хотят видеть на совещании у главврача; там попытаются разобраться, что же с нами случилось.

— Ты серьезно думаешь, Юэн, что от этого будет какой-нибудь прок? Мы уже столько всего переговорили…

— Не мое дело обсуждать приказы, — пожал плечами Юэн. — Ты, конечно, главврачу не подчиняешься, но все равно…

— Как они там, очень сурово с тобой из-за Марко? — поинтересовался Мак-Аран.

— Нет, не очень. Хедер и Джудит подтвердили, что мы все были временно невменяемы. Но в Медслужбе хотели бы узнать поподробней, что там и как было у вас с Камиллой…

Мак-Аран пожал плечами и отправился вместе

с Россом.

Созванное главврачом совещание проходило под тентом полевого госпиталя, уже полупустого — почти все тяжелораненые умерли, почти все легкораненые выписались. Кроме Юэна с Мак-Араном присутствовали четверо врачей, двенадцать медсестер и несколько представителей разных научных служб, явившиеся послушать доклады.

— Похоже на какую-то легочную инфекцию, — медленно произнес аристократического вида седовласый главврач Ди Астурией, выслушав по очереди все доклады. — Не исключено, что вирусную.

— Но в пробах воздуха не было ничего подозрительного, — возразил Мак-Леод, — а эффект больше напоминал наркотический.

— Легочный наркотик? Маловероятно… — сказал Ди Астуриен. — Хотя, судя по вашим рассказам, возбуждающий эффект был довольно значительным. Я правильно понимаю, что все вы в той или иной мере ощущали сексуальную стимуляцию?

— Сэр, об этом я уже упоминал, — отозвался Юэн. — Мисс Стюарт, доктор Мак-Леод и я — да, ощущали; доктор Забал, насколько мне известно,

нет — но он был в критическом состоянии.

— А вы что скажете, мистер Мак-Аран?

Мак-Аран почему-то смутился; Ди Астуриен не сводил с него бесстрастного профессионального взгляда.

— Да, сэр, — наконец произнес Рафаэль. — Если вам угодно, можете справиться у лейтенанта Дель-Рей.

— Хм-м… Доктор Росс, насколько я понимаю, вы и мисс Стюарт, в любом случае, в данный момент, э-э… в браке; так что эффект нельзя считать чистым. Но, мистер Мак-Аран, вы и лейтенант…

— Она мне интересна, — неестественно ровным голосом проговорил Мак-Аран, — но, насколько могу судить, я ей абсолютно безразличен. Если не сказать антипатичен. Кроме… того единственного случая.

Вот он и сформулировал наконец; в Тот День она ничего сама по себе не испытывала. Просто на нее подействовал вирус или наркотик… в общем, то, что свело их всех с ума. Для него это означало любовь, для нее — безумие; и теперь она старалась обо всем забыть.

К величайшему облегчению Мак-Арана, главврач не стал развивать тему.

— А что скажет доктор Ловат?

— Ничего не скажу, — тихо отозвалась Джуди, не поднимая головы. — Я ничего не помню. То есть что-то помню, но это может быть… чисто галлюцинаторный эффект.

— Доктор Ловат, — сказал Ди Астуриен, — было бы лучше, если б вы все же оказали нам содействие…

— Нет, лучше не стоит.

Сложив руки на коленях, не поднимая глаз, Джуди вертела в руках какой-то камешек и на уговоры не поддавалась.

— Значит, — заключил Ди Астуриен, — примерно через неделю надо будет проверить всех вас троих на возможную беременность.

— Это еще зачем? — поинтересовалась Хедер. — Я, по крайней мере, регулярно делаю гормональные уколы. Не могу, конечно, гарантировать насчет Камиллы, но, вроде бы, по правилам Космофлота, это обязательно для всех от двадцати до сорока пяти.

Ди Астуриен неуютно шевельнулся.

— Да, это так, — наконец проговорил он, — но на сегодняшней утренней летучке выяснилось нечто… исключительное. Вам слово, сестра Раймонди.

— Я веду медицинский архив, — поднялась

Маргарет Раймонди, — и отвечаю за выдачу противозачаточных средств всем женщинам репродуктивного возраста, как из экипажа, так и колонисткам. Всем, наверно, знакома стандартная процедура: каждые две недели, при менструациях и между менструациями, всем женщинам делаются гормональные уколы — или, в некоторых случаях, приклеивается гормональный пластырь, микродозами фильтрующий гормоны в кровь — что подавляет овуляцию. После аварии остались в живых сто девятнадцать женщин от двадцати до сорока пяти лег — то есть, если принять среднюю продолжительность менструального цикла за тридцать дней, каждый день ко мне должны были бы обращаться примерно четыре женщины — за тампонами или гормональными уколами, которые делаются через четыре дня после менструаций. С аварии прошло десять дней — значит, за тем или иным ко мне должны были бы обратиться около трети всех женщин. Скажем, человек сорок.

— И сколько женщин к вам обратилось? — задал вопрос Ди Астуриен.

— Девять, — мрачно отозвалась сестра Раймонди. — Девять! Значит, у двух третей женщин на этой планете нарушились биологические цик-

лы — то ли дело в изменившейся силе тяжести, то ли в каких-то гормональных нарушениях. А поскольку все наши стандартные противозачаточные средства железно привязаны ко внутреннему циклу, мы никак не можем судить об их эффективности.

Насколько все это важно, Мак-Арану не надо было разъяснять. Нежданная волна беременностей была бы как нельзя более некстати — не говоря уже о том, что серьезно подорвала бы эмоциональный климат. Младенцы — и даже маленькие дети — не вынесли бы сверхсветового перелета; а после того как на перенаселенной Земле были приняты новые демографические законы и появились действительно надежные контрацептивы, аборты стали в общественном сознании чем-то совершенно немыслимым. Понятие «нежеланный ребенок» исчезло — контроль шел на уровне зачатия. Но будет ли у них здесь выбор?

— Вообще-то, — произнес Ди Астуриен, — на новых планетах женщины обычно стерильны первые несколько месяцев — в основном, из-за другой силы тяжести и состава атмосферы. Но не стоит слишком на это рассчитывать.

«Если Камилла беременна, — думал Мак-

Аран, — теперь она меня просто возненавидит». Он представил себе, что их гипотетический ребенок может стать жертвой аборта, и по спине у него пробежал холодок.

— Что же нам делать, доктор? — очень серьезно спросил Юэн. — Не можем же мы потребовать с двухсот взрослых мужчин и женщин дать обет целомудрия!

— Разумеется, нет, — ответил Ди Астуриен. — С точки зрения психологического климата, это был бы наихудший выход. Надо обязательно предупредить всех, что мы больше не можем ручаться за эффективность наших противозачаточных средств.

— Понимаю… И притом немедленно.

— Сегодня вечером капитан созывает общее собрание, — подытожил Ди Астуриен, — и экипажа, и колонистов. Может быть, там и объявим нашу новость. — Он скривился. — Не могу сказать, что очень об этом мечтаю. Чувствую, большого энтузиазма она не вызовет. Как будто и без того забот мало!

Общее собрание проводилось под тентом полевого госпиталя; это оказалось единственное сооружение, достаточно большое, чтобы вместить и экипаж, и колонистов. В середине дня

начали собираться облака; вечером уже моросил ледяной дождик, а над горами вспыхивали далекие зарницы. Джудит, Юэн, Мак-Аран и Мак-Леод устроились в первом ряду — на случай, если понадобится выступить с докладами об экспедиции. Камилла же предпочла появиться с капитаном Лейстером и остальными космофлотчиками; все они были в форменных мундирах, и Мак-Арану почудился в этом недобрый знак. С чего это им вдруг понадобилось так подчеркивать профессиональную солидарность?

Электрики соорудили небольшую трибуну и подключили простенький громкоговоритель — так, чтобы голос капитана, негромкий и хрипловатый, донесся до самых дальних уголков обширного помещения.

— Я созвал всех вас, а не только руководителей служб, — начал Лейстер, — чтобы на корню пресечь неизбежное в столь многочисленном коллективе, несмотря на самые строгие меры предосторожности, распространение всевозможных слухов и домыслов. Начну я с хороших новостей-г-которых, признаться, не больно-то много. Насколько удалось выяснить, здешние воздух и вода вполне для нас пригодны — по крайней мере, никаких болезнетворных эффек-

тов не выявлено — а почва, вероятно, годится для выращивания земных культур, что позволит пополнять пищевые запасы в то время, что мы вынуждены оставаться здесь. Теперь новости похуже. Ущерб, причиненный аварией маршевым двигателям и астрогационному компьютеру, оказался гораздо более серьезным, чем предполагалось ранее, и надеяться на скорую починку не приходится. Хотя теоретическая возможность подняться в космос остается, с имеющимися в нашем распоряжении материалами и специалистами это практически нереально.

Он сделал паузу, и помещение наполнилось нервным гомоном; капитан поднял руку, требуя тишины.

— Я не хочу сказать, что наше положение безнадежно, однако ремонт корабля становится делом очень отдаленного будущего; делом, которое потребует существенных изменений всего нашего уклада и активного содействия всех до одного здесь присутствующих.

Повисла тишина. «Интересно, что бы это значило, — отстраненно подивился Мак-Аран, — что он все-таки хочет сказать — можно починить корабль или нельзя?»

— Вы можете подумать, будто я себе противоре-

чу, — продолжил капитан. — Да, действительно, имеющихся у нас материалов недостаточно для ремонта. Но в нашем распоряжении имеется еще и знание — а также целая неисследованная планета, где мы наверняка сможем отыскать сырье и изготовить недостающие материалы.

Мак-Аран нахмурился, изо всех сил пытаясь вникнуть в сказанное; Лейстер тем временем пустился в подробные разъяснения.

— Многие ваши профессии, — он широко махнул рукой, имея в виду колонистов, — очень пригодились бы в обустроенной колонии, куда вы направлялись — но здесь совершенно бесполезны. Через день-другой начнет работать отдел кадров, и мы поточнее узнаем наш профессиональный состав; тогда тем из вас, кто зарегистрируются как фермеры или ремесленники, придется пройти переподготовку у наших инженеров и техников. Я требую поголовного содействия…

— Прошу прощения, капитан, — поднялся из задних рядов Морэй, — позвольте вопрос.

— Пожалуйста.

— Вы что, хотите сказать, будто мы, вот эти двести человек, в состоянии за пять или, там, десять лет развить технологическую культуру,

способную построить — или отремонтировать — космический корабль? Что мы в состоянии отыскать необходимые металлы, добыть их, переработать и соорудить недостающую технику?

— Да, при содействии всех до единого присутствующих это в наших силах, — негромко подтвердил капитан. — Примерно за три — пять лет.

— Вы сошли с ума, — бесстрастно заявил Морэй. — Вы требуете, чтобы мы развили целую технологию!

— Что человек однажды уже сделал, он в состоянии повторить, — невозмутимо отозвался капитан. — В конце концов, мистер Морэй, напомню вам, что выбора у нас нет.

— Черта с два нет!

— Вы нарушаете регламент, — сухо произнес капитан. — Сядьте, пожалуйста.

— Еще чего! Если вы серьезно во все это верите, могу предположить только, что вы окончательно рехнулись. Или что мозг инженера или космонавта работает как-то совершенно по-другому, чем у любого нормального человека, и нам друг друга никогда не понять. Вы говорите, на это потребуется три — пять лет. Позвольте со всем уважением напомнить вам, что запасов пищи

и медикаментов нам хватит на год — полтора. Позвольте также напомнить, что даже сейчас — в конце весны — климат здесь очень суров, и нам необходимы какие-то более серьезные жилища. Здешняя зима — учитывая, как сильно наклонена ось планеты — обещает морозы, какие ни одному землянину и не снились!

— Разве это не доказывает, что мы должны убраться отсюда как можно скорее?

— Нет, это доказывает, что мы как можно скорее должны отыскать надежные источники пищи и обустроить надежное жилье, — возразил Морэй. — Вот где необходимо поголовное содействие! Забудьте о корабле, капитан. Никуда он больше не полетит. Придите в себя. Мы колонисты, а не ученые. У нас есть все необходимое, чтобы здесь выжить… чтобы здесь поселиться. Но у нас ничего не получится, если половину сил тратить на какой-то безумный план вернуть к жизни вдребезги разбитый корабль!

Зал взорвался; перекрывая негодующие выкрики, капитан снова и снова призывал к тишине. Наконец стало тихо.

— Я требую голосования! — выкрикнул Морэй, и снова воцарился бедлам.

— Мистер Морэй, я отказываюсь даже рас-

сматривать ваше предложение, — произнес капитан. — Это не тот вопрос, который решается голосованием. Позвольте вам напомнить, что в данный момент верховная власть на корабле принадлежит мне. Мне что, приказать вас арестовать?

— Как же, арестовать! — презрительно фыркнул Морэй. — Капитан, вы больше не в космосе. И не на мостике своего корабля. И ваша власть на нас не распространяется — разве что на экипаж, если они хотят вам повиноваться.

Возвышающийся над трибуной Лейстер стал белее собственной шелковой форменной сорочки; глаза его яростно сверкнули.

— Напоминаю всем, что экспедиция Мак-Арана обнаружила следы разумной жизни. А Экспедиционный Корпус категорически запрещает колонизировать обитаемые планеты. Если мы поселимся здесь, то аборигенам, в их каменном веке, будет не избежать культурного шока.

Зал снова взорвался.

— Вы что, — сердито выкрикнул Морэй, перекрывая гомон, — думаете, от ваших попыток развить тут целую технологию культурного шока не будет? Сэр, побойтесь Бога, — у нас есть все необходимое, чтобы организовать здесь колонию.

Если мы станем тратить половину сил на ваш безумный ремонт, тогда не факт, что нам вообще удастся выжить!

Капитан пытался сдержать бушующую в нем ярость, но получалось это у него плохо.

— И что же вы предлагаете? — хрипло выдохнул он. — Вернуться к варварству?

Морэй внезапно помрачнел; он вышел к трибуне и встал рядом с Лейстером.

— Надеюсь, нет, капитан, — голос его звучал ровно. — Варварство — это не уровень технического развития, это состояние души. Может быть, нам придется обойтись и без новейших чудес техники — по крайней мере, первые несколько поколений; но это вовсе не значит, что не в наших силах обустроить для нас и наших детей приличный, цивилизованный мир. Существовали, в конце концов, цивилизации, которые веками обходились почти без техники. Представление, будто история человечества сводится к эволюции средств производства — грубая технарская пропаганда. Этому нет никаких оснований — ни в социологии, ни в философии.

— Мистер Морэй, — хрипло проговорил Лейстер, — меня не интересуют ваши социальные теории.

— Капитан, — поднялся доктор Ди Астурион, — необходимо учесть вот еще что. Сегодня выяснился один очень тревожный факт…

В этот момент прогремел оглушительный гром, и весь тент содрогнулся. На скорую руку проведенное электричество отключилось, и стало темно, хоть глаз выколи. А от входа один из постовых службы безопасности закричал:

— Капитан! Капитан! Лесной пожар!

7

Удивительно, но паники не было.

— Дайте свет! — проорал с платформы Лейстер. — Эй, наряд, дайте кто-нибудь свет!

Какой-то молодой врач нашел карманный фонарик и вручил капитану.

— Внимание всем! — прокричал кто-то из офицеров Космофлота. — Оставайтесь на своих местах и ждите приказов, здесь вы в безопасности! И выясните побыстрее, что там с проводкой!

Мак-Аран сидел достаточно близко к выходу, чтобы видеть разгорающееся на темном фоне далекое зарево. Через несколько минут постовые службы безопасности принялись раздавать фонари.

— Капитан, — настойчиво произнес с платформы Морэй, — у нас есть лесопильные и землеройные машины. Позвольте мне послать людей копать заградительные рвы.

— Хорошо, мистер Морэй, приступайте, — хрипло разрешил Лейстер. — Господа офицеры, внимание! Отправляйтесь на корабль и спрячьте понадежней все горючие и взрывчатые мате-

риалы.

Светя себе фонариком, он скрылся в тени задней стенки тента. Морэй же скомандовал всем трудоспособным мужчинам выходить к краю вырубки и затребовал у постовых все фонари, не задействованные на мостике.

— Разбейтесь на бригады так же, как когда копали братские могилы, — распорядился он.

Мак-Аран оказался в одной бригаде с отцом Валентином; вместе с еще восемью незнакомыми Мак-Арану мужчинами они принялись валить деревья по периметру вырубки, образуя просеку шириной футов десять. Рев огня доносился еще приглушенно, за много миль, и красное зарево едва освещало горизонт, но воздух уже пах дымом, а в горле першило от странного едкого привкуса.

— Как вообще могут эти леса гореть после здешних дождей? — пробормотал кто-то рядом с Мак-Араном.

И в памяти у Мак-Арана всплыло, что говорил Марко Забал, в тот первый вечер: «В этих деревьях жуткая уйма смолы — не деревья, а сплошной трут. Некоторые наверняка могут гореть даже насквозь мокрыми — обратите внимание, для костра мне даже не пришлось искать сухостой, сырые дрова и так превосходно горят. Подозре-

ваю, достаточно шальной молнии, и вспыхнет настоящий лесной пожар». «Нам еще повезло, — думал Мак-Аран, — мы же вставали лагерем в самой лесной чаще и даже не задумывались о пожаре или о заградительных рвах».

— Подозреваю, — произнес он, — теперь придется окружать заградительными полосами места любых работ и даже временные стоянки.

— Можно подумать, — отозвался отец Валентин, — вы считаете, что мы тут надолго.

Мак-Аран покрепче перехватил ручки пилы.

— Какая разница, кто прав — капитан или Морэй, — проговорил он, не поднимая головы, — в любом случае, похоже, нам куковать тут годы и годы.

Он слишком устал и слишком разуверился в себе, чтобы прямо сейчас решать, кто из двоих ближе к истине; да и в любом случае в одном-то он мог быть уверен — его мнения никто спрашивать не будет. Но в глубине души он чувствовал, что улетать с этой планеты ему было бы жаль.

— По-моему, — тронул его за локоть отец Валентин, — лейтенант ищет вас.

Мак-Аран выпрямился; к нему направлялась Камилла Дель-Рей. У нее был смертельно уставший вид, волосы в беспорядке, одежда в грязи.

Больше всего на свете ему хотелось обнять ее; но он молча стоял и смотрел, пока она говорила, а Камилла старательно избегала его взгляда.

— Рэйф, — сказала она, — капитан хочет с тобой посоветоваться. Ты лучше всех знаешь окружающий рельеф. Как, по-твоему, пожар можно потушить или остановить?

— Только не в темноте — и нужна тяжелая техника, — тут же ответил Мак-Аран, но отправился вслед за Камиллой к полевому штабу.

Нельзя было не оценить того, насколько эффективно организовано сооружение заградительных полос. «Слава Богу, — думал Мак-Аран, проходя мимо застывших возле госпиталя корабельных пожарных автоматов, — что у капитана хватило ума не отказаться от услуг Морэя. Вот уж воистину два сапога пара — если бы только их можно было запрячь в одну упряжку… Но прямо сейчас они скорее похожи на непобедимую силу и неодолимое препятствие».

Когда Камилла с Мак-Араном добрались до полевого штаба, ледяная морось уже начала превращаться в мокрый снег. Под куполом было тесно и темно; подвешенный к перекладине фонарик светил вполнакала — похоже, садилась батарейка.

— …наши источники энергии уже на исходе, — говорил Морэй. — Прежде чем что бы то ни было предпринимать — по вашему, сэр, плану или по моему — надо найти какие-нибудь источники тепла и света. Для колоний Короны мы везли солнечные батареи и ветряки — хотя сомневаюсь, что со здешним климатом от солнечных батарей будет много толка. Мак-Аран, — обернулся он, — насколько я понимаю, тут есть горные речки, правильно? Как насчет гидроэлектростанции?

— Не уверен… за те несколько дней, что мы были в горах, нам попадались только совсем крошечные ручьи, — ответил Мак-Аран. — Но с ветром тут все нормально.

— Значит, какое-то время придется обойтись ветряками, — сказал капитан Лейстер. — Мак-Аран, как по-вашему, насколько далеко от нас пожар?

— Достаточно далеко, чтобы не представлять непосредственной опасности, — произнес Мак-Аран. — Но а сегодняшнего дня любые стоянки надо обязательно окружать заградительными полосами.

— Но если эти леса горят и в дождь…

— Снег гораздо плотнее и тяжелее… — начал было Мак-Аран, но его оборвал громкий треск,

похожий на беспорядочную стрельбу. — Это еще что такое?

— Всякое крупное зверье в панике бежит от пожара, — пояснил Морэй, — и как раз в нашу сторону. Капитан, я понимаю, ваши офицеры руководствуются самыми благими намерениями, и свежее мясо нам не помешало бы… но хочу снова напомнить, что боеприпасы следовало бы поберечь для самых крайних случаев. Даже на Земле до сих пор распространена охота с луком. У Службы досуга наверняка должны быть спортивные или охотничьи луки — как раз подойдут для пополнения мясных запасов.

— Мысль, я смотрю, бьет ключом, — буркнул Лейстер.

— Капитан, — поджав губы, заявил Морэй, — ваше дело управлять космическим кораблем; мое же — организовать колонию с наиболее экономичным использованием имеющихся ресурсов.

Секунду-другую Лейстер и Морэй буравили друг друга взглядами сквозь полумрак, словно все остальные вдруг перестали существовать. Камилла протиснулась вдоль стенки и встала за капитаном; Мак-Арану показалось, что она оказывает пожилому Лейстеру поддержку — не столько физическую, сколько моральную.

Снаружи доносился обычный шум большого поселения, и негромко шипел снег, косо секущий пластиковый купол. Неожиданно налетел порыв ураганного ветра, все сооружение завибрировало, и в распахнувшуюся дверь ворвался обжигающе ледяной воздух. Камилла рванулась к образовавшемуся проему, но очередной порыв отбросил ее назад. Дверь бешено крутанулась, сорвалась с наспех привинченных к деревянной раме петель и сшибла девушку с ног. Мак-Аран помог ей подняться; Лейстер выругался сквозь зубы и принялся во весь голос звать кого-то из помощников.

Морэй поднял руку, привлекая внимание.

— Капитан, — произнес он, — нам нужно жилье понадежней и подолговечней. Эти купола ставились из расчета на шесть недель. Как, можно мне скомандовать, чтобы начинали строить из расчета на несколько лет?

Повисла тишина; Мак-Аран почувствовал, что в нем опять просыпается новая, обостренная чувствительность, и он будто бы явственно слышит, что думает Лейстер. Не попытка ли это завоевать плацдарм? Как бы так использовать несомненные организаторские таланты Морэя, чтобы не дать ему слишком большой власти

над колонистами и не подорвать таким образом собственной власти? Когда капитан заговорил, в голосе его звучала горечь; но все же он решил красиво отступить.

— Мистер Морэй, в технике выживания вы разбираетесь лучше. Я же только ученый — и космонавт. Временно я назначаю вас ответственным по лагерю. Составьте список всего необходимого и затребуйте у главного интенданта. — Он подошел к дверному проему и замер, глядя на вихрящийся снег. — Тут никакой пожар долго не протянет. Объявите общий сбор и накормите людей; потом пусть продолжают с заградительной полосой. Теперь вы тут главный — на какое-то время.

Капитанская выправка оставалась безупречной, но в голосе его звучала усталость. Морэй чуть склонил голову — без тени подобострастия.

— Только не подумайте, будто я сдался, — предупредил Лейстер. — Корабль будет отремонтирован.

— Может быть, — еле заметно пожал плечами Морэй. — Но если мы не протянем тут достаточно долго, ремонтировать его будет некому. И это пока единственное, что меня волнует.

Он развернулся к Мак-Арану и Камилле, больше не обращая внимания на капитана.

— Мак-Аран, ваша экспедиция хотя бы немного исследовала окружающую местность. Мне надо, чтобы вы представили подробный отчет обо всех местных ресурсах, включая пищевые… Впрочем, это, скорее, к доктору Ловат. Лейтенант Дель-Рей, вы астрогатор и умеете обращаться с приборами; не могли бы вы составить что-нибудь типа метеорологического обзора, чтобы хоть чуть-чуть наладить дело с прогнозами погоды? — Он осекся. — Хотя середина ночи не самое удачное время для этого. Начнем уже завтра.

Он направился к двери, но выход загораживал Лейстер; тот стоял все так же неподвижно и так же завороженно разглядывал снежную круговерть. Морэй попробовал протиснуться мимо капитана — раз, другой — и в конце концов тронул того за локоть. Капитан вздрогнул и отодвинулся, освобождая проход.

— Первым делом надо бы позвать наших бедолаг с холода, — произнес Морэй. — Капитан, кто отдаст приказ об остановке работ — вы или я?

Лейстер хладнокровно встретил взгляд Морэя; в глазах его читалась откровенная неприязнь.

— Совершенно все равно, — негромко ответил он. — Меня не слишком волнует, кто из нас отдает приказы — и да поможет вам Бог, если вы

добиваетесь только такой власти. Камилла, найдите майора Лэйтона, пусть он скомандует отбой тревоги; и проследите, чтобы все, кто работал на заградительной полосе, получили горячий ужин.

Девушка накинула капюшон и исчезла в белесой вихрящейся мгле.

— Морэй, в определенных талантах вам, пожалуй, не откажешь, — произнес капитан. — Можете, если заблагорассудится, при случае задействовать и мои скромные способности — не возражаю. Но в Космофлоте есть одна старая поговорка: пусть интриган дорвется себе до власти — и поделом ему!

Широко ступая, он зашагал прочь от купола, и врывающийся в пустой дверной проем ветер завыл с удвоенной силой; а Мак-Аран покосился на Морэя, и почему-то ему показалось, что эту схватку, пожалуй, выиграл все же капитан.

8

Дни становились длиннее, но все равно времени вечно не хватало. Через трое суток после пожара вырубку уже окружала заградительная полоса шириной тридцать футов, а для чрезвычайных ситуаций были сформированы несколько пожарных расчетов. Примерно тогда же под командованием Мак-Арана отправилась в путь вторая исследовательская экспедиция — составлять затребованный Морэем обзор местных ресурсов. Из участников первой в эту попали только Джудит Ловат и Мак-Леод. Джуди до сих пор вела себя тихо и замкнуто, оставаясь крайне неразговорчивой; Мак-Арана это не могло не тревожить, но свою работу Джуди делала исправно, временами проявляя чуть ли не сверхъестественное чутье.

Экспедиция выдалась не особенно богатая событиями. Были отысканы тропы (с видами на то, чтобы когда-нибудь проложить там нормальные дороги) в долину, где первой экспедиции встретились стада похожих на пони животных; был оценен ущерб от пожара (оказавшийся не

слишком значительным); были нанесены на карту все местные речки и ручьи; и на высокогорье Мак-Аран собрал внушительную коллекцию геологических образцов, чтобы впоследствии оценить возможное содержание в них руд.

Приятную монотонность экспедиции нарушило одно-единственное событие. Как-то вечером, когда день уже близился к закату, они прорубались через необычно густой подлесок; и вдруг шедший первым Мак-Леод замер как вкопанный, обернулся, приложил палец к губам и поманил Мак-Арана.

Рафаэль осторожно приблизился; за ним на цыпочках последовала Джуди. Она казалась необычно возбужденной.

Мак-Леод ткнул пальцем вверх, в самую гущу листвы. Два древесных ствола вздымались на головокружительную высоту, и первые ветки начинались по меньшей мере футах в шестидесяти от земли; а в вышине между стволами был перекинут мостик. И никакое другое название к этому сооружению не подходило — самый настоящий мост, сплетенный из чего-то наподобие ивняка, с ажурными перильцами.

— Вот и доказательство, что тут действительно есть аборигены, — прошептал Мак-Леод. — Мо-

жет, они живут в древесных кронах и потому-то нам не попадались…

— Тихо! — оборвала его Джуди.

Издалека донесся пронзительный, вибрирующий крик, и на мостике появилось существо.

В это мгновение все успели хорошенько его разглядеть. Существо было футов пяти ростом, бледнокожее или покрытое бледным мехом, с плоским, но удивительно человекоподобным лицом, уплощенным носом и красными глазками; и оно цепко хваталось за перильца самыми настоящими ручками — ни у кого не хватило присутствия духа сосчитать, сколько на руках у существа пальцев. Секунд, наверное, десять существо, замерев изваянием, разглядывало их с не меньшим изумлением, чем они его; наконец, испустив пронзительный птичий крик, оно метнулось к ближайшему дереву и, по-обезьяньи перепрыгивая с ветки на ветку, скрылось в листве.

Мак-Аран испустил протяжный вздох. Значит, все же этот мир обитаем; и, может, вовсе не жаждет раскрыть объятия человечеству.

— Джуди, — вполголоса спросил Мак-Леод, — это их ты видела в Тот День? Это и есть твои «Прекрасные»?

Лицо Джуди снова замкнулось в характерной упрямой маске, какая появлялась каждый раз, когда с ней заговаривали о Том Дне.

— Нет, — негромко, но очень решительно ответила она. — Это маленькие братья, не обладающие мудростью.

И ничего больше от нее было не добиться, так что расспросы пришлось очень быстро прекратить. Но Мак-Леод и майор Фрэйзер были на седьмом небе.

— Гуманоиды, живущие на деревьях. Образ жизни, скорее всего, ночной, судя по глазам; вероятно, приматы — хотя скорее ближе к долгопятам, чем к обезьянам. Наверняка разумные — пользуются инструментами и уже есть какие-то зачатки ремесел. Homo Arborens. Человек древесный, — произнес Мак-Леод.

— Если нам придется здесь остаться… — неуверенно проговорил Мак-Аран, — как могут два разумных вида ужиться на одной планете? Разве это не приведет обязательно к войне на уничтожение?

— Вовсе не обязательно, будем надеяться, — отозвался майор Фрэйзер. — В конце концов, на Земле долго жили бок о бок четыре разумных вида: люди, дельфины, киты… и, вероятно, слоны.

Просто так получилось, что технологическую цивилизацию, строили мы одни. Они живут на деревьях, мы — на земле. Так что никаких оснований для конфликта я не вижу — ни достаточных, ни необходимых.

Мак-Аран не был настроен столь оптимистически, но предпочел держать сомнения при себе.

Несмотря на всю монотонность и размеренность экспедиции, от непредвиденных опасностей никто не мог считать себя застрахованным. В долине, где паслись стада похожих на пони животных — для удобства ее окрестили равниной Забала — рыскали крупные хищники явно из семейства кошачьих, и только костры караульных удерживали их ночью на почтительном отдалении. А на высокогорье Мак-Аран впервые увидел птиц с голосами банши; огромных бескрылых птиц с жутковатого вида клювами, двигающихся столь стремительно, что лишь разряд ручного лазера, взятого для самых крайних случаев, спас доктора Фрэйзера от неминуемого потрошения; тут же произведя вскрытие, Мак-Леод обнаружил, что чудовищная птица абсолютно слепа.

— Интересно, как они охотятся — по слуху… или еще как-то? — задумчиво полюбопытствовал он.

— Подозреваю, они реагируют на инфракрас-

ное излучение, — отозвался Мак-Аран. — Похоже, там, где нет снега, их можно не опасаться.

Жутких птиц нарекли банши, и впредь экспедиция старалась преодолевать перевалы только при свете дня. На пути им встретились муравейники скорпионоподобных тварей, от укуса которых погиб Забал, и завязалась дискуссия, не стоит ли тех потравить. Против этого решительно выступил Мак-Леод — мол, не следует нарушать местный экологический баланс, о котором пока все равно ничего не известно. В конце концов, сошлись на том, что надлежит уничтожить все муравейники в радиусе трех миль от корабля и разъяснить колонистам и экипажу, что скорпиономуравьи смертельно опасны. Это была временная мера — но, в конце концов, все, что делали они на этой планете, было временными мерами.

— Если нам повезет убраться отсюда к чертовой матери, — хрипло проговорил Фрэйзер, — желательно оставить этот мир таким же, каким он был.

Вернувшись к кораблю после трехнедельного отсутствия, они обнаружили, что посреди вырубки появились два внушительных строения из дерева и камня — досуговый центр и столовая, а также здание поменьше — лабораторный

корпус. Собственно, это был последний раз, когда Мак-Аран вел счет времени неделями; длительность местного года по-прежнему оставалась неизвестной, но для удобства и более рациональной организации дежурств и рабочих смен было решено ввести условный десятидневный цикл с десятым днем — общевыходным. Успело организоваться внушительное садоводство, и первые семена уже начали давать всходы, а в лесу полным ходом шел сбор тех немногих фруктов, что диетологи успели признать годными в пищу.

Начал работать небольшой ветрогенератор, но электричество пускалось только на самые экстренные нужды; для ночного освещения из древесной смолы плавили свечи. Большая часть колонистов и экипажа по-прежнему жила в легких временных куполах — кроме тех, кто до сих пор находился в госпитале; Мак-Аран оказался «вписан» в тринадцатиместный холостяцкий купол.

На следующий день по возвращении экспедиции Мак-Арана и Джуди вызвал в госпиталь Юэн Росс.

— Вы пропустили объявление доктора Ди Астуриена, — сообщил он. — Короче, наши гормональные контрацептивы здесь ни к черту

не годятся; пока что беременностей не зарегистрировано — если не считать одного очень сомнительного раннего выкидыша — но мы так долго полагались на гормоны, что в доисторических противозачаточных средствах никто уж и не разбирается. Акушерско-диагностических комплексов у нас тоже нет — кому это надо на космическом корабле! Так что если нам и удастся зарегистрировать беременность, то без диагностической аппаратуры это будет слишком поздно, и ни о каких безопасных абортах и речи идти не может.

— Мог бы и не напрягаться — мне от этого ни тепло, ни холодно, — криво усмехнулся Мак-Аран. — Единственная девица, которая, так получается, в данный момент меня интересует, смотрит на меня как на пустое место — или, по крайней мере, не возражала бы, стань я действительно пустым местом.

Камиллы после возвращения он так до сих пор и не видел.

— А ты что скажешь, Джуди? — поинтересовался Юэн. — Я заглянул в твою медицинскую карточку; в твоем возрасте гормональные уколы — дело уже не обязательное, а добровольное…

— Наверно, считается, — слабо улыбнулась

Джуди, — что в столь зрелом возрасте человек уже в состоянии контролировать свои эмоции. Нет, последнее время я не замечала за собой всплесков сексуальной активности; никто меня особенно не интересовал, так что я и не беспокоилась насчет гормональных уколов.

— Хорошо; но все равно на всякий случай зайди к Маргарет Раймонди, она тебя проконсультирует, Секс — дело, конечно, добровольное, но инструктаж — обязательное. Может, ты и предпочтешь воздержание — но ты абсолютно свободна не воздерживаться; так что будь пай-девочкой, забеги к Маргарет, и она тебя проинструктирует.

Доктор Ловат рассмеялась, и Мак-Арану пришло в голову, что он не видел Джудит смеющейся с того самого дня, когда ими овладело безумие. Но в смехе этом ощущалась некая истерическая нотка, и Мак-Арану стало не по себе; к его облегчению, Джуди наконец заявила, отсмеявшись:

— Хорошо, хорошо. Вреда от этого, по крайней мере, никакого не будет.

Она удалилась; Юэн проводил ее взглядом, в котором тоже читалась тревога.

— Мне это не нравится. Похоже, она до сих пор не может оправиться от того, что с нами тогда случилось; но у нас нет ни одного свободного

психиатра — да и к тому же она вполне справляется со своей работой, а значит, с точки зрения закона, с ней все в порядке. Ладно, надеюсь, она еще придет в себя. Кстати, в экспедиции она как себя вела, нормально?

Мак-Аран задумчиво кивнул.

— Может быть, она прошла через что-то, о чем предпочла нам не говорить. Она ведет себя здесь, на удивление уверенно. Очень похоже на… помнишь, ты рассказывал, как Мак-Леод знал, что из лесных фруктов можно есть? Не могло ли получиться, что эмоциональный шок пробудил потенциальные пси-способности?

— Бог его знает, — покачал головой Юэн, — а у нас и так дел выше головы, проверять времени нет. Да и как можно что-то такое проверить? Пока она справляется со своей основной работой, я предпочел бы не вмешиваться.

Выйдя из госпиталя, Рафаэль зашагал через вырубку. Все выглядело вполне мирно, от маленькой мастерской, где изготавливали орудия для полевых работ, до огороженного участка вокруг корабля, где хранились временно демонтированные крупные агрегаты. Камиллу он обнаружил в куполе, чуть не рухнувшем под напором ветра в ночь пожара; разболтавшийся каркас укрепили,

а под куполом организовали компьютерный терминал. Камилла подняла глаза от клавиатуры, и во взгляде ее Мак-Арану почудилась откровенная враждебность.

— Что тебе надо? Может, Морэй приказал устроить тут метеобудку или еще что-нибудь в том же роде?

— Нет… но мысль неплохая, — отозвался Мак-Аран. — Еще один такой же буран, как в ночь пожара — и пиши пропало, если он застанет нас врасплох.

Камилла поднялась от клавиатуры и замерла перед Мак-Араном; кулачки ее были крепко стиснуты, лицо перекосила гневная гримаса.

— По-моему, вы все просто спятили, — заявила она. — О колонистах я уж и не говорю — в конце концов, они просто гражданские, от них ничего ждать и не приходится; все, что им надо, это организовать свою драгоценную колонию. Но ты-то, Рэйф! У тебя научное образование, ты-то должен понимать, что все это значит! Единственное, на что мы можем надеяться — это починить корабль; а если распылять силы на что-то еще, шансов остается меньше и меньше! — В голосе ее звенела истерика. — И тогда мы застрянем тут навечно!

— Камилла, — медленно произнес Мак-Аран, — не забывай, я ведь тоже из колонистов. Я отправился с Земли в систему Короны…

— Но там настоящая колония, со всей инфраструктурой… нормальный цивилизованный мир. Это я еще понимаю. Твоя профессия, образование — там они чего-то стоили бы!

— Камилла… — взяв ее за плечи, Мак-Аран вложил в звук имени все свое страстное томление. Она не отозвалась, но и вырываться не стала — недвижно замерла в его руках, подняв к нему несчастное осунувшееся лицо.

— Камилла, — повторил он, — послушай, пожалуйста, хоть минутку. Я готов идти за капитаном до конца — по крайней мере, действовать по его плану. Я готов на любую работу, лишь бы починить корабль. Но я не забываю о том, что из этого может ничего и не выйти; и я хотел бы быть уверенным, что мы сумеем тут выжить, если из ремонта ничего-таки не выйдет.

— Выжить ради чего? — пронзительно выкрикнула Камилла, чуть не сорвавшись на визг. — Чтобы деградировать до первобытного состояния, стать фермерами, варварами — безо всего того, что придает жизни смысл? Лучше уж погибнуть, но зато с честью!

— Любовь моя, я тебя не понимаю. В конце концов, первые люди начинали даже с меньшего. Может быть, с климатом им повезло больше — но за нами знания и умения десяти — двенадцати тысячелетий. Если капитан Лейстер считает, что нам под силу починить космический корабль — значит, мы тем более должны суметь обустроить этот мир для себя, наших детей и всех последующих поколений.

Он попытался привлечь Камиллу в объятия, но та вырвалась, белая от ярости.

— Лучше уж смерть, — хрипло выдавила она, — и любой цивилизованный человек ответил бы так же! Ты даже хуже, чем эти новогебридцы, эти идиотики, которые кричат: «Назад, к природе!» — и подыгрывают Морэю…

— Никогда не слышал ни о каких новогебридцах… Камилла, дорогая, не сердись, пожалуйста. Я только пытаюсь рассматривать вопрос с обеих сторон…

— Но никакой другой стороны нет! — обрушилась на него девушка. — И если ты этого не понимаешь, о чем тогда с тобой говорить! Как мне стыдно!.. Боже, как мне стыдно — когда-то я думала, что ты не такой, как все! — По щекам ее текли слезы; она сердито отбросила его руки. —

Убирайся и не смей подходить ко мне! Убирайся, черт возьми!

Характер у Мак-Арана был именно тот, какой, считается, должен быть у рыжеволосых. Он отдернул руки, словно обжегся, и развернулся кругом.

— С превеликим удовольствием, — бросил Рэйф через плечо и шагнул прочь из купола, хлопнув новой утяжеленной дверью с такой силой, что петли жалобно заскрипели.

Камилла без сил опустилась на свое рабочее место, уронила голову на руки и разрыдалась — пока не накатила волна жуткой, выматывающей тошноты, и Камилла с трудом успела доковылять до туалета. Оттуда она еле выползла; в голове уже мучительно пульсировало, лицо пылало, и в каждом нерве отдавалась боль.

Вернувшись под купол с компьютером, она вдруг вспомнила: такой приступ тошноты случался с ней уже третий раз. Холодный нерассуждающий страх когтистой лапой стиснул сердце, и Камилла вцепилась зубами в побелевшие костяшки пальцев, чтобы не закричать в голос.

— О нет… — прошептала она. — О нет, нет…

Мольбы и проклятия невысказанными замерли у нее на губах, а в широко раскрытых серых глазах застыл ужас.

Мак-Аран проходил между досуговым центром и общей столовой (два новых здания успели стать своего рода ядром многочисленного и неорганизованного сообщества), когда заметил на импровизированной доске объявлений записку о собрании коммуны Новые Гебриды. Ничего удивительного в этом не было: в систему Короны Экспедиционный Корпус отправлял не только отдельных лиц (вроде Мак-Арана или Дженни), но и небольшие группы или коммуны, семейные кланы и даже — в полном составе — два-три филиала торговых компаний, желавших расширить сферу влияния или открыть дочерние фирмы. Все подобные группы тщательнейшим образом проверялись на совместимость в рамках детально сбалансированного плана развития колонии — но компания все равно не могла не складываться достаточно разношерстная. Коммуна Новые Гебриды, подозревал Мак-Аран, представляла собой одну из множества неоруралистских коммун,[5] возникших в последнее время на Земле как реакция на охватившую все сферы жизни индустриализацию и регламентацию. Многие из подобных коммун предпочитали отправиться

[5] Примечания: 5

От англ. rural — деревенский, сельский, т. е. что-то вроде новоколхозов.

в колонии; и все соглашались, что те, кого на Земле считали неудачниками и не от мира сего, становились прекрасными колонистами. Прежде Мак-Аран не обращал на них ни малейшего внимания; но после того, что услышал от Камиллы, ему стало любопытно. Интересно, а на собрание пускают посторонних?

Теперь Рафаэль смутно припоминал, что еще на корабле эта группа периодически резервировала для своих собраний одну из рекреаций; похоже, общинная жизнь их носила довольно замкнутый характер. Ладно, в худшем случае его попросят удалиться.

Новогебридцев он обнаружил в пустой столовой. Большинство, рассевшись в круг, настраивали музыкальные инструменты.

— Прости, друг, но собрание закрытое, — поднял голову высокий юноша с длинной косичкой.

— Перестань, Аластэр, — возразила девушка с рыжими распущенными волосами до пояса. — Это же Мак-Аран, из экспедиции, он как раз наверняка знает ответы на многие наши вопросы. Проходите, устраивайтесь.

— Фиона, тебя не переспоришь! — рассмеялся Аластэр. — К тому же с таким именем его можно смело считать почетным членом коммуны!

Мак-Аран протиснулся в круг. Почему-то он не слишком удивился, увидев среди сидящих знакомую невысокую кругленькую рыжеволосую личность — Льюиса Мак-Леода.

— Боюсь, на корабле я ни с кем из вас не был знаком, — произнес Рафаэль, — и не имею ни малейшего представления, кто вы и что вы.

— Мы, разумеется, неоруралисты, — негромко отозвался Аластэр. — Кое-кто из истэблишмента называет нас антитехнократами, но мы вовсе не призываем разрушать. Просто ищем достойную альтернативу обществу, сложившемуся на Земле — и обычно в колониях нам рады ничуть не меньше, чем на Земле рады от нас избавиться. Поэтому… Мак-Аран, расскажите нам, что, собственно, происходит? Когда нам можно будет выделиться и организовать собственное поселение?

— Я знаю не больше вашего, — ответил Рафаэль. — Климат здесь довольно суров — ну, это вы и сами заметили; и если сейчас лето, можно себе представить, какая тут зима.

— Большинство из нас выросли на Гебридах, — рассмеялась Фиона, — или даже на Оркнейских островах. А там самый скверный на земле климат. Мак-Аран, мы не боимся холода. Но нам

хотелось бы организовать полноценную общину, со своими порядками и обычаями, до наступления зимы.

— Не уверен, — медленно произнес Мак-Аран, — что Лейстер позволит кому-либо покинуть лагерь. Нашей главной задачей до сих пор официально считается ремонт корабля, и подозреваю, что капитан считает всех нас единым сообществом. Если мы начнем как-то делиться…

— Да ладно вам, — махнул рукой Аластэр. — Ученых среди нас нет. Не можем же мы угробить пять лет на ремонт космического корабля; это против всей нашей философии!

— Выживание…

— Ну и … с выживанием! — (Гаэльского языка своих предков Мак-Аран почти не понимал, но догадался, что Аластэр имел в виду что-то очень неприличное.) — Для нас выживание означает лишь то, что надо как можно быстрее развернуть колонию. Мы записались в колонию Короны; капитан Лейстер ошибся и высадил нас здесь — но нам-то все едино. По нам, так тут даже лучше.

— А я и не знал, — Мак-Аран удивленно поднял брови и повернулся к Мак-Леоду, — что вы принадлежите к этой группе.

— Я и не принадлежу, — отозвался зоолог. —

Скажем так, я им сочувствую — и хочу остаться здесь.

— Мне показалось, они не слишком любят ученых…

— Ученые должны знать свое место, — заявила Фиона, — служить и помогать человечеству — а не манипулировать им и подрывать уверенность людей в себе. Доктора Мак-Леода — то есть Льюиса, мы не пользуемся титулами — с его знанием зоологии мы рады считать одним из нас.

— Вы что, — изумленно поинтересовался Мак-Аран, — собираетесь поднять бунт против капитана Лейстера?

— Какой еще бунт, приятель? Мы что, его экипаж или подчиненные? — возразил незнакомый парнишка. — Мы просто хотим жить по-своему на новой планете. Не можем же мы ждать три года, пока он не откажется от своей безумной затеи починить корабль. К тому же мы могли бы уже организовать полноценную общину.

— А если он все же починит корабль и отправится в систему Короны? Вы останетесь здесь?

— Это наш мир, — произнесла Фиона, встав рядом с Аластэром. Взгляд ее, устремленный на Мак-Арана, был одновременно кроток и несгибаем. — Наш и наших детей, которые родятся

здесь.

— Вы что, хотите сказать… — потрясенно начал Рафаэль.

— Точно мы еще не знаем, — сказал Аластэр, — но не исключено, что некоторые наши женщины уже беременны. Можете считать это знаком — знаком того, что мы принимаем этот мир, знаком того, что мы прощаемся с Землей и не хотим того мира, какой пытается навязать нам капитан Лейстер. — Так ему можете и передать:

И Мак-Аран ушел; а за спиной у него опять заиграли музыкальные инструменты, и вступил скорбный девичий голос, и зазвучала древняя песня, вечная, как меланхолия; плач по погибшим, живой осколок прошлого, истерзанного войнами и изгнанием мучительней, чем прошлое любого другого народа Земли:

Белокрылая чайка,

я молю, отвечай-ка,

где покоятся наши герои.

В мерно плещущих волнах,

и ни вздоха, ни стона не исторгнуть из хладных губ.

Из трав морских соткан саван.

и арф погребальный напев слышен в

унылом плеске.

К горлу у Мак-Арана подступил ком, а на глаза невольно навернулись слезы. «Плач плачем, — подумалось ему, — но они понимают, что жизнь продолжается. Шотландцы провели в изгнании столетия, тысячелетия. И это просто еще одно изгнание, чуть более дальнее, чем бывало обычно; и под новыми звездами они будут петь старые песни, откроют новые горы и новые моря…»

Выходя на воздух, он автоматически поднял капюшон; уже должен был накрапывать дождь. Но дождь не накрапывал.

9

Мак-Аран уже видел, к чему приводят на этой планете две подряд сухие и бесснежные ночи. Вот и теперь в садоводстве бушевало растительное безумие, а землю покрывал сплошной ковер — в основном, из крошечных оранжевых цветочков. Четыре луны вспыхивали ослепительной аркой поперек небосвода задолго до заката солнца и продолжали сиять после рассвета, заливая небесную сферу сиреневым мерцанием.

В лесах царила сушь, и обстановка была самой что ни на есть пожароопасной. Морэю пришло в голову установить на каждом холме в радиусе нескольких миль от вырубки по громоотводу на вершинах гигантских деревьев, Вряд ли это не допустило бы пожара в случае сильной грозы, но хоть чуть-чуть подстраховаться в любом случае не мешало.

А на высокогорье раскрывались огромные золотистые колокольчики, и ветер разносил по склонам сладковатый аромат пыльцы. В долинах же установилось безветрие.

Пока…

После того как целую неделю стояли лунные бесснежные ночи и необычно теплые дни, — необычно теплые по меркам этой планеты, а по сравнению с ней Норвегия показалась бы летним курортом, — Мак-Аран отправился к Морэю просить разрешения организовать еще одну экспедицию в предгорья. Не стоит, чувствовал он, пренебрегать такой редкой возможностью пополнить коллекцию геологических образцов — а заодно поискать пещеры, которые могут пригодиться как временное жилье при будущем освоении планеты. Под свой кабинет Морэй занял маленькую комнату в боковом крыле досугового центра; и пока Рафаэль ждал в коридоре, отворилась входная дверь, и появилась Хедер Стюарт.

— Ну, и как тебе эта погода? — поинтересовался Мак-Аран, следуя старой земной привычке: не знаешь, что сказать, говори о погоде. Что ж, на этой планете погода, и неизменно скверная — неисчерпаемая тема для беседы.

— Не нравится она тине, — очень серьезно ответила Хедер. — Все не могу забыть, что случилось с нами на высокогорье после нескольких ясных дней.

«И ты тоже?» — подумал Мак-Аран, но вслух запротестовал:

— Да ты что, Хедер, при чем тут может быть погода!

— Легочный вирус. В цветочной пыльце или в пыли. Рэйф, я же микробиолог — ты даже не представляешь себе, сколько всего может быть в нескольких кубических дюймах воздуха, воды или почвы. На разборе у главврача Камилла говорила, что последнее ее воспоминание перед тем, как она уже окончательно отъехала — это что она нюхала цветы; и я тоже помню сильный цветочный запах. — Она слабо улыбнулась. — Конечно, то, что я помню, вряд ли можно считать твердым фактом — и упаси меня Господи еще раз проверять методом проб и ошибок! Всего несколько дней назад, я окончательно удостоверилась, что не забеременела, и как подумаю, что все могло бы повториться… Нет, но какой ужас был для женщин жить, когда не придумали еще по-настоящему надежных контрацептивов! Долгие месяцы сомневаться и мучиться… — Ее передернуло. — Рэйф, а что Камилла? Она уже проверилась? Со мной она об этом не хочет разговаривать…

— Понятия не имею, — мрачно отозвался Мак-Аран. — Со мной она вообще не разговаривает.

Подвижное личико Хедер исказила испуганная

гримаска.

— Ой, Рэйф, прости, пожалуйста! Мы были так рады за вас; и Юэн, и я надеялись… О, похоже, Морэй наконец освободился.

Распахнулась дверь, и вылетевший в коридор высокий рыжеволосый Аластэр чуть не сшиб Мак-Арана и Хедер с ног.

— Нет, Морэй — нет и еще раз нет! — обернувшись, выкрикнул он. — Мы отделяемся — вся наша коммуна! Сегодня же! Сейчас же!

— Коммуна эгоистов! — произнес, появляясь в дверях, Морэй. — Вы только и можете, что болтать про общее благо, но всякий раз получается, что вы желаете благ лишь для своей узкой группки, а не для всех людей, оказавшихся на этой планете. Вам не приходило в голову, что все мы, двести с лишним человек, поневоле составляем единую общность? Можно сказать, мы и есть человечество, мы и есть общество. А как же великое и могучее чувство ответственности перед ближним, приятель?

— У вас, остальных… совершенно другие цели, — пробурчал Аластэр, уставившись в пол.

— Цель у нас у всех одна — общее благо и выживание, — негромко проговорил Морэй. — Сейчас подойдет капитан. Дайте мне, по крайней мере,

возможность поговорить с остальными новогебридцами.

— Я уполномочен говорить от имени всех нас…

— Аластэр, — очень серьезно сказал Морэй, — вы понимаете, что нарушаете собственные правила? Если вы истинный, убежденный анархист, то должны дать своим людям возможность выслушать то, что я намерен им сказать.

— Вы просто пытаетесь манипулировать всеми нами…

— А вы боитесь, что я смогу их переубедить? Боитесь, что они вас не послушаются?

— Ну и ладно! — взорвался загнанный в угол Аластэр. — Черт с вами, выступайте, сколько душе угодно! Флаг вам в руки!

Он метнулся к выходу, и Морэй последовал за ним.

— Прости, приятель, — на ходу бросил он Мак-Арану. — Что бы там у тебя ни было — придется подождать. Я должен попытаться втолковать этим малолетним психам, что все мы — одна большая семья, и на их маленькой семейке свет клином не сошелся.

Перед досуговым центром уже собрались человек тридцать новогебридцев. Рафаэль обратил

внимание, что они демонстративно отказались от полевой формы из корабельных запасов в пользу обычной гражданской одежды — и все с рюкзаками. Морэй стал держать речь. От дверей досугового центра Мак-Аран почти ничего не слышал, но на лужайке то и дело поднимался громкий ор, и все одновременно начинали размахивать руками. Он стоял и наблюдал, как над распаханной землей закручиваются смерчики пыли, а доносящийся с края вырубки шорох ветра в листве походил на неумолчный шум моря, на бесконечную песню без слов. Мак-Аран перевел взгляд на стоящую рядом Хедер; лицо ее словно бы переливалось и мерцало под сумрачными лучами солнца — не лицо, а песня.

— Музыка… — с хрипотцой произнесла она. — Музыка ветра…

— Господи Боже, чем они там занимаются? — пробормотал Рафаэль. — Танцевать собрались, что ли?

Из корабля появились несколько офицеров Службы Безопасности в форме, и Мак-Аран заспешил к месту событий. Один из офицеров обратился к Аластэру и Морэю.

— …и сложить рюкзаки, — донеслось до Мак-Арана. — У меня приказ капитана заключить

вас всех под стражу за дезертирство в условиях чрезвычайного положения.

— Ваш капитан нам не указ, чрезвычайное положение там или что — слышал, легавый? — выкрикнул высокий рыжеволосый парень; одна из девушек швырнула в сторону офицеров пригоршню подобранной с земли грязи, и все новогебридцы покатились со смеху.

— Нет! — выдохнул Морэй, шагнув к офицерам. — Ничего этого не надо! Я сам справлюсь с ними!

Офицер, в которого попало грязью, принялся стаскивать с плеча оружие. Мак-Аран ощутил, как накатывается волна хорошо знакомого страха. «Ну вот, теперь крышка», — пробормотал он и перешел на бег. В тот же момент, словно по команде, новогебридцы скинули рюкзаки и в полном составе — и юноши, и девушки — демонически завывая, бросились на офицеров.

Один из них отбросил оружие, зашелся в приступе истерического смеха и стал кататься по земле, оглушительно голося. Мак-Аран, в какую-то долю секунды осознав, что все это значит, прибавил ходу. Ворвавшись в гущу толпы, он схватил валяющееся на земле ружье, вырвал оружие у второго офицера и пустился бежать к ко-

раблю; в это время третий офицер, у которого был только пистолет, открыл огонь. Выстрелить он успел только раз, но в болезненно вибрирующей голове Мак-Арана выстрел отдался бесконечно повторяющимся эхом; а одна из девушек, испустив пронзительный крик, рухнула на землю и забилась в корчах.

С грохотом волоча за ремни два ружья, Мак-Аран ворвался на мостик к капитану. Лейстер недовольно вскинул кустистые брови, и те на глазах у Мак-Арана поползли по лбу, как гусеницы, замахали крылышками и унеслись порхать под купол… нет. *Нет!*

— Капитан! — панически выдохнул Мак-Аран, еле удерживаясь на самом краю неумолимо затягивающего водоворота бреда. — Это начинается опять! То, что было с нами наверху! Ради бога, срочно заприте все оружие и боеприпасы, пока кого-нибудь не убили! Уже есть одна раненая…

— Что? — недоумевающе воззрился на него Лейстер. — Вы, должно быть, преувеличиваете…

— Капитан, я через это уже проходил, — выдохнул Мак-Аран, с невероятным трудом подавляя желание броситься кататься по полу или вцепиться капитану в глотку и придушить… — Честное слово. Спросите Юэна Росса. Его много лет

учили на врача, он давал клятву Гиппократа — и вот он организует этакую импровизированную шведскую семейку, не обращая внимания, что пациент, которому впору в реанимацию, пробегает мимо и валится с разрывом аорты. А Камилла… то есть лейтенант Дель-Рей, бросает телескоп и начинает гоняться за бабочками.

— И вы думаете, это… эта эпидемия доберется сюда?

— Капитан, я не думаю — я знаю: она сюда уже добралась, — взмолился Мак-Аран. — Я… еще чуть-чуть, и я совсем рехнусь.

При недостатке воображения или умения оперативно действовать в чрезвычайных ситуациях капитаном космического корабля не становятся. С вырубки донесся еще один выстрел, и Лейстер бросился к выходу, ткнув по пути кулаком кнопку «Тревога». Никто не откликнулся, и, громко выкрикивая на бегу команды, капитан устремился через вырубку.

Мак-Аран, не отставaвший от капитана ни на шаг, в мгновение ока оценил ситуацию. Раненая девушка по-прежнему корчилась от боли на земле, а офицеры безопасности и новогебридцы бились стенка на стенку, кроя друг друга, на чем свет стоит. Грохнул третий выстрел; один из

офицеров взвыл от боли и осел на землю, сжимая простреленное колено.

— Дэнфорт! — взревел капитан.

Дэнфорт развернулся волчком, не опуская пистолета, и какое-то мгновение Мак-Арану казалось, что сейчас прогремит четвертый выстрел; но сказался выработанный за годы службы рефлекс беспрекословного подчинения капитану, и обезумевший офицер замешкался. На какой-то миг — но этого хватило: Мак-Аран с разбегу обрушился на него всем весом, и они покатились по земле, а пистолет отлетел в сторону. На пистолет коршуном набросился Лейстер, моментально выщелкнул обойму и сунул в карман.

Дэнфорт царапался как безумный и все пытался дотянуться до горла Мак-Арана; Рафаэль же ощутил, что и в нем вздымается волна слепой нерассуждающей ненависти, а перед глазами начинают бешено вращаться кровавые круги. Ему хотелось загрызть офицера, выцарапать тому глаза… в памяти промелькнули события Того Дня, и невероятным усилием воли Мак-Аран заставил себя вернуться к реальности, выпустил противника и позволил тому подняться на ноги. Дэнфорт уставился на капитана и разревелся, и принялся тереть кулаками глаза, из которых стру-

ились слезы, и что-то неразборчиво забормотал.

— Дэнфорт, тебе это так не пройдет! — рявкнул Лейстер. — Шагом марш в кубрик!

Дэнфорт последний раз судорожно дернул кадыком, Черты лица его разгладились, и он лениво улыбнулся.

— Капитан, — промурлыкал он, — вам кто-нибудь говорил, что у вас изумительнейшие голубые глаза? Послушайте, почему бы нам не… — в упор глядя на командира, невинно улыбаясь, совершенно серьезно он сделал Лейстеру такое непристойное предложение, что тот аж поперхнулся, побагровел от ярости и только набрал полную грудь воздуха, дабы рявкнуть что-нибудь подобающее случаю, как Мак-Аран схватил его за плечо.

— Капитан, пожалуйста, не делайте ничего такого, о чем будете потом жалеть. Неужели вы не видите — он сам не понимает, что делает или говорит.

Но Дэнфорт уже потерял интерес к капитану и неторопливо удалился, расшвыривая ногами камешки. Бушевавшая вокруг всего несколько секунд назад драка утратила накал: кто-то из участников, опустившись на землю, неразборчиво ворковал себе под нос, остальные разбились

на группки по два-три человека. Кто-то, разлегшись на жесткой траве, предавался животным ласкам, являя собой картину полного самоуглубления и пренебрежения всеми и всяческими условностями; кто-то перешел уже к более активным и непосредственным действиям в самых произвольных комбинациях — мужчины с женщинами, женщины с женщинами, мужчины с мужчинами… Капитан Лейстер в ужасе уставился на эту полуденную оргию и зарыдал.

В душе у Мак-Арана полыхнула вспышка отвращения, выжигая последние остатки уважения и сочувствия к старому капитану. В одно и то же мгновение всколыхнулись самые конфликтующие эмоции и принялись раздирать Рафаэля на части: ослепляющая животная похоть, желание нырнуть в самую гущу извивающихся на земле тел; коротенькая нотка раскаяния по отношению к Лейстеру: «Он сам не понимает, что делает, даже еще меньше, чем я…» — и приступ неудержимой тошноты. На какую-то долю секунды ужас и тошнота затмили все прочие шевеления — и Мак-Аран на подкашивающихся ногах метнулся прочь.

А за спиной у него совсем молоденькая длинноволосая девушка, почти еще девочка, подошла

к капитану и уложила на траву, пристроила его голову у себя на коленях и принялась укачивать, как ребенка, вполголоса напевая по-гаэльски…

Первую волну надвигающегося безумия Юэн Росс ощутил как внезапный приступ беспричинной паники… И в то же мгновение забинтованный с ног до головы больной, многие дни не выходивший из коматозного состояния, сорвал бинты и на глазах остолбеневших от ужаса Юэна и медсестры со смехом истек кровью. Медсестра швырнула в умирающего большой оплетенной бутылью с жидким зеленым мылом; только тогда Юэн, что есть сил сопротивляясь волне накатывающегося сумасшествия (*земля под ногами ходила ходуном, бешеной силы, головокружение угрожало вывернуть все нутро наизнанку, перед глазами раскручивались безумные цвета…*), бросился к медсестре и вырвал у нее скальпель, которым та пыталась перепилить себе запястья. Он вывернулся из обвивших его рук («Повалить ее на койку, содрать халат…»), ворвался к доктору Ди Астуриену и умоляюще, заплетающимся языком выпалил, что надо срочно запереть под замок все яды, наркотики и хирургические инструменты. С помощью Хедер (та не забыла, что случилось в прошлый раз) Юэн успел запереть почти все

препараты и надежно спрятать ключ прежде, чем весь госпиталь сошел с ума.

В лесной чаще непривычно яркий солнечный свет усеял поляны и лужайки цветами и наполнил воздух запахом пыльцы, которую принес ветер с высокогорья.

Насекомые суетливо перелетали от цветка к цветку, от листочка к листочку; птицы торопливо спаривались и строили из перышек теплые гнезда, и откладывали яйца в самые настоящие глинобитные коконы с прослойками из питательных нектаров и смол — до следующего такого же каприза погоды. Травы и злаки разбрасывали семена, которые после первого же снега, после удобрения и увлажнения дадут новые всходы.

Напоенный сладковатым ароматом пыльцы ветер веял над долинами, и крупные животные, похожие на оленей, пускались ни с того ни с сего в паническое бегство, а то дрались не на жизнь, а на смерть или самозабвенно спаривались при свете дня. А в лесистых предгорьях безумствовали в древесных кронах маленькие пушистые гуманоиды, отваживаясь спускаться на землю — некоторые первый и последний раз в жизни — от пуза наедаясь плодами, на глазах наливающимися соком, и вприпрыжку носи-

лись по лужайкам, даже думать забыв о хищных животных. Наследственная память многих тысячелетий неизгладимо запечатлела уже на генном уровне, что в это время даже их природные враги не способны долго и методично преследовать добычу.

На планету четырех лун опускалась ночь; в удивительно прозрачные сумерки закатилось темное солнце, и на небе выступили редкие звезды. Одна за другой из-за горизонта выплыли четыре луны; огромный блестящий сиреневый диск, потом бледно-зеленоватый и голубоватый внушительные самоцветы и, наконец, молочно-белая жемчужина. На вырубке, посреди которой лежал чуждый этому миру межзвездный корабль, огромный и угрожающий, люди Земли вдыхали странный ветер и странный аромат пыльцы; и в головах у них рождались помыслы, один другого курьезней.

Отец Валентин и человек шесть незнакомых ему космофлотчиков распростерлись в кустарнике, изнуренные и пресыщенные.

Больные оглашали госпиталь лихорадочными стонами, но некому было за ними ухаживать; некоторые вскакивали с коек и стремглав скрывались в лесу, преследуя не пойми что. Человек

со сломанной ногой пробежал, петляя между деревьев, целую милю, пока нога вдруг не отказала, и он, заливаясь счастливым смехом, рухнул ничком посреди залитой лунным светом лужайки; а появившийся из-за деревьев похожий на тигра зверь лизнул его в лицо и завилял хвостом.

Джудит Ловат мирно лежала на своей койке, раскачивая на цепочке голубой кристаллик, который после возвращения из первой экспедиции она все время носила на шее. Теперь же она извлекла его на свет, словно странные звездообразные сполохи внутри камешка оказывали на нее гипнотическое воздействие. В мозгу у нее завихрились воспоминания о веселом безумии Того Дня. Через какое-то время, следуя некоему неслышному призыву, она поднялась с койки и потеплее оделась, без малейших угрызений совести позаимствовав самую теплую одежку своей соседки по комнате (ее соседка по комнате, девушка, которую звали Элоиза, офицер-связистка из экипажа корабля, в это время сидела под деревом с длинными листьями, слушала шум ветра в листве и напевала песню без слов). Джуди хладнокровно прошла через всю вырубку и углубилась в лес. Она сама точно не знала, куда идет, но была уверена, что ей укажут путь, когда

настанет время; так что она шла прямо по взбирающейся на холм тропинке, не отклоняясь ни на шаг, и слушала музыку ветра.

Фразы, слышанные когда-то на какой-то другой планете, отдавались в голове неясным эхом: «…Где женщина о демоне рыдала».

«Нет, не демон, — думала Джуди, — но для человека он слишком необычен и прекрасен…». Откуда-то донесся сдавленный всхлип, и Джуди запоздало поняла, что это плачет она сама, вспоминая ту музыку, мерцание ветра и цветы, странный блеск глаз полузабытого существа, холодный укол страха, быстро переродившегося в очарование, а затем и в счастье, в ощущение невероятной близости, какой Джуди еще не приходилось испытывать никогда и ни с кем.

Может, примерно о таком и повествовали древние земные легенды? О страннике, позволившем околдовать себя феям и эльфам; о поэте, воскликнувшем зачарованно:

В лесу я деву повстречал,
она мне шла навстречу с гор.
Летящий шаг, цветы в кудрях,
блестящий дикий взор.

Так это было? Или, может быть, так: «Тогда Сын

Божий увидел дочерей человеческих, что они красивы…»[6]

Нет, разумеется, Джуди была ученым до мозга костей; и она не могла не понимать, что такое странное поведение отдает безумием. Она и не сомневалась, что часть воспоминаний эмоционально окрашена или искажена тем измененным состоянием сознания, в котором она была в Тот День. Но непосредственное, живое ощущение тоже нельзя было сбрасывать со счетов. И даже если ее поведение было отчасти безумным, за безумием скрывалось еще что-то: что-то вполне реальное, столь же реальное, как явственно звучащее в данный момент в мозгу: «Иди ко мне. Тебе покажут путь, и ничего с тобой не случится».

Над головой как-то странно зашелестела листва, и Джуди, замерев в предвкушении, подняла взгляд. Так сильно надеялась она и мечтала вновь увидеть то необычное, незабываемое лицо, что чуть не расплакалась, когда сквозь листву на нее диковато и робко уставились красные глазки одного из низкорослых древесных существ; покрытое светлым мехом создание соскользнуло вниз по стволу и встало перед Джуди, не пере-

[6] Примечания: 6

Бытие, 6:2. «Тогда сыны Божий увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал».

ставая дрожать мелкой дрожью, но уверенно протянуло к ней ручки.

Вряд ли можно было сказать, что между их сознаниями установился контакт. Джуди помнила, что «маленькие братья» находятся на гораздо низшей ступени развития — не говоря уже об языковом барьере. Но какое-то понимание между ними все же возникло. Низкорослое создание точно знало, что нашло именно кого надо, и зачем; Джуди точно знала, что «маленький брат» послан именно за ней и несет то самое послание, которое она так жаждет услышать. Подняв голову, она разглядела среди листвы еще не одну пару робких красных глазок; видно, «маленькие братья» ощутили, что Джуди не желает им никакого зла, и в следующее мгновение она оказалась в кольце пушистых фигурок, Один из них ухватился за кончики ее пальцев узкой прохладной ладошкой; другой, высоко подпрыгнув, набросил ей на шею венок из цветов и ярких листьев. Почтительно, чуть ли не благоговейно они повлекли ее вглубь леса, и без единого слова возражения она последовала за ними, понимая, что это только пролог к той, настоящей встрече, которую она так ждет.

Высоко над землей, в кормовой части косо врезавшегося в землю гигантского корабля про-

гремел взрыв, и эхо его прокатилось по лесу, вспугивая с деревьев птиц. Тучей, на мгновение затмившей солнце, они взметнулись в воздух, но никто из землян не обратил на оглушительный грохот ни малейшего внимания…

Морэй ничком растянулся на мягкой вспаханной почве садоводства и прислушивался к шевелениям растительной жизни глубоко под землей. Ему казалось в эти мгновения, что сознание его бесконечно расширилось, и он слышит, как прорастает трава, и на деревьях распускаются листья: слышит, как одни высаженные в незнакомую почву земные растения жалуются на жизнь, плачут и умирают, в то время как другие растут и меняются, вплоть до клеточной структуры, чтобы приспособиться и выжить. Вряд ли Морэю удалось бы высказать все это с помощью слов; а, будучи практиком и материалистом, в экстрасенсорное восприятие он все равно никогда не поверил бы. Но странное безумие этого мира активировало у него в мозгу не использовавшиеся ранее центры, и вопрос о том, верить или не верить — или, тем более, как-то понять происходящее — даже не стоял. Он просто знал и принимал это знание, и понимал, что теперь оно останется с ним навсегда.

Отца Валентина разбудили лучи поднимающегося над вырубкой солнца. В первое полубессознательное мгновение, еще не оправившись от нахлынувшего накануне целого сонма новых ощущений, он сел и уставился в изумлении на солнце и все четыре луны — которые, благодаря какой-то игре света или странным образом обострившемуся зрению отца Валентина, ярко выделялись на фоне темно-лилового рассвета: зеленая, лиловая, алебастрово-жемчужная и переливчато-синяя. Но стоило бросить взгляд на раскинувшиеся вокруг в изнеможении тела, как потопом хлынули воспоминания о вчерашнем, и за ними — ужас. Жуткий, неотвязный ужас при мысли о том, что происходило, когда накатила тьма, и на свободу вырвались животные инстинкты — ужас этот обрушился на мозг, и без того настолько замутненный и перевозбужденный, что собственного безумия не сознавал.

У одного из космофлотчиков на поясе висел нож. Сотрясаясь в рыданиях, отец Валентин выхватил нож из чехла и очень серьезно принялся удалять с лица земли всех свидетелей своего грехопадения, недвижным взглядом провожая струящиеся среди корней кустарника ручейки крови и бормоча под нос отходные молитвы.

«Все дело в ветре», — подумал Мак-Аран. Хедер была права: ветер принес какую-то дрянь. С пыльцой или с пылью, какую-то легочную инфекцию, вызывающую массовое безумие. С ним это случалось уже второй раз, и теперь он хотя бы примерно понимал, что происходит; по крайней мере, достаточно, чтобы выдержать первую волну безумия и, перебарывая время от времени накатывающие приступы паники или эйфории, прятать под замок оружие, боеприпасы и яды из химической лаборатории. Он понимал, что тем же самым, в меру возможностей, занимаются в госпитале Хедер и Юэн. И все равно события прошедшего дня и ночи отдавались во всем теле холодным мертвящим ужасом; поэтому, когда опустилась тьма, Мак-Аран здраво рассудил, что один наполовину спятивший немногое может; против двухсот абсолютно невменяемых, и просто спрятался в лесу, временами борясь с накатывающими волнами безумия. Будь проклята эта планета! Будь проклята, вместе с ее навевающими безумие ветрами, бесшумно, как призраки, обрушивающимися с высокогорья и поражающими всех поголовно — и людей, и зверье. Вездесущий, ненасытный ветер — призрак безумия и ужаса! «Капитан прав. Мы должны

уносить отсюда ноги. Человек здесь не выживет, слишком он уязвим...»

«Что с Камиллой?» — не отпускала его тревожная мысль. В эту безумную ночь насилия, крови, паники, борьбы не на жизнь, а на смерть и вандализма — где она? Он уже пробовал искать ее, но безрезультатно; несмотря на то, что обострившимися чувствами пытался «слушать эфир», как тогда, на горе, когда он безошибочно вышел к Камилле сквозь буран. Но собственный его страх забивал «эфир» сплошными статическими разрядами и от слишком — если не сказать болезненно — чувствительного приемника проку было мало; Мак-Аран ощущал, что она где-то рядом — но где? «Может быть, — думал он, осознав бесполезность дальнейших поисков, — она тоже просто спряталась где-нибудь от безумной толпы? Может быть, ей застлала глаза дикая животная страсть, и ее затянуло в одну из множества группок, что самозабвенно предавались плотским утехам по всей вырубке?». Думать так была сущая мука... но Мак-Аран понимал, что это самая безопасная альтернатива. Более того, это была единственно терпимая альтернатива; стоило только подумать, что ей мог встретиться какой-нибудь потенциальный маньяк-убийца до того, как все оружие

было надежно заперто, или что она могла в приступе паники убежать в лес и попасться в лапы хищным зверям… нет, о таком Мак-Аран пытался не думать вообще.

В голове у него гудело, и ноги заплетались. Пересекая вырубку, он старался внимательно глядеть по сторонам; в зарослях кустарника возле ручья неподвижно замерли несколько тел — трудно сказать, раненые, убитые или пресытившиеся до изнеможения: по крайней мере, Камиллы среди них точно не было. Казалось, земля колеблется под ногами, и Мак-Арану требовалось предельное сосредоточение, чтобы не броситься очертя голову назад в лес в поисках… в поисках… тряхнув головой, он вспомнил, наконец, предмет своих поисков и угрюмо направился дальше.

Не в актовом зале — где распростерлись в изнеможении или меланхолично дули в свои дудки и щипали арфы новогебридцы. Не в госпитале — хотя, судя по устилающим пол бумажным сугробам, кто-то совсем недавно неплохо позабавился с медицинским архивом… *нагнуться, подобрать горсть бумажных обрывков, просеять сквозь пальцы невесомыми снежными хлопьями, и клочки завихрятся ветром…* Мак-Арану никогда не довелось узнать, как долго стоял

он, замерев, слушая музыку ветра и не сводя недвижного взгляда с прихотливого узора, вытканного облаками на рассветном небе; в конце концов волна безумия схлынула, как мучительно медленно откатывающийся от берега отлив. Но мечущиеся по небу облака уже скрыли солнце, и дул ледяной ветер; Мак-Аран откровенно запаниковал и пустился обшаривать все мыслимые и немыслимые закоулки.

Заглянуть в компьютерный терминал ему пришло в голову в последнюю очередь; под куполом было темно хоть глаз выколи («Что случилось с электричеством?. Неужели тот взрыв напрочь отрубил все питание?»), и в первое мгновение Мак-Арану показалось, будто там никого нет. Потом глаза его привыкли к полумраку, и в дальнем углу он разглядел какие-то призрачные размытые фигуры; ага, капитан Лей-стер и… да, Камилла — присела рядом с ним на колени и держит за руку.

В мозгу что-то шевельнулось; теперь Мак-Аран уже принимал как должное, что он может читать мысли капитана: «Камилла, почему раньше я никогда тебя толком и не замечал?». Каким-то дальним, не поддавшимся безумию уголком сознания Мак-Аран подивился всколыхнувшейся в

нем первобытной ярости, кипучей и неудержимой: *эта женщина — моя!*

Мягко, по-звериному ступая, он направился к ним, чувствуя, что у него сводит горло, зубы оскаливаются, а из глотки вырывается клокочущий рык. Капитан Лейстер подскочил и с вызовом уставился сквозь полумрак на Мак-Арана; а тот с отстраненной ясностью снова погрузился в поток мыслей капитана и ощутил, что Лейстер все не так понял…

«Еще один безумец, я должен защитить от него Камиллу, хотя бы такая малость в моих силах…» — последние внятные мысли смазал взметнувшийся вал ярости и желания. Рафаэль обезумел; низко пригнувшись, Лейстер бросился на него, и они покатились по полу, царапаясь и утробно рыча. Мак-Аран оказался наверху и на какое-то мгновение взгляд его упал на Камиллу; та безвольно полулежала, прислонившись к стенке, нов расширенных зрачках ее читалось нетерпение. Наша драка возбуждает ее, пронеслось в голове у Рафаэля; кто бы ни победил, тому она готова принадлежать, пассивно, безразлично…

Тут наступило краткое просветление. Мак-Аран с трудом высвободился от капитана и поднялся на ноги.

— Послушайте, сэр, это чистой воды идиотизм, — низким, убедительным тоном начал он. — Если вы будете сопротивляться, безумие отступит. Попробуйте…

Но вскочивший на ноги Лейстер отозвался только яростным рыком; на губах у него выступила пена, глаза застлала безумная муть. Пригнув голову, он с разбегу бросился на Мак-Арана; тот, уже вполне овладев собой, отступил на полшага в сторону.

— Прошу прощения, капитан, — с искренним сожалением проговорил Рэйф и, хладнокровно примерившись, хуком слева послал Лейстера в глубокий нокаут.

Секунду-другую он стоял и смотрел на неподвижно раскинувшуюся на полу фигуру, чувствуя, как из организма вытекают последние капли безумной ярости. Потом он подошел к Камилле и опустился рядом на корточки. Она подняла на него взгляд и улыбнулась, и в то же мгновение между ними установился несомненный контакт.

— Камилла, — нежно произнес он, — почему ты не сказала, что ждешь ребенка? Я бы, конечно, страшно беспокоился — но был бы счастлив.

«Не знаю. Сначала мне было страшно, я никак не могла поверить; это слишком изменило бы

всю мою жизнь».

«Но теперь ты не против?»

— В данный момент — нет, не против, — вслух произнесла она. — Но сейчас все так необычно… Я могу опять измениться.

— Значит, это не иллюзия, — пробормотал Мак-Аран. — Мы действительно читаем мысли друг друга.

— Разумеется, — отозвалась Камилла все с той же безмятежной улыбкой на лице. — А ты так и не понял?

«Ну, конечно, — подумал Мак-Аран — вот почему ветер приносит безумие».

Первобытный человек на Земле наверняка владел экстрасенсорным восприятием, полным комплектом лей-талантов — как дополнительным козырем в борьбе за существование. И это объясняло бы не только стойкую веру в экстрасенсорику (не основывающуюся практически ни на каких доказательствах), но и выживание в тех ситуациях, когда одного разума было явно недостаточно. Первобытный человек, будучи существом весьма хрупким, просто не сумел бы выжить, не обладай он способностью точно знать (при том, что зрение у него было гораздо слабее, чем у птиц, а слух на порядок хуже, чем у

собаки или любого другого хищника), где можно найти пищу, воду, укрытие; как избежать своих природных врагов. Но по мере развития цивилизации и техники эти таланты атрофировались за ненадобностью. Человек, ведущий сидячий образ жизни, отучается бегать и карабкаться; несмотря на то, что все мускулы на месте и в случае необходимости могут быть разработаны, как прекрасно известно любому гимнасту или цирковому акробату. Полагаясь на записные книжки, человек утрачивает способности древних бардов помнить наизусть гигантские эпические поэмы и генеалогические таблицы. Но все эти тысячелетия память об экстрасенсорных талантах сохранялась в человеческих генах и хромосомах; и какой-то химикат в инопланетном ветре (пыльца? вирус? пыль?) пробудил эту дремлющую память.

И как следствие — безумие. На человека, привыкшего использовать только пять своих чувств, внезапно обрушилась лавина неисчислимых новых раздражителей; и примитивный перевозбужденный мозг, не в состоянии выдержать столь массированной бомбардировки, не справлялся — у кого слетали все установленные цивилизацией тормоза, кто экстатически раскрывался до самого

дна, а кто замыкался в непроницаемой оболочке аутизма… «Значит, если мы хотим выжить на этой планете, нам следует прислушиваться к этому новому чувству, не противиться ему, а привыкать и учиться использовать».

— Послушай, Рэйф, — негромко произнесла Камилла, взяв его за руку. — Ветер стихает; скоро пойдет дождь, и все кончится. Наверно, мы станем другими… Рэйф, ветер уляжется, и я наверняка опять стану другой. Давай не будем терять такой возможности… пока это в моих силах.

В голосе ее звучала такая грусть, что Мак-Аран сам чуть не расплакался. Вместо этого он взял ее за руку и, осторожно ступая, они направились к выходу; у двери Камилла замешкалась, мягко высвободила ладонь и вернулась к Лейстеру. Склонившись над капитаном, она осторожно подсунула тому под голову свою сложенную ветровку; на мгновение присела рядом с ним на корточки и легонько поцеловала в щеку. Потом поднялась на ноги и вернулась к Рэйфу, и приникла к нему, сотрясаясь в беззвучных рыданиях; он взял ее за руку и повел прочь от купола.

На высокогорье начал подниматься туман, и в воздухе повисла легкая ледяная морось. Низкорослые создания, покрытые светлым мехом,

словно очнувшись от долгого сна, растерянно поводили вокруг красными глазками и опрометью кидались под лесную сень, к своим плетеным из веток домикам в древесных кронах, Крупные травоядные, выделывавшие в долинах немыслимые курбеты, обиженно и голодно мычали, прекращали свои прыжки и принимались пастись, как и паслись всю жизнь, по лугам вдоль ручьев. А чужаки с Земли, чувствуя на лицах капли дождя, пробуждались каждый от своего длинного-длинного, путаного кошмара; и когда действие ветра сходило на нет, в большинстве случаев оказывалось, что кошмар неразрывно слился с явью.

Капитан Лейстер медленно пришел в себя; в компьютерном терминале было пусто и темно, а по куполу громко колотил дождь. Челюсть болезненно ныла; шатаясь, Лейстер поднялся на ноги и удрученно ощупал лицо, пытаясь хоть как-то упорядочить кошмарный завал, отложившийся в памяти за последние тридцать шесть часов или около того. С упорядочением было туго; он растерянно помотал головой и, поморщившись, сжал ладонями болезненно запульсировавшие виски. Щеки его покрывала щетина, мундир был измят и перепачкан.

В голове крутилась сумасшедшая карусель

фрагментарных картинок, произвольно перепутанные звенья одной длинной бредовой цепи. Стрельба, а потом какая-то драка; склоняющееся над ним милое личико в ореоле огненно-рыжих волос, а потом обнаженное девичье тело, радостно раскрывающееся ему навстречу — это-то, интересно, было на самом деле или тоже плод болезненной фантазии? Взрыв, от которого под ногами дрогнула земля… корабль? Где он был потом и что делал, не вспоминалось хоть тресни; стоило напрячься, и перед мысленным взором сплошной стеной вставал туман. Следующая четкая картинка — он возвращается к компьютеру и обнаруживает там Камиллу, одну-одинешеньку… *разумеется, она первым делом рванулась защищать компьютер, как наседка — своего единственного цыпленка…* Чем они занимались дальше, сохранилось в памяти гораздо хуже; кажется, они очень долго сидели рядом, он держал ее за руку, и между ними установился очень глубокий контакт, абсолютная, невероятно, до боли сильная связь, только не сексуальная, хотя нет, сексуальная, кажется, тоже… *или он все перепутал, и накладывается другая картинка, с той рыжеволосой девушкой, которую он даже по имени не знает…* она пела странные песни…

а потом снова взметнулся вал животного страха и неуемного желания защитить, потом ослепительная вспышка в голове, почти взрыв… черная тьма и забытье.

Кошмар медленно отступал, и возвращалась ясность мышления. Что произошло с кораблем, экипажем, колонистами за время всеобщего безумия? Об этом Лейстер не имел ни малейшего представления. Пора бы начать выяснять. Он вроде бы смутно припоминал, что кто-то у него на глазах был ранен — последнее, что он помнил перед тем, как окончательно отъехать. Или это тоже безумная фантазия? Он нажал кнопку «тревога», но никто из Службы Безопасности не явился. Тут до Лейстера дошло, что электричество отключено. Значит, в припадке безумия кто-то добрался до генератора. Ну, что еще у нас плохого? Давно пора пойти и выяснить. Кстати, а где Камилла?

(«Прости, querido[7], — шептала в это время Камилла Мак-Арану, — но я должна пойти посмотреть, что там с кораблем и с капитаном. Не забывай, я по-прежнему офицер Космофлота. Боюсь, нам пора расстаться — на какое-то время,

---

[7] Примечания: 7
дорогой, любимый *(исп.)*

по крайней мере. Ближайшие дни у всех у нас дел будет по горло. Честно, я должна сейчас идти к нему… да, конечно, я люблю и его тоже по-другому, не так, как тебя; но теперь, дорогой, я знаю о любви гораздо больше… а он мог пораниться».)

Она поспешила через вырубку под усиливающимися потоками дождя, перемешанного с хлопьями тяжелого мокрого снега. «Надеюсь, — подумала она, — когда-нибудь кто-то обнаружит здесь каких-нибудь пушных зверей; одной земной одеждой тут будет зимой не обойтись». Мысль промелькнула и скрылась, отступила на задний план; Камилла зашла под темный купол терминала.

— Где вы были, лейтенант? — послышался охрипший голос капитана. — У меня странное ощущение, будто я должен перед вами за что-то извиниться, но совершенно не помню, за что.

Камилла обвела взглядом купол, оценивая причиненный терминалу ущерб.

— Хватит этих глупостей, какая я вам «лейтенант»; вы уже звали меня Камиллой, еще до аварии.

— Камилла, где все? Я так понимаю, это то же самое, что было с вами в горах?

— Наверно, да. Подозреваю, мы теперь до скон-

чания века будем расхлебывать последствия… — Ее передернуло. — Капитан, мне страшно… — она осеклась, и кривовато усмехнулась. — Я даже не знаю, как вас зовут.

— Гарри, — рассеянно отозвался Лейстер, пристально разглядывая компьютер; и Камилла, испуганно вскрикнув, зажгла смоляную свечку и осветила контрольную панель.

Массивные железные пластины защищали главные банки данных от пыли, механических повреждений или случайного стирания. Камилла нашарила поблизости разводной ключ и в лихорадочной спешке принялась откручивать гайки.

— Давайте, я вам посвечу, — хрипло произнес капитан, которому передалась ее тревога.

Камилла вручила свечку Лейстеру, и работа пошла куда более споро.

— Капитан, кто-то снимал предохранительные панели, — сквозь зубы процедила она. — Мне это не нравится…

Массивная железная пластина наконец отошла — и с грохотом упала на пол; Камилла бессильно опустила руки, лицо ее побелело от ужаса.

— Вы понимаете, что случилось? — безжизненно проговорила она; слова выходили с трудом, словно застревая в горле. — Компьютер… По край-

ней мере, половина программ — если не больше — стерты. Подчистую. А без компьютера…

— Без компьютера, — медленно закончил за нее капитан Лейстер, — корабль — это уже не корабль, а несколько тысяч тонн металлолома. Все кончено, Камилла. Мы застряли тут на веки вечные.

10

Высоко над лесом в домике из плотно переплетенных прутьев ивняка слышался шум дождя, шуршащего по выложенной листьями крыше; Джуди, устроившись на чем-то наподобие кушетки, покрытой мягкой волокнистой тканью, внимала — и не только ушами — тому, что пытался объяснить ей прекрасный среброглазый инопланетянин.

«Безумие овладевает и нами тоже; мне крайне жаль, что пришлось столь бесцеремонно вмешаться в вашу жизнь. Когда-то — много эпох назад, но память об этом сохранилась — мы тоже, как и вы, путешествовали меж звезд. Может быть, давным-давно, у начала времен, все люди были одной крови, и вы тоже братья наши меньшие, как и древесные пушистые создания. Воистину похоже на то; ибо повеял ветер безумия и свел нас вместе, и теперь ты носишь моего ребенка. Не то чтоб я раскаивался…»

Невесомое соприкосновение рук, ничего больше — но никогда перед Джуди не раскрывалась такая бездна нежности, как сейчас в грустных

глазах инопланетянина.

«Теперь, милая малышка, когда безумие покинуло мою кровь, великая скорбь овладела мной. Никому у нас не позволили бы вынашивать ребенка в одиночестве; но ты должна вернуться к своему народу, не в наших силах позаботиться о тебе. Даже в разгар лета, дитя мое, тебе было бы слишком холодно в наших жилищах, а зимы ты просто не перенесла бы».

«Значит, я теперь больше тебя никогда не увижу?» — возопила Джуди — не голосом, не мысленно даже, а всем своим существом.

«Только когда веет ветер безумия, мне под силу докричаться до тебя, — хлынул ответ. — Хотя теперь твой мозг чуть более открыт для меня, чем раньше, обычно ваше сознание для нас — как неплотно притворенная дверь. Разумней всего было бы, если б ты сейчас ушла и больше не вспоминала об этом сумасшествии; но… — долгое молчание и затем тяжкий вздох… — но я не могу, просто не могу, даже подумать страшно, что ты уйдешь, и больше я тебя не увижу…»

Среброглазый инопланетянин протянул руку и коснулся голубого самоцвета на тонкой цепочке, свисающего с шеи Джуди.

«Мы пользуемся ими — иногда — при обуче-

нии детей. Взрослым они уже не нужны. Это был подарок в знак нашей любви; не самый мудрый поступок, сказали бы наши старейшины. Но если твое сознание достаточно открыто для того, чтобы научиться пользоваться камнем — тогда, может быть, у меня получится иногда достучаться до тебя и проведать, все ли в порядке с тобой и с малышом».

Джуди перевела взгляд на камешек, синий, как звездчатый сапфир, с мерцающими в глубине крохотными огоньками; потом печально подняла глаза. Инопланетянин был выше, чем простые смертные и очень изящно сложен; длинные чувствительные пальцы, очень светлая кожа, бледно-серые, едва ли не серебряные глаза, длинные, почти бесцветные волосы, свисающие до плеч невесомым шелковым покрывалом, и босые, несмотря на холод, ноги — все в нем было необычно и прекрасно, до предела, до боли. Бесконечно нежно и грустно он обнял Джуди и на мгновение прижал к себе; она ощутила, что это не обычный жест, а уступка ее отчаянию и одиночеству. Разумеется — зачем расе телепатов внешние проявления эмоций?

«А теперь ты должна уйти, бедняжка моя. Я провожу тебя до опушки, дальше тебе покажет до-

рогу маленький народец. Я боюсь ваших людей, милая, они такие… необузданные… и сознание их непроницаемо…»

Джуди поднялась, не сводя глаз с инопланетянина; и ее собственный страх расставания немного рассеялся, стоило ей ощутить чужую боль и горе.

— Понимаю… — вслух прошептала она, и осунувшееся лицо среброглазого неуловимо просветлело. — «Мы еще увидимся?»

«Столько всяких возможностей перед нами, дитя мое, и хороших, и плохих. Не знаю; боюсь что-то обещать».

Невесомым касанием он окутал ее в отороченный мехом плащ. Она кивнула, пытаясь сдержать слезы; только когда его высокая фигура скрылась за деревьями, она разрыдалась и позволила маленьким пушистым созданиям увлечь ее в путь по незнакомым тропам.

— Вы — подозреваемый номер один, — жестко произнес капитан Лейстер. — Вы никогда не скрывали, что не хотите улетать отсюда; теперь компьютер испорчен — можете считать, что своего вы добились.

— Нет, капитан, вы ошибаетесь. — Морэй, не мигая, смотрел прямо в глаза Лейстеру. — Я с

самого начала понимал, что мы застряли тут навсегда. Да, признаюсь, во время… как бы это обозвать, черт побери?.. массовый улет? Да, во время массового улета мне приходило в голову, что не работай компьютер, все было бы куда как проще; по крайней мере, вы перестали бы притворяться, будто в наших силах починить корабль…

— Я не притворялся, — ледяным тоном перебил его Лейстер.

— Как вам угодно… — пожал плечами Морэй. — Хорошо, значит, вы перестали б играть в свои игры и занялись бы наконец серьезным делом — нашим тут выживанием. Но я не портил компьютера. Что греха таить, такая мысль могла бы прийти мне в голову — но я же в компьютерах совершенно не разбираюсь; я даже не знаю, что там, собственно, надо портить. Допустим, я мог бы его просто взорвать — смутно припоминаю, что слышал какой-то взрыв — но дело в том, что когда я услышал взрыв, я лежал на грядке и… — он смущенно хохотнул, — имел плодотворную, как никогда и ни с кем, беседу с капустной рассадой — или еще с чем-то в том же роде.

— Никто не взрывал компьютера, — нахмурился Лейстер. — Да и, в общем-то, не портил. Просто

была стерта часть программ. Это под силу любому грамотному человеку.

— Любому грамотному человеку, понимающему в космических кораблях, — поправил его Морэй. — Капитан, ума не приложу, как бы мне убедить вас… но я ведь эколог, не техник. Я даже простейшей компьютерной программы не напишу. А если компьютер работоспособен, из-за чего весь сыр-бор? Нельзя, что ли, его перепрограммировать — или как там это называется? Что, эти пленки — или о чем там речь — такие незаменимые?

И это Лейстера убедило. Морэй действительно не понимал, о чем речь.

— К вашему сведению, — сухо произнес капитан, — в компьютере содержалась примерно половина всех накопленных человечеством знаний по физике и астрономии. Даже будь под моим началом человек пятьдесят действительных членов Эдинбургского Королевского Астрономического общества, только на восстановление астрогационных программ им потребовалось бы лет тридцать. И это, кстати, еще не говоря о медицинских программах — что с ними, мы пока не успели проверить — или о Большом Корабельном информатории. В общем, это акт вандализма

почище поджога Александрийской библиотеки.

— Что ж, могу только повторить, что я тут ни при чем — и понятия не имею, кто бы мог это сделать, — сказал Морэй. — Поищите лучше среди своих людей; наверняка это должен был быть кто-то с техническим образованием… — он издал сухой, невеселый смешок, — и чрезвычайно устойчивой психикой. Кстати, Медслужба еще не выяснила, что это было?

— Лучшее предположение, какое мне пока доводилось слышать, — пожал плечами капитан, — это что ветер принес с пылью какой-то мощнейший галлюциноген. До сих пор не удалось выяснить, какой именно — и, боюсь, не удастся, пока все более или менее не утрясется в госпитале.

Морэй покачал головой. Убедить капитана, что он ни при чем, ему удалось — но, честно говоря, он и сам был не больно-то рад тому, что компьютер вышел из строя. До тех пор, пока все усилия Лейстера направлялись на ремонт корабля, он не очень мешал Морэю в организации жизнеспособной колонии. А теперь, оставшись без корабля, мог начать путаться под ногами. Только сейчас Морэй понял бородатую шутку насчет Космофлота: «Капитана не отправить в отставку — проще

пристрелить».

По спине пробежал холодок, и Морэй неуютно поежился. По натуре он был довольно спокойным человеком — но за последние тридцать шесть часов открыл в себе много неожиданного… и даже неприятного, если не сказать опасного. «Не исключено, что в следующий раз кто-нибудь вспомнит эту старую шутку и примет ее за руководство к действию… Откуда я взял, что будет следующий раз? И, может, не кто-нибудь, а я сам — за что теперь можно ручаться?»

— О потерях уже докладывали? — поспешно спросил он, гоня подальше такие мысли.

— Погибших девятнадцать человек — от медслужбы подробного рапорта еще не было, но, по меньшей мере, четверо больных умерли по недосмотру, — отрывисто сообщил Лейстер. — Два самоубийства. Одна девушка порезалась битым стеклом и умерла от потери крови — но это, скорее, не самоубийство, а несчастный случай. И… про отца Валентина вы, наверно, уже слышали.

Морэй устало прикрыл глаза.

— Слышал. Но без подробностей.

— А подробностей никто и не знает, — произнес Лейстер. — По крайней мере, никто из живых. Да и сам отец Валентин толком ничего не помнит

— и не вспомнит, если Ди Астуриен не решит вколоть ему чего-нибудь сильнодействующего. Я слышал только, что вроде бы наш капеллан прибился к группе электриков, занимавшимися всякими безобразиями у ручья… э-э, сексуальными безобразиями. Словом, форменные Содом и Гоморра. Когда первая волна безумия пошла на убыль, он осознал, что произошло, вынести этого, судя по всему, не смог и принялся резать глотки.

— Значит, насколько я понимаю, одно из самоубийств — это отец Валентин?

— Нет, — покачал головой Лейстер. — Судя по всему, когда он окончательно пришел в себя, то уже в самый раз, чтобы осознать, что самоубийство — тоже смертный грех. Смех, да и только; похоже, я уже начинаю осваиваться с прелестями вашей милой планетки — только о том и думаю, насколько проще все было бы, не остановись отец Валентин на полпути. Теперь придется судить его за убийство; да еще решать — или устраивать референдум — вводить ли тут смертную казнь.

— Напрасный труд, — слабо улыбнулся Морэй. — Какой, интересно, вердикт сможет вынести суд, кроме временного умопомешательства?

— Боже мой, конечно, — выдохнул Лейстер и устало потер лоб.

— Капитан, я совершенно серьезно. Не исключено, что это случится еще, и не один раз. Я предложил бы — по крайней мере, пока мы точно не узнаем причины — чтобы вы немедленно разоружили Службу Безопасности; помните, все началось с того, что один из ваших офицеров открыл пальбу и ранил сначала девушку из новогебридцев, а потом кого-то… э-э, из коллег. Еще я предложил бы после первой же сухой ночи запирать под замок все оружие, кухонные ножи, хирургические инструменты и прочее в том же роде. Разумеется, это не абсолютная мера — нельзя же запереть все здешние булыжники или дубье… а, судя по вашему виду, кто-то напрочь забыл о субординации и… обошелся без подручных средств.

— Кому рассказать — не поверят, — произнес Лейстер, потирая подбородок. — В моем-то возрасте — и драка из-за девушки!

Морэй понимающе ухмыльнулся; впервые за все время между ним и капитаном на короткое мгновение возникло самое настоящее взаиморасположение. Впрочем, не более чем на мгновение.

— Я подумаю о вашем предложении, — пообещал Лейстер. — Боюсь, это будет непросто.

— Капитан, а что вообще здесь просто? — угрюмо проговорил Морэй. — Но у меня такое ощущение, что если мы немедленно не начнем серьезнейшую кампанию по насаждению этики ненасилия — такой, чтобы работала на подсознательном уровне, даже при массовом улете — никто из нас не доживет до осени.

11

«Слава Богу, — подумал Мак-Аран, — садоводство не пострадало. Может быть, какой-то глубинный инстинкт подсказал обезумевшим колонистам, что это их единственный шанс на выживание». Ремонт госпиталя шел полным ходом, а на скорую руку сформированные рабочие бригады принялись разбирать корабль на лом — Морэй недвусмысленно объяснил, что на многие годы вперед это будет их единственным источником металла для сельскохозяйственных и прочих инструментов. Постепенно от корабля оставался голый остов; мебель переселялась из кубриков и рекреаций в жилые постройки и досуговый центр, а целые бригады учетчиков занимались инвентаризацией инструментов из корабельных мастерских, кухни и даже с мостика. Камилла, насколько знал Мак-Аран, была занята тем, что срочно тестировала компьютер, выясняя, какие программы сохранились. Вплоть до шариковых ручек и женСкой косметики, все подлежало учету и строжайшему рационированию. Морэй ясно дал понять: когда привезенные с

Земли запасы всяких бытовых мелочей подойдут к концу, пополнить их будет негде и придется выдумывать заменители на основе того, что может предложить местная природа; работа над тем, чтобы переход был возможно более плавным, уже велась.

Вырубка, на взгляд Мак-Арана, являла собой престранное зрелище; небольшие купола из пластика и синтетического волокна, едва выдержавшие напор бурана, усиливались каркасами из местной древесины; надзор и уход за нагромождениями сложной техники осуществлялся бригадой корабельных механиков — в форме и под началом главного, инженера Патрика; а новогебридцы — те сами вызвались (насколько понимал Мак-Аран) работать в садоводстве и в лесу.

В руках у Рафаэля были два клочка бумаги — старая земная привычка рассылать меморандумы в письменном виде сохранялась до сих пор; вряд ли она продержится долго — запасы бумаги не бесконечны. Интересно, что придумают на замену? Систему колокольных сигналов, свою для каждого — как делалось на Земле в некоторых больших универмагах, когда требовалось привлечь внимание какого-то конкретного че-

ловека? Или придумают, как делать бумагу из местного сырья, и многовековой привычке не суждено отмереть? Один из клочков бумаги требовал от Мак-Арана зайти в госпиталь для, как это было сформулировано, «профилактического осмотра»; другой — к Морэю для «профессионального освидетельствования».

В основном, известие о том, что компьютер вышел из строя, и вопрос о ремонте корабля больше не стоит, было встречено достаточно спокойно. Один-два человека из экипажа пробормотали себе под нос, что того, кто это сделал, следует линчевать; но в данный момент не представлялось ни малейшей возможности выяснить, кто почистил банки данных астрогационного компьютера или заложил самодельную бомбу в машинное отделение. Что касается бомбы, то подозрение пало на одного из корабельных энергетиков, который незадолго до массового улета подал заявление о приеме в коммуну Новые Гебриды, и чье изувеченное тело было найдено неподалеку от места взрыва; копать глубже ни у кого желания не было.

Затишье, подозревал Мак-Аран, было не более чем временным, раньше или позже новые бури обязательно разразятся; но в данный момент

все поневоле вынуждены были сплотиться, дабы устранить ущерб, причиненный массовым улетом, и подготовиться к неведомым тяготам надвигающейся зимы. Мак-Аран и в собственных-то чувствах не больно был уверен — но, по крайней мере, он с самого начала был морально готов к колониальной жизни; в глубине души ему даже казалось, что колонизация дикой планеты — занятие куда увлекательнее освоения мира, по которому уже основательно прошлась нивелирующая гребенка Экспедиционного Корпуса. Но к чему Мак-Аран никак не был морально готов — так это к тому, что они окажутся отрезанными от земной цивилизации: ни тебе регулярного межзвездного сообщения, ни связи с остальной Галактикой — на многие-многие поколения, если не навсегда. Вот с этим свыкнуться было тяжело; может, даже невозможно.

На двери кабинета Мак-Арана встретила табличка! «Входить без стука». Отворив дверь, он обнаружил, что у Морэя уже есть посетитель — молодая девушка, судя по одежде, из новогебридцев.

— Да, да, конечно, милая моя, понимаю, вы хотели бы работать в садоводстве — но в вашем личном деле говорится, что вы специалист по

керамике, а это для нас очень важно. Вам никогда не приходило в голову, что самое первое ремесло почти у всех цивилизаций было гончарное? Да и в любом случае… насколько я помню из доклада Медслужбы, вы ждете ребенка.

— Да, как раз вчера у меня была церемония Возвещения. Но у нас принято, чтобы женщины работали до самых родов.

По лицу Морэя промелькнула слабая улыбка.

— Я рад, — проговорил он, — что у вас такой боевой настрой. Но в колониях женщинам не разрешается заниматься физическим трудом.

— Статья четвертая…

— Статья четвертая, — перебил Морэй, и лицо его посуровело, — придумана для Земли и для земных условий. Аланна, пора бы уже и запомнить, что мы на планете с другой силой тяжести, другим спектральным классом солнца и другим содержанием кислорода в атмосфере. Нам еще повезло: кислорода здесь чуть больше, сила тяжести чуть слабее… Но даже на самых райских планетах всегда устанавливается какой-то переходный период, и статистика тут не в нашу пользу, особенно с таким мизерным населением. Так вот, первые пять — десять лет половина женщин стерильны; у остальных же в половине

случаев дело кончается выкидышем. А из родившихся детей половина умирает, не прожив и месяца — в течение тех же пяти — десяти лет. Аланна, в колониях женщин следует беречь как зеницу ока. Пожалуйста, будьте благоразумны — а то, не дай Бог, придется вас госпитализировать и колоть успокоительное. Если вы хотите иметь живого здорового ребенка — пожалуйста, будьте благоразумны.

В конце концов Аланна удалилась — ошарашенная услышанным, сжимая в кулачке направление на амбулаторное обследование в госпитале; Мак-Аран занял ее место перед заваленным бумагами столом.

— Ну что, слышали? — поморщился Морэй. — Как вам понравилась бы такая работка — нагонять страх на юных девиц, ждущих ребенка?

— Не слишком, — отозвался Рафаэль.

Раз начав, он никак не мог прекратить думать о Камилле, тоже беременной. Значит, по крайней мере, она не стерильна. Но один шанс из двух, что у нее случится выкидыш — и потом вероятность не более пятидесяти процентов, что ребенок выживет… Безжалостная вещь — статистика; по спине у Мак-Арана пробежал холодок. А с Камиллой Морэй уже беседовал? Что она сказала?

Согласилась ли… как это он сказал… быть благоразумной? Половину последней десятидневки Рафаэль ее практически не видел; она безвылазно пропадала с капитаном в компьютерном терминале.

— Спуститесь на землю, — прервал его раздумья Морэй. — Вам, можно сказать, повезло, Мак-Аран, — вас ждет работа по специальности.

— Как это?

— Вы геолог — и в качестве геолога вы нам и нужны. Вы же слышали, что я говорил Аланне: первое ремесло, которое нам надо развивать и как можно быстрее — горшечное. А для этого нам нужен каолин — или какой-нибудь его заменитель. Нам нужен надежный строительный материал — вроде цемента или бетона; нам нужен известняк или какой-нибудь другой похожий на него мягкий камень; нам нужны силикаты, чтобы делать стекло, не говоря уже о всевозможных рудах… Короче, нам нужен подробный геологический обзор этой части планеты — и до наступления зимы. Не буду врать — обзор этот не на самом первом месте в нынешнем списке приоритетов; но на втором или третьем точно. У вас получится в ближайшие день-два набросать план полномасштабной геологической экспедиции — и чтоб я

хоть примерно представлял, сколько людей вам понадобится?

— Конечно, конечно… только мне казалось, вы говорили, что у нас не будет возможности поддерживать технологическую цивилизацию…

— Не будет, — кивнул Морэй, — по крайней мере, в том смысле, как понимает это инженер Патрик. Без тяжелой промышленности, без механизированных средств передвижения… но такой вещи, как нетехнологическая цивилизация, не существует в природе. Даже у пещерных людей была своя технология — они обрабатывали кремень… впрочем, вы наверняка видели реконструкции первобытных «цехов» в музее антропологии. Я никогда и не замышлял отката к варварству. Вопрос только в том, какие технологии мы сможем себе позволить — особенно, первые три-четыре, поколения.

— Вы планируете настолько далеко?

— Приходится.

— Вы сказали, что мое направление — не самое приоритетное… А какое самое?

— Пропитание, — со всей приземленностью реалиста отозвался Морэй. — Опять же, нам еще повезло. Почва тут плодородна — правда, еле-еле, так что придется все время накачивать

ее удобрениями и компостом — и возможности для развития сельского хозяйства есть. А то мне приходилось видеть планеты, где добыча пропитания — столь тяжкое дело, что даже развитие простейших ремесел пришлось бы отложить на два-три поколения. Колонизации такие планеты не подлежат — но нам, можно сказать, еще сравнительно повезло. А тут могут оказаться даже пригодные для одомашнивания животные; этим сейчас занимается Мак-Леод. Следующее по приоритетности направление — жилье… Кстати, когда будете делать обзор, посмотрите заодно в нижних предгорьях, нет ли там каких-нибудь пещер поуютней. Не исключено, что в пещере будет теплее, чем в любом из наших жилищ — зимой, по крайней мере. Ну а после пропитания и жилья можно позаботиться о простейших жизненных удобствах — одежда, керамика, освещение, музыка, садовый инвентарь, мебель… В общем, понятно. Давайте, Мак-Аран, составьте план экспедиции, и я дам вам столько людей, сколько потребуется. — Он опять хмуро усмехнулся. — Как я уже говорил, вам еще повезло. Сегодня утром мне пришлось объявить специалисту по дальней космической связи, что работы по специальности ему не светит поколений, по

меньшей мере, десять, и предложить на выбор стать фермером, плотником или кузнецом!

Когда Мак-Аран выходил от Морэя, мысли его непроизвольно вернулись к Камилле. Ей что, тоже предстоит похожий выбор? Да нет, ни в коем случае: как может цивилизованное общество обойтись без компьютерной библиотеки! Не факт, правда, что Морэй с его безжалостным списком приоритетов думает точно так же.

Полуденное солнце висело высоко в небе, красное, как воспаленный и налитый кровью глаз; на земле лежали бледно-лиловые тени. Направляясь к госпиталю, Мак-Аран обратил внимание на маленькую фигурку, складывающую вдали из камней невысокую изгородь; это отец Валентин в одиночестве совершал свое покаяние. В принципе, Мак-Аран соглашался с теорией, что колония не может позволить себе разбрасываться рабочими-руками; и что пускай лучше в расплату за свое преступление отец Валентин займется общественно-полезным трудом, чем «будет повешен за шею на веревке вплоть до последующего удушения»; и в памяти Мак-Арана до сих пор свежо было воспоминание о том, как он чуть не убил капитана Лейстера в безумном припадке ревности — так что искренне ужасаться преступ-

лению священника он никак не мог. Решение капитана сделало бы честь царю Соломону; отцу Валентину было приказано похоронить мертвых — и тех, кто пал от его руки, и остальных жертв массового улета — установить надгробные плиты и обнести кладбище изгородью от диких зверей или возможного вандализма и осквернения; а также соорудить памятник над братской могилой погибших при аварии. Мак-Аран, честно говоря, с трудом понимал, зачем им сейчас нужно кладбище — разве лишь напоминать, что смерть и жизнь, безумие и рассудок соседствуют бок о бок. Плюс таким образом можно было держать отца Валентина подальше от остальных колонистов — не осознающих, как близки они были к тому, чтобы повторить его преступление — по крайней мере, какое-то время, пока страсти успеют несколько улечься; а тяжелый труд хоть чуть-чуть утолит мучающую несчастного отца Валентина нестерпимую жажду покаяния.

Почему-то при виде этой одинокой согбенной фигуры Мак-Арану расхотелось проходить «профилактический осмотр»; подождет до другого раза. Он направился в сторону леса, вдоль длинных зеленеющих грядок садоводства, где трудились новогебридцы. Аластэр, опустившись

на колени, пересаживал крошечные ростки из глубокого, наполненного компостом таза в землю. Мак-Аран помахал ему рукой, и тот ответил улыбкой. «Они-то ничуть не жалеют о случившемся, — подумал Мак-Аран, — этот мир словно специально создан для них». Аластэр что-то сказал парню, державшему таз с ростками; потом поднялся и вприпрыжку направился к Мак-Арану.

— *Патрон* … Ну, Морэй… говорит, вы скоро отправляетесь в геологическую экспедицию. Насколько вероятно найти какие-нибудь подходящие силикаты, чтобы изготовить стекло?

— Понятия не имею. А в чем дело?

— В здешнем климате будет не обойтись без оранжерей, — ответил Аластэр. — Парниковый эффект, плюс защита от снежных бурь. Пока что мы пытаемся обойтись пластиковыми панелями, отражателями из фольги и ультрафиолетом, но долго так не продержаться. И посмотрите заодно, если сможете, как тут с естественными удобрениями и нитратами. А то почва не больно-то плодородная…

— Постараюсь, — пообещал Мак-Аран. — А на Земле вы тоже занимались сельским хозяйством?

— Упаси Господи! — состроил гримасу Ластэр. — На Земле я был автомехаником. А капитан еще хотел подключить меня к энергетикам. Теперь я готов ночи напролет молиться за неизвестного благодетеля, который взорвал корабль.

— Хорошо, я попробую найти какие-нибудь силикаты, — пообещал Мак-Аран, пытаясь вспомнить, на каком месте в морэевском списке приоритетов стояло производство стекла. И музыкальных инструментов. Вроде бы, на довольно высоком. Дикарские племена и то не обходились без музыки; что уж говорить о новогебридцах, у которых пение в крови. «Если зима будет действительно такая жуткая, как представляется сейчас, — не исключено, только музыка и поможет нам не сойти с ума; могу поспорить, Морэй — до чего же скрытный тип! — об этом уже подумал».

Словно в ответ на эти мысли, одна из трудящихся на грядках девушек негромко затянула печальную песню. Голос ее, низкий и хрипловатый, чем-то напоминал голос Камиллы; а слова старой гебридской песни отдались в голове у Мак-Арана грустным монотонным звоном:

О Каристьона,

ответь на мой зов!

Не дает ответа.

Горе мне…

О Каристьона…

«Камилла, почему ты избегаешь меня, почему не отвечаешь мне? Ответь на мой зов!.. Горе мне…»

Злые кошки на сердце скребутся,

а из глаз слезы горькие льются.

О Каристьона… ответь на мой зов!

«Камилла, я понимаю, тебе нелегко, но почему, почему ты избегаешь меня?»

Зажав в кулаке направление на осмотр, Камилла медленно и неохотно вошла в госпиталь. Приятно, конечно, было хоть ненадолго отвлечься от изрядно опостылевшего за последние несколько дней компьютера — но, увидев вместо главврача Ди Астуриена («Тот хотя бы говорит по-испански!») Юэна Росса, она раздраженно нахмурилась.

— А где главврач? У вас нет допуска на обследование экипажа!

— Старик сейчас оперирует того беднягу, которому прострелили колено во время Призрачного

Ветра; да и в любом случае, всякая текучка висит на мне. В чем дело, Камилла? — на молодом лице его расплылась обворожительная улыбка. — Чем я не подхожу? Честное слово, у меня великолепная характеристика. К тому же я думал, мы друзья — по крайней мере, собратья по несчастью, первые жертвы Ветра. Ты что, покушаешься на мой авторитет?

— Юэн, негодник, — невольно улыбнулась Камилла, — ты просто невозможен! Да, пожалуй, это именно текучка. Пару месяцев назад главврач объявил, что наши контрацептивы больше не действуют — и, похоже, мне как раз не повезло. Я хотела бы поскорее сделать аборт.

Юэн негромко присвистнул.

— Прошу прощения, Камилла, — мягко произнес он. — Ничего не получится.

— Но я же беременна!

— Значит, поздравляю — или что там еще полагается говорить в таком случае. Может быть, ты даже войдешь в историю как первая здешняя мать — если, конечно, тебя не опередит кто-нибудь из коммуны.

Камилла недоуменно нахмурилась.

— Полагаю, мне все же придется обратиться к доктору Ди Астуриену, — деревянным голосом

произнесла она. — Вы, судя по всему, не знакомы с правилами Космофлота.

Юэн с жалостью посмотрел на нее; с правилами Космофлота он был знаком, и даже слишком хорошо.

— Ди Астуриен ответил бы точно так же, — мягко сказал он. — Ты ведь наверняка слышала, что в колониях аборты делают только в самых крайних случаях — если точно известно, что ребенок будет страдать тяжелыми наследственными заболеваниями, или если роды угрожают жизни матери; честно говоря, я не уверен даже, что прогнозирование наследственности нам здесь под силу. Высокая рождаемость абсолютно необходима — по меньшей мере, первые три поколения; наверняка же ты знаешь, что Экспедиционный Корпус и заявлений не принимает от женщин, если те переросли репродуктивный возраст или отказываются подписать обязательство иметь детей.

— Но мой случай особый! — вспыхнула Камилла. — Я-то ни в какой Экспедиционный Корпус заявлений не подавала, я офицер Космофлота! К тому же ты и сам прекрасно знаешь, что для женщин с учеными степенями делается исключение — иначе ноги бы моей не было в колониях;

мне слишком дорога моя карьера! Юэн, я этого так не оставлю! Черт возьми, не могут же меня заставить иметь ребенка! Что за бред!

Юэн печально улыбнулся.

— Камилла, сядь и успокойся, — произнес он. — Во-первых, милая, тот факт, что у тебя ученая степень, делает тебя для нас вдвойне ценной. Твои гены гораздо нужнее нам, чем твои инженерные таланты; таланты такого рода пригодятся тут поколений через пять-шесть, в лучшем случае. Но без твоих генов, без твоих выдающихся математических способностей генофонд наш значительно обеднеет, а этого допустить никак нельзя.

— Ты хочешь сказать, что меня заставят рожать? Я что вам, доисторическая женщина, ходячее чрево с какой-нибудь дикарской планеты? — Лицо ее побелело от ярости. — Немыслимо! Да все женщины из экипажа тут же объявят забастовку, стоит им услышать это!

— Сомневаюсь, — пожал плечами Юэн. — Во-первых, ты поставила закон с ног на голову. Экспедиционный Корпус даже не рассматривает заявлений от женщин, если у них плохая наследственность, если они вышли из репродуктивного возраста или не желают подписывать

обязательства иметь детей — и только в порядке исключения принимаются женщины старше репродуктивного возраста: если имеют ученую степень. В любом же другом случае шансы отправиться в колонии становятся практически нулевыми — ты вообще в курсе, сколько обычно приходится ждать? Я прождал четыре года; родители Хедер внесли ее в списки, когда ей было, десять — а сейчас ей двадцать три. А после того как приняли новые демографические законы, некоторым женщинам приходится ждать по двенадцать лет, только чтобы завести второго ребенка. Двенадцать!

— Делать им больше нечего, что ли! — в голосе Камиллы звучало отвращение. — Один ребенок — уже более чем достаточно; если, конечно, у женщины есть что-то в голове, кроме застарелых комплексов и неврозов!

— Камилла, — Юэн старался говорить как можно мягче, — всему этому есть чисто биологическое объяснение. Еще в двадцатом веке экспериментировали на крысах — да и опыт гетто кое-чему научил; короче, выяснилось, что первейшая реакция на критическое перенаселение — атрофия материнского инстинкта. Это патология в чистом виде. Человек — рассудочное

животное; поэтому социологи выдумали всякую там эмансипацию и прочее — но на самом-то деле все сводится к обычной патологической реакции на перенаселение. Если нельзя было позволить женщинам иметь детей, приходилось изыскивать им какое-нибудь другое занятие — ради их собственного душевного здоровья. Но это проходит. Отправляясь в колонии, женщины подписывают обязательство иметь не меньше двух детей — но большинство из них, стоит вырваться с Земли, снова обретают умственный и эмоциональный баланс, и в средней колониальной семье обычно четыре ребенка — что, в общем-то, близко к норме, с точки зрения психологии. К тому времени, когда тебе придет черед рожать, нормальный гормональный баланс, будем надеяться, восстановится, и из тебя выйдет превосходная мать, Если же не восстановится — что ж, ребенок все равно унаследует твои гены; а приемную мать можно будет всегда найти среди тех женщин, которые пока стерильны. Поверь мне, Камилла…

— Хочешь сказать, что я должна родить этого ребенка?

— Именно должна, — ответил Юэн, и голос его неожиданно посуровел, — и не ты одна; если,

конечно, у вас получится нормально доносить. Пятьдесят процентов — вероятность, что у тебя случится выкидыш. — Глядя Камилле в глаза, он ровным, без выражения, голосом сообщил ей те же цифры, что Мак-Аран слышал утром от Морэя. — Если нам повезет, Камилла, то получается, что сейчас нестерильных женщин пятьдесят девять. Если даже все они забеременеют в этом году, то в лучшем случае выживут двенадцать детей… а если мы не хотим, чтобы наша колония вымерла, то должны увеличить свою численность человек хотя бы до четырехсот, прежде чем самые старшие женщины выйдут из репродуктивного возраста. Очень долго мы будем балансировать на грани — и у меня такое ощущение, что если женщина откажется иметь столько детей, сколько она способна физически, ее просто не поймут: она будет даже не Врагом Общества Номер Один, а…

В голосе Юэна сквозила суровость; но, благодаря обостренной чувствительности, какой наделил его еще первый Ветер, он словно бы собственными глазами увидел чудовищные картины, разворачивающиеся перед мысленным взором Камиллы:

«Не личность, а просто вещь, ходячее чрево,

инструмент для продолжения рода, безгласный, безмозглый… просто племенная кобыла…»

— Камилла, не так все мрачно, честное слово, — сочувственно проговорил он. — Твои таланты зря не пропадут. Но ничего тут уже не изменишь. Я понимаю, тебе, наверно, тяжелее, чем другим — но все тут в одинаковом положении. От этого зависит наше выживание. — Он отвел глаза, такая нестерпимая мука была в ее взгляде.

— Может быть, — произнесла она, горько скривив губы, — в таком случае лучше было бы и не выживать.

— Думаю, этот разговор стоит отложить на другой раз, когда ты будешь лучше себя чувствовать, — тихо сказал Юэн. — Я выпишу тебе направление на предродовое обследование у Маргарет…

— *…никогда!*

Юэн вскочил с места. Сделав за спиной Камиллы знак медсестре, он крепко схватил девушку за локти так, что та не могла пошевелиться. В предплечье Камиллы вонзилась игла; девушка метнула на Юэна сердитый, подозрительный взгляд, но глаза ее уже начали затуманиваться.

— Что…

— Безвредное успокоительное. Запасы уже

подходят к концу, но пока можно позволить себе такую роскошь, — спокойно пояснил Юэн. — Камилла, а кто отец? Мак-Аран?

— Не твое дело! — огрызнулась она.

— Согласен — но я же не любопытства ради; это нужно для генетического архива. Капитан Лейстер?

— Мак-Аран, — сердито, но без прежнего пыла произнесла Камилла; и внезапно острой, грызущей болью резануло воспоминание: *как они были счастливы, пока дул Ветер…*

Юэн с глубоким сожалением посмотрел на забывшуюся тяжелым сном девушку.

— Свяжитесь с Рафаэлем Мак-Араном, — распорядился он. — Пусть будет рядом, когда она придет в себя. Может, у него получится вправить ей мозги.

— Как можно быть такой эгоисткой! — с ужасом в голосе произнесла медсестра.

— Она воспитывалась на орбитальной станции, — объяснил Юэн, — и в колонии Альфы. В пятнадцать она поступила на службу в Космофлот, и всю жизнь ей втолковывали, что деторождение — не для нее. Ничего, научится. Это только вопрос времени.

Боюсь, подумал он, большинство женщин из

экипажа думают точно также; а стерильность может быть вызвана факторами далеко не только физиологическими, но и психологическими. И сколько может понадобиться времени, чтобы преодолеть давно и прочно вбитые страх и отвращение…

Да и возможно ли это — поднять численность колонии выше порога выживания на столь суровой и негостеприимной планете?

12

Сидя подле спящей Камиллы, Мак-Аран прокручивал в памяти недавний разговор с Юэном Россом. Объяснив все насчет Камиллы, врач задал один-единственный вопрос.

— Не помнишь, Рэйф, занимался ты еще с кем-нибудь сексом во время Ветра? Поверь, это не просто досужее любопытство. Некоторые вообще не могут вспомнить или называют добрых полдюжины имен. Собрав до кучи кто что точно помнит, можно будет начать действовать методом исключения; я имею в виду составление генетического архива. Например, если какая-нибудь женщина говорит, что отец ее будущего ребенка — кто-то из трех данных мужчин, достаточно взять у всех троих кровь на анализ, чтобы хоть примерно установить, кто на самом деле отец.

— Только с Камиллой, — чуть помедлив, отозвался Мак-Аран.

— Удивительное постоянство, — улыбнулся Юэн. — Надеюсь, ты сумеешь хоть немного вправить ей мозги.

— Честно говоря, с трудом представляю себе

Камиллу в роли матери, — медленно проговорил Мак-Аран, чувствуя себя предателем.

— Какая разница? — пожал плечами Юэн. — У нас будет предостаточно женщин, желающих, но не способных иметь детей: кто не доносит до срока, у кого родятся мертвые. Если ей так уж неохота возиться с воспитанием, в чем, в чем, а в приемных матерях у нас недостатка не будет!

И вот Мак-Аран не сводил взгляда со спящей на кушетке Камиллы, а в душе у него закипало негодование. Любовь между ними, даже в лучшие моменты, возникала из антипатии, колебалась между враждебностью и безудержной страстью; и вот сейчас гнева было не сдержать. «Испорченная девчонка, — проносилось в голове у Мак-Арана, — всю жизнь все ей потакали — и вот стоило появиться хоть малейшему намеку на то, что нужно поступиться собственным удобством ради каких-то других соображений, она тут же поднимает шум! Черт бы ее побрал!»

Можно было подумать, ожесточенность его мыслей передалась Камилле, беспокойно дремлющей в ослабевающих тенетах навеянного уколом сна: голубые глаза ее, окаймленные длинными черными ресницами, широко раскрылись, и непонимающий взор, пройдясь по полупро-

зрачному пластику стен госпитального тента, остановился на Мак-Аране.

— Рэйф?

На мгновение по лицу ее скользнула тень боли. «По крайней мере, — подумал Рафаэль, — она больше не зовет меня Мак-Араном».

— Мне очень жаль, что ты не слишком хорошо себя чувствуешь, любовь моя, — как можно мягче произнес он. — Меня попросили немного посидеть с тобой.

Нахлынули воспоминания, и лицо Камиллы заледенело; Мак-Арану показалось, что боль ее передалась ему со всей остротой и пронзительностью, и былое негодование как рукой сняло.

— Камилла, честное слово, мне очень жаль. Я понимаю, ты этого не хотела. Если уж тебе надо кого-нибудь ненавидеть, ненавидь лучше меня. Это моя вина; понимаю, я действовал совершенно безответственно…

Его нежность, его готовность принять на себя всю вину обезоружили ее.

— Нет, Рэйф, — с болью в голосе проговорила она, — так нечестно. Когда все случилось, мне хотелось этого ничуть не меньше, чем тебе, поэтому не надо терзаться. Беда в том, что все мы давно разучились ассоциировать секс и беременность,

мы для этого теперь слишком цивилизованны. К тому же никто из нас не мог знать, что стандартные контрацептивы не работают.

Мак-Аран нагнулся к кушетке и взял Камиллу за руку.

— Ладно, значит, мы виноваты оба. Но неужели ты не можешь попробовать вспомнить то время? Как нам было хорошо?

— Тогда я была не в себе. И ты тоже.

В голосе ее было столько горечи, что Мак-Аран дернулся, как от боли. Камилла попыталась высвободить руку, но он удержал в ладони ее тонкие пальцы.

— Камилла, сейчас я вполне в здравом уме — по крайней мере, так мне кажется — и я по-прежнему тебя люблю. Мне не хватает слов, чтобы выразить, как сильно.

— А мне казалось, ты должен меня ненавидеть.

— Ну как я могу тебя ненавидеть? Конечно, меня беспокоит, что ты не хочешь этого ребенка, — добавил он, — и будь мы на Земле, может, я и согласился бы, что у тебя есть право выбора… сохранять ребенка или нет. Конечно, это меня тоже беспокоило бы… и я, разумеется, не собираюсь сокрушаться насчет того, что нашему ребенку

предоставляется шанс выжить.

— Значит, — вскинулась Камилла, — ты рад, что меня хотят заставить рожать?

— Ну как могу я быть рад чему бы то ни было, что делает тебя такой несчастной! — в отчаянии воздел руки Мак-Аран. — Ты думаешь, мне приятно видеть тебя в таком состоянии? Это меня просто убивает! Но ты беременна, и тебе плохо, и если тебе делается хоть немного лучше, когда ты даешь волю языку… Камилла, я люблю тебя, и что мне остается, кроме как все выслушивать и пытаться изредка вставить что-нибудь обнадеживающее? Если бы только ты не была так несчастна — а я так беспомощен!

Его беспокойство и смятение передались Камилле в полную мощь — и она, привыкшая ассоциировать этот эффект исключительно со временем Ветра, была поражена настолько, что былое негодование и жалость к себе как рукой сняло. Она медленно приподнялась на кушетке и взяла Рафаэля за руку.

— Рэйф, ты ни в чем не виноват, — тихо произнесла она, — и если мое поведение так тебя беспокоит, я… попробую исправиться. Не в моих силах притворяться, будто я хочу ребенка… но если иначе никак — а иначе, похоже, никак — я

рада, что он твой, а не чей-то другой… Полагаю, — добавила она, слабо улыбнувшись, — при том, как все было, это мог быть кто угодно… но я рада, что это был ты.

Рэйф Мак-Аран обнаружил, что потерял дар речи — а потом понял, что тот ему, в общем-то, и не нужен. Он нагнулся и поцеловал Камилле руку.

— Я сделаю все, что смогу, лишь бы тебе было полегче, — пообещал он. — Боюсь только, в моих силах очень немногое.

Последними на профессиональное освидетельствование к Представителю Колонии явились главный инженер Лоуренс Патрик и капитан Лейстер.

— Знаете, Морэй, — сказал Патрик, — до того, как заняться фотонным приводом, я работал в фирме, проектирующей, малые вездеходы. Железа, уже снятого с корабля, хватит на несколько таких машин — и на каждую можно поставить маленький реактор-конвертер. Наверняка это очень помогло бы при поиске полезных ископаемых, и я готов организовать сборку. Когда можно будет приступить?

— Простите, Патрик, — произнес Морэй, — но в лучшем случае через несколько поколений.

— Не понимаю. Разве это не помогло бы при

поиске и добыче полезных ископаемых? Или вы задались целью создать уклад настолько дикарский и варварский, насколько возможно? — сердито выпалил инженер. — Не хватало еще, чтобы в Экспедиционном Корпусе оказалось сплошное засилье антитехнократов и неоуралистов!

— Никакого засилья, — невозмутимо покачал головой Морэй. — К вашему сведению, свою первую колонию я организовывал с широким использованием электричества и вообще по последнему слову техники, и до сих пор очень ею горжусь; честно говоря, я намереваюсь — точнее, ввиду нашей с вами общей беды, правильней было бы сказать намеревался — удалившись на покой, поселиться именно там. И мое назначение в колонию Короны как раз и означает, что я специализируюсь в основном на технических цивилизациях. Но так уж вышло…

— Не все еще пропало, — произнес капитан Лейстер. — Морэй, мы в состоянии передать технологическое наследие земной цивилизации нашим детям и внукам, чтобы когда-нибудь — даже если мы застрянем тут до конца жизни — потомки смогли вернуться домой, Неужели вы не знакомы с историей, Морэй? От изобретения

парохода до высадки человека на Луну прошло меньше двухсот лет. От начала космической эры до создания фотонного привода и высадки на Альфу Центавра — меньше ста. Может быть, нам суждено кончить дни свои на этом Богом забытом шарике; наверняка, так оно и есть. Но если мы сумеем сохранить в неприкосновенности технологию, чтобы хоть внуки наши вернулись в лоно земной цивилизации — можно считать, что мы умираем не зря.

Морэй посмотрел на него с глубокой жалостью.

— Неужели вы так до сих пор ничего и не поняли? Тогда, с вашего разрешения, капитан, — и с вашего, мистер Патрик, — я все разложу по полочкам. Этот мир не в состоянии поддерживать никакой сложной индустрии. В отличие от Земли, у этой планеты ядро не железо-никелевое, а из каких-то непроводящих веществ малой плотности. Горные породы — насколько можно судить без сложного оборудования, которого у нас нет и изготовить которое нам не под силу — богаты силикатами, но крайне бедны металлическими рудами. И вообще, с металлами здесь всегда будет напряженно — очень напряженно. На планете, которую я уже упоминал — той, где я

организовывал колонию с широким использованием электричества — были богатейшие залежи угля и нефти плюс мощные горные реки, чтобы ставить на них ГЭС… Плюс очень устойчивая экологическая система. Этот же мир — по крайней мере, та часть его, куда нас занесло — относится к зоне рискованного земледелия. Только лесные насаждения спасают почву от полномасштабной эрозии, так что мы должны вести вырубки с величайшей осторожностью; вообще, здешние леса — главная наша защита от голодной смерти. Не говоря уже о том, что мы просто не можем позволить себе тратить столько трудовых ресурсов на сборку этих ваших вездеходов, их обслуживание и прокладывание просек. Если хотите, я могу привести точные факты и цифры, но в двух словах: если вы настаиваете на сохранении машинной технологии, тем самым вы подписываете смертный приговор — если и не всем нам, то, по крайней мере, нашим внукам. Поколения три мы как-нибудь протянем — пока нас мало, мы можем просто переселяться на другое место по мере истощения почвы. Но не дольше.

— Если нашим внукам суждена такая жизнь, — с горечью произнес Патрик, — стоит ли тогда бороться за выживание? Да и заводить внуков…

— Не в моих силах заставить вас заводить внуков, — пожал плечами Морэй. — Но я отвечаю за детей, которые уже на подходе… Между прочим, очередь в колонии неоуралистского толка ничуть не меньше, чем в те, где широко, используется электричество. Выживем мы или нет, будет зависеть, в основном, не от людей вашего типа; вы — прошу прощения за выражение — только балласт. Для этой планеты лучше всего подходят люди типа новогебридцев; и, подозреваю, если нам вообще удастся выжить, это будет, в основном, их заслуга.

— Что ж, — сказал капитан Лейстер, — по крайней мере, недоговоренностей не осталось. — Какое-то время он обдумывал услышанное. — И что теперь нам светит, Морэй?

Морэй бросил взгляд на лежащий перед ним лист бумаги.

— В вашем личном деле значится, — проговорил он, — что во время учебы в академии у вас было хобби — делать музыкальные инструменты. Не могу сказать, чтобы это относилось к главным нашим приоритетам — но зимой очень даже пригодится. А пока… никто из вас, случайно, не был когда-нибудь стеклодувом, медбратом, диетологом или учителем младших классов?

— Вообще-то, — неожиданно заявил Патрик, — в Космофлот меня приняли рядовым санитаром медслужбы; только потом я подал заявление на офицерские курсы.

— Тогда зайдите в госпиталь, поговорите с Ди Астуриеном. На первое время я запишу вас санитаром, с привлечением по мере надобности к строительным работам. Вы инженер, а это не так далеко от архитектора или прораба. Что до вас, капитан…

— Что за глупость, какой я теперь капитан, — раздраженно вырвалось у Лейстера. — Ради Бога, капитан чего?

— Хорошо, тогда Гарри, — Морэй кривовато усмехнулся. — Полагаю, звания и прочее в том же роде тихо-мирно отомрут года за три-четыре — но если кто-то предпочитает именоваться полным титулом, я не стану возражать.

— Ну, тогда считайте, что я сложил все свои полномочия поэтапно, — заявил Лейстер. — Что мне теперь предстоит — пропалывать огород? Ни на что иное бывший капитан не годится.

— Нет, — твердо произнес Морэй. — В первую очередь, мне от вас нужно то, что и сделало вас капитаном… может быть, дух лидерства.

— Вы еще не издали закона, запрещающего со-

хранение тех технологических знаний, что у нас остались? Может, стоит занести их в компьютер — для наших гипотетических внуков?

— В вашем случае — не таких уж и гипотетических, — улыбнулся Морэй. — Фиона Мак-Мореэ — сейчас она в госпитале, проходит обследование у сестры Раймонди — назвала вас как возможного отца.

— Это кто еще такая, черт побери… прошу прощения за выражение… Фиона Мак… как ее там? — оскалился Лейстер. — Никогда о такой не слышал.

— Так ли это важно? Что до меня, скажем, то почти все время Ветра я занимался любовью с капустной рассадой или бобовыми ростками… по крайней мере, выслушивал их жалобы на жизнь… Но большинство из нас провели это время… скажем так, не столь серьезно. Доктор Ди Астуриен, кстати, просил передать, чтобы вы зашли к нему и указали всех, с кем могли иметь связь.

— Максимум, что я помню, — отозвался Лейстер, — это как я дрался… из-за одной девушки — но схватку проиграл. — Он потер подбородок с успевшим изрядно побледнеть синяком. — Э-э… подождите… это не такая рыженькая, из ком-

муны?

— В лицо я ее не помню. Вообще-то, новогебридцы почти все рыжие — это, в основном, шотландцы, плюс несколько ирландцев. Я бы сказал, у вас есть хорошие шансы, если у девушки не случится выкидыша, месяцев через девять-десять стать отцом рыжего мальчугана или девчушки. Так что, Лейстер, можете считать, вы уже застолбили себе на этой планете маленький участок.

Капитан медленно залился румянцем.

— Я не хотел бы, чтобы мои потомки жили в пещерах и только и знали, что ковырять землю ради хлеба насущного. Мне хотелось бы, чтоб они не забыли родного мира.

Морэй помедлил с ответом. Наконец он проговорил:

— Я спрашиваю совершенно серьезно — и можете не отвечать, я не собираюсь висеть у вас над душой, но, прошу, подумайте над этим — не лучше ли будет, если наши потомки сами разовьют технологию, соответствующую особенностям этого мира? Зачем искушать их знанием, которое может оказаться для этой планеты гибельным?

— Я рассчитываю на здравомыслие наших потомков, — произнес Лейстер.

— Тогда идите и заносите в компьютер все, что

вам заблагорассудится, — еле заметно пожал плечами Морэй. — Может быть, потомки будут просто до ужаса здравомыслящие и к вашему компьютеру даже не притронутся.

Лейстер развернулся уходить.

— Да, кстати, — напоследок поинтересовался он, — мне вернут моего помощника, или как? Может, Камилле Дель-Рей уже поручили что-нибудь архиважное — помогать на кухне, или шить занавески для госпиталя?

Морэй отрицательно мотнул головой.

— Она вернется к вам, как только выпишется из госпиталя. По моим спискам она проходит как беременная, а, значит, ей можно поручать только самую легкую работу; вообще-то, мы собирались засадить ее составлять задачник по математике для начальной школы. Но работа на компьютере не слишком утомительна; если ей так хочется, я не возражаю.

Он сосредоточенно вперил взгляд куда-то в самую гущу загромоздивших стол бумаг; и Гарри Лейстер, бывший капитан межзвездного корабля, понял, что может быть свободен.

13

Юэн Росс в нерешительности замер над карточкой генетического архива и поднял взгляд на Джудит Ловат.

— Честное слово, Джуди, — произнес он, — я вовсе не пытаюсь усложнить тебе жизнь, эта информация действительно важна для архива. Так кто был отец?

— Я уже говорила, и ты мне не поверил, — бесстрастно отозвалась та, — а если знаешь лучше меня, пиши, что хочешь.

— Не знаю прямо, что и сказать, — Юэн пребывал в растерянности. — Не помню, честно говоря, чтоб я был с тобой, но как скажешь…

Она упрямо помотала головой, и врач издал тяжкий вздох.

— Опять та же история насчет пришельца. Джуди, неужели ты не понимаешь, насколько фантастично это звучит? Насколько невероятно? Ты что, возьмешься утверждать, будто аборигены настолько похожи на нас, что способны скрещиваться с нашими женщинами? — Он замялся. — Джуди, а ты, часом, не шутишь?

— Ничего я не утверждаю, Юэн. Я не генетик, я простой диетолог. И я рассказываю все, как было.

— Да — но ты была тогда невменяема. Оба раза.

Невесомым движением Хедер тронула его за локоть.

— Джуди не врет, — сказала девушка. — Она говорит правду — или то, что считает правдой. Пожалуйста, спокойней, Юэн.

— Но, черт возьми, что бы там она ни считала — это же не доказательство! — Со вздохом пожал плечами Росс. — Ладно, Джуди, как хочешь. Но это должен был быть Мак-Леод — или Забал. Или я. Что бы там тебе ни казалось, других вариантов нет.

— Ну, если ты так говоришь, значит, конечно нет, — отозвалась Джуди, тихо поднялась и удалилась; и не заглядывая в карточку, она знала, что там написал Юэн: «Отец неизвестен; возможно — Мак-Леод, Льюис; Забал, Марко; Росс, Юэн».

— Дорогой, — тихо сказала Хедер, когда за Джудит закрылась дверь, — уж больно ты с ней был суров.

— Так уж получилось — мне почему-то кажется, что столь суровая планета не самое подходящее

место для фантазий. Черт возьми, Хедер, меня ведь учили тому, что спасать жизнь следует любой ценой — любой ценой! А люди уже умирали у меня на руках… и я позволял им умереть… — Глаза молодого доктора диковато блеснули. — Нет, когда не дует Призрачный Ветер, мало быть просто в здравом уме, мы должны быть в суперздравом уме, чтобы хоть как-то компенсировать временное помешательство!

Хедер добрую минуту раздумывала, прежде чем ответить.

— Юэн, — наконец произнесла она, — а как отличить одно от другого? Может, то, что на Земле сочли бы здравомыслием, будет здесь отъявленной глупостью? Например… ты слышал же, что главврач обучает женщин дородовому уходу и как принимать роды — на случай, если (это я цитирую его слова) зимой будет столько потерь среди личного состава, что одна медслужба не справится. Еще он говорил, что сам не принимал родов с тех пор, как был интерном… действительно, в Космофлоте такое случается нечасто. Так вот, а начал он вот с чего: если женщине угрожает выкидыш, не следует принимать никаких экстренных мер для его предотвращения. Если постельного режима и теплого одеяла не доста-

точно, чтобы спасти ребенка, ничего больше делать не надо — ни гормоны колоть, ни пренатальные стимуляторы, вообще ничего.

— Ушам своим не верю! — вырвалось у Юэна. — Это же преступление.

— Точно так же говорил и доктор Ди Астурион, — кивнула Хедер. — На Земле это было бы преступлением. Но здесь, по его словам, выкидыш — это единственный способ, каким природа может избавиться от зародыша, не способного привыкнуть к местным условиям — силе тяжести, там, и так далее. Лучше пускай пораньше произойдет выкидыш, и женщина начнет все заново — чем еще шесть месяцев донашивать ребенка, который все равно умрет или вырастет дефективным. На Земле мы могли позволить себе роскошь даже спасать дефективных детей — со смертельными наследственными заболеваниями, умственно отсталых, с родовыми травмами, нарушениями развития плода и прочим в том же роде. У нас была специальная аппаратура и целая инфраструктура для таких вещей, как переливание крови, трансплантация органов с гормонами роста, реабилитация и воспитание дефективных детей. Но здесь, если мы не хотим когда-нибудь оставлять дефективных детей на

съедение диким зверям или… убивать самим — лучше заранее свести число их к абсолютному минимуму… Кстати, половина дефективных детей, рождающихся на Земле — не знаю, может, не половина, может, и девяносто процентов, на Земле ведь давным-давно укоренилось, что выкидыш следует предотвращать любой ценой — появляются на свет потому, что природе не дали осуществить естественный отбор, помешали умереть ребенку, который все равно ведь не жилец. А на такой планете, как эта, речь, между прочим, идет о жизни или смерти всей нашей популяции — мы просто не можем позволить наследственным заболеваниям и врожденным дефектам попасть в генофонд. Теперь понимаешь, что я имею в виду? То, что на Земле сочли бы безумием, здесь абсолютно необходимо для выживания. Естественный отбор должен идти своим чередом — а значит, ни в коем случае нельзя героически предотвращать выкидыш или спасать ребенка со смертельным наследственным заболеванием или родовой травмой.

— А при чем тут сумасшедшие россказни Джуди, будто отец ребенка — инопланетянин? — требовательно поинтересовался Юэн.

— А вот при чем. Мы должны научиться мыс-

лить по-новому — а не отвергать что-то с порога только потому, что это фантастично звучит.

— Ты что, веришь, будто какой-то там неведомый абориген… ну хватит, Хедер, ради Бога!

— Какого именно бога? — полюбопытствовала Хедер. — Все боги, о каких мне доводилось слышать — земные. Я понятия не имею, кто зачал ребенка Джуди. Меня там не было. Но она-то была — и в отсутствие доказательств я предпочитаю поверить ей на слово. Склонности к фантазированию за ней не замечалось, и если она заявляет, что с ней занимался любовью какой-то инопланетянин, и она забеременела — черт побери, я буду этому верить, пока не докажут обратного. Или, по крайней мере, пока я не увижу ребенка. Если он будет как две капли воды похож на тебя или на Забала, или на Мак-Леода — тогда, может быть, я поверю, что Джуди спятила. Но во время второго Ветра ты мог в определенной мере себя контролировать. Мак-Аран мог до определенной степени себя контролировать. Очевидно, после первого раза вырабатывается некоторый иммунитет к действию этой галлюциногенной пыльцы. Джуди дала вполне рациональное объяснение тому, что она делала во время второго массового улета — и это логически стыкуется с тем, что, по ее словам,

было с ней в первый раз. Так почему бы не истолковать сомнение в ее пользу?

Медленно двигая карандашом, Юэн вычеркнул из карточки все имена, оставив только: «Отец: неизвестен».

— Это единственное, что мы можем сказать с уверенностью, — наконец произнес он. — Ладно, потом разберемся.

В большом здании, где размещались столовая, кухня и актовый зал — хотя уже строилась отдельная кухня, из тяжелого бледного полупрозрачного местного камня — несколько женщин из коммуны Новые Гебриды, в клановых юбках и теплых форменных куртках, готовили обед. Одна из них, девушка с длинными рыжими волосами, напевала негромким сопрано:

Грустно вдоль воды брожу,

день же клонится к закату.

Где сын солнца дочь лесов привораживал когда-то,

почему сидеть, вздыхать я должна одна, устало дергая, дергая, дергая орляк?..

На кухню зашла Джуди, и девушка умолкла.

— Доктор Ловат, все готово. Я сказала им, что вы в госпитале, так что мы начали без вас.

— Спасибо, Фиона. Скажите, пожалуйста, а что

это такое вы пели?

— А, это из наших старых островных песен, — ответила та. Вы не знаете гаэльского? Так я и думала… Это «Любовная песнь феи» — про фею, которая полюбила смертного и осталась вечно бродить среди Скайских холмов, разыскивая его, недоумевая, почему он к ней не возвращается. По-гаэльски это звучит гораздо лучше.

— Тогда уж пойте ее по-гаэльски, — предложила Джуди. — Скука смертная будет, если на этой планете сохранится только один язык. Скажи, пожалуйста, Фиона, святой отец не заходит в общую столовую, так?

— Нет, обычно ему выносит еду кто-нибудь из дежурных.

— Можно, я сегодня отнесу ему обед? Мне хотелось бы поговорить с ним, — произнесла Джуди.

Фиона сверилась с приколотым к стене листком, где был криво расчерчен график дежурств по кухне.

— Скорей бы уж, — пробормотала девушка, — точно выяснилось, кто беременны, а кто нет; хоть можно было бы составить нормальный график дежурств, Хорошо, — повернулась она к Джуди, — я скажу Элси, что вы ее опередили. Вон тот пакет.

Отец Валентин в одиночку ворочал массивные камни, выкладывая основание памятника погибшим. Джуди вручила ему пакет; развернув, он расставил миски на большом плоском камне.

— Святой отец, — негромко произнесла Джуди, усаживаясь рядом с ним, — мне нужна ваша помощь. Полагаю, вы не станете меня исповедовать…

Отец Валентин медленно помотал головой.

— Доктор Ловат, я больше не священник. Откуда, во имя всего святого, мне взять столько дерзости, чтоб именем Господа осуждать чужие грехи? — По лицу его скользнула еле заметная улыбка. Он был невысок и худощав, не старше тридцати, но выглядел совершеннейшим стариком. — В любом случае, я много всякого успел передумать, ворочая эти камни. Как могу я, не лицемеря, проповедовать Слово Христово на планете, куда не ступала Его нога? Если Бог захочет спасти этот мир, придется ему послать сюда нового Спасителя… если здесь это имеет какой-то смысл. — Он запустил ложку в миску каши с тушенкой. — Вы захватили свой обед? Хорошо… Теоретически я приемлю изоляцию. На практике же оказалось, что мне как никогда не хватает общества ближних своих.

Казалось, тема теологического диспута исчерпана; но Джуди, задавшаяся целью хоть как-то упорядочить хаотические метания души, не отступала.

— Значит, святой отец, вы просто оставляете нас безо всякой пастырской опеки?

— Ну что касается пастырской опеки, то с этим у меня всегда было напряженно, — отозвался отец Валентин. — Да, наверно, и у любого священнослужителя, если подумать. Безусловно, я сделаю все, что в моих силах, в порядке дружеской помощи — для вас или для кого бы то ни было; все, что в моих скромных силах. Целая жизнь, отданная добрым делам, не перевесила бы и малой доли того ужаса, что я совершил — но это всяко лучше, чем сидеть, облачившись в дерюгу, посыпать голову пеплом и возносить покаянные молитвы.

— Кажется, понимаю… — медленно произнесла Джуди. — Но, отец Валентин… вы серьезно думаете, что здесь нет места вере или религии?

Тот недовольно махнул рукой.

— Пожалуйста, не называйте меня «отцом». Если так уж хочется — лучше «братом». Все мы должны быть братьями и сестрами, в нашей общей беде. Нет, доктор Ловат, ничего подобного я не говорил… кстати, как вас зовут? Джудит…

Так вот, Джудит, ничего подобного я не говорил. Любому человеческому существу необходимы вера в благую силу, его сотворившую — каким бы именем Творца ни называть — и некое религиозное или этическое мировоззрение. Но я не думаю, что следует воспроизводить один к одному доктрины и организационные структуры того мира, от которого уже сейчас осталось лишь смутное воспоминание — а для наших детей и внуков это будет вообще пустой звук. Этика — да. Искусство — да. Музыка, ремесла, знания, человечность — да. Но ни в коем случае не ритуалы, которые очень быстро вырождаются в суеверия. И ни в коем случае не жесткие нормы поведения или набор взятых с потолка бихевиористских штампов, не имеющих ничего общего с нашим теперешним сообществом.

— И как с такими взглядами вы собирались вписаться в стандартную церковную иерархию в системе Короны?

— Как-то собирался… Честно говоря, об этом я просто не думал. Я принадлежу к ордену Святого Кристофера Центаврийского, организованного с целью нести слово реформированной католической церкви к звездам — и цель эту я считал в высшей степени достойной. Вопросы доктрины

никогда меня особенно не занимали; так, чтобы серьезно, основательно о них задуматься — это мне в голову никогда не приходило. Но здесь, среди этой кучи камней, у меня было предостаточно времени для размышлений. — Он слабо улыбнулся. — Не удивительно, что когда-то на Земле каторжников отправляли в каменоломни: руки заняты, размышляй — не хочу.

— Значит, — медленно проговорила Джуди, — вы не считаете, что нормы этики и поведения абсолютны? По-вашему, тут нет ничего божественно предписанного, раз и навсегда данного?

— Да как что-то может быть дано раз и навсегда? Джудит, вы же прекрасно знаете, что я совершил. Если б я не позволил вбить себе в голову, что некоторых поступков, по самой их природе, достаточно, чтоб угодить прямиком в ад — тогда, придя в себя после Ветра, я мог бы спокойно жить дальше. Мне было бы стыдно, тревожно или тошно — но у меня не было бы абсолютной убежденности в том, что после случившегося никто из нас не достоин жить на белом свете. В семинарии нас учили, что никаких полутонов не существует: есть только добро и зло, добродетель и грех — и ничего между ними. Да, я был не в себе — но рука моя не дрогнула перед убийством;

в семинарии нас учили, что похоть — смертный грех, за который можно отправиться в ад, так что убийство ничего не должно было уже изменить. В ад можно попасть лишь единожды — а я и так уже был обречен на вечное проклятие. Этика, имеющая под собой рациональную основу, подсказала бы мне: что бы там ни совершили мы в ночь всеобщего безумия — эти несчастные из экипажа, упокой Господи их души, и я — это повредило лишь нашему чувству собственного достоинства и нарушило нормы общественного приличия (что вообще вряд ли существенно). Убийством тут и не пахло бы.

— Я не разбираюсь в теологии, от… брат Валентин, — произнесла Джуди, — но как может считаться смертным грехом то, что совершено в невменяемом состоянии?

— Поверьте мне, я обдумывал этот вопрос со всех мыслимых сторон. Да, конечно, я понимаю: будь у меня возможность сбегать к своему духовнику, покаяться во всем, что совершил в припадке безумия (отвратительные, по некоторым меркам, вещи, но по сути безобидные) и получить отпущение грехов — может, тогда никаких убийств и не было бы; но от этого понимания ничуть не легче. Что-то изначально дефектное должно быть

в системе, позволяющей избавиться от вины не хлопотней, чем снять пальто. Что касается невменяемого состояния… безумные поступки не возникают на пустом месте, в нервную систему все уже должно быть заложено. Только сейчас я начинаю понимать: чего я действительно не смог вынести — это вовсе не знания о том, что в припадке безумия я совершил нечто запретное; нет — знания о том, что я совершил это с радостью и по собственной воле, о том, что я больше не верил в то, что это очень плохо, о том, что я никогда не смогу забыть времени, когда наши сознания были открыты друг другу, когда всем сердцем и телом мы познали самую чистую и абсолютную любовь, на какую способно человеческое существо, Я знал, что не в моих силах будет скрыть это знание — поэтому вытащил свой перочинный ножичек и попытался укрыться от самого себя. — Он криво усмехнулся; так мог бы оскалиться череп. — Джудит, пожалуйста, простите меня; вы пришли ко мне за помощью, вы хотели исповедаться — а вместо этого вам пришлось выслушать мою исповедь.

— Если вы правы, — очень мягко сказала она, — всем нам придется быть друг другу священнослужителями… по крайней мере, исповед-

никами. — Одна сказанная отцом Валентином фраза особенно запала Джудит в память, и она повторила вслух:

— «Наши сознания были открыты друг другу… мы познали самую чистую и абсолютную любовь, на какую способно человеческое существо». Вот что сделал с нами этот мир — в большей или в меньшей степени — но абсолютно со всеми. То же самое и он мне говорил… — медленно, с трудом подыскивая слова, она рассказала отцу Валентину об инопланетянине, об их первой встрече в лесу, о том, как тот послал за ней во время Ветра, и о странных вещах, что были поведаны ей без помощи речи.

— Он сказал мне… что наше сознание для них как неплотно прикрытая дверь, — говорила Джуди. — Но мы все равно понимали друг друга, превосходно понимали… потому что из-за Ветра наши сознания были, как вы говорите, открыты друг другу. Но никто мне не верит! — закончила она горестным возгласом. — Они думают, я спятила или вру!

— Какая разница, что там они думают, — медленно произнес священник. — Может быть, их неверием вы даже защищаете этого вашего пришельца. Вы же сами говорили, что, по его словам,

они нас боятся — а если они тихий мирный народ, это не удивительно. Стоит расе прирожденных телепатов уловить то, что мы передаем в «эфир» во время Призрачного Ветра, и наверняка они решат, что мы жуткий и опасный люд; в чем-то они даже будут правы — хотя и не все так просто. Но если наши поверят в… как там пела Фиона?.. «лесного возлюбленного», они наверняка примутся за поиски лесного народа, и кончиться это может печально. — Он слабо улыбнулся. — У нашей расы уже успела сложиться дурная репутация в том, что касается контакта с культурами, которые мы считаем низшими. Джуди, если вам небезразличен отец вашего ребенка — пусть лучше вам здесь продолжают не верить…

— И так… навсегда?

— На столько, на сколько нужно. Эта планета уже изменяет нас, — сказал Валентин. — Может быть, когда-нибудь наши дети и лесной народ сумеют найти общий язык; поживем — увидим.

Джуди принялась задумчиво крутить висящую вокруг шеи цепочку.

— Это был крест?

— Да, но я сняла его; простите, пожалуйста, наверно, этого было нельзя…

— Почему? Все равно здесь крест ничего уже не

значит. А что это у вас там такое?

С цепочки свисал ярко-голубой камешек; казалось, внутри него то и дело вспыхивают серебристые узоры.

— Он говорил… они с помощью таких камешков учат детей; и если я научусь им пользоваться, то смогу держать связь… сообщить, что со мной и ребенком все в порядке.

— Дайте посмотреть, — протянул руку Валентин, но Джуди болезненно поморщилась и отстранилась.

— Что такое?..

— Не могу этого объяснить. Я и сама не понимаю. Но если кто-то другой трогает камешек, мне… больно, как будто это… часть меня самой, — скороговоркой закончила она. — Как по-вашему, я спятила?

— Что такое безумие? — покачал головой священник. — Кристалл, усиливающий телепатические способности… может, он как-то резонирует с электрическими сигналами мозга… Должно же в основе телепатии лежать какое-то природное явление, не могут все многочисленные свидетельства основываться на пустом месте. Может быть, кристалл подстроился под некую специфическую функцию сигналов мозга, отвечающую

вашей личности. В любом случае, кристалл существует, и… кстати, вы пытались связаться с этим вашим пришельцем?

— Пыталась. Это похоже… — она замялась, подыскивая слова, — как если бы я слышала чей-то голос и узнавала, чей… нет, не так… но, в общем, это случалось. Мне казалось — на какое-то мгновение, но совершенно явственно — будто он стоит рядом, прикасается ко мне… а потом опять все пропадало. Словно он напоминает о том, что любит меня, хочет приободрить… но все на какое-то мгновение. Однако у меня временами возникает странное ощущение, будто это только начало, что когда-нибудь я узнаю гораздо больше…

Она спрятала камешек за ворот рубашки и застегнула верхнюю пуговицу.

— На вашем месте, — наконец произнес священник, — я пока держал бы это в тайне. Я говорил, что мы уже начали меняться на этой планете — боюсь только, недостаточно быстро. Наверняка ведь найдутся ученые, которым захочется поэкспериментировать с этим камешком, разобраться, как он устроен… может быть, даже его отберут, а вас опять заставят отвечать на бесчисленные вопросы и сдавать анализы, вас

будут снова и снова проверять, не врете ли вы и не сошли ли с ума. Никому не говорите об этом камне, Джудит. Пользуйтесь им, как объяснял вам ваш пришелец. Может быть, когда-нибудь нам действительно важно будет знать, как работает этот кристалл — как он на самом деле работает у лесного народа, а не как хотелось бы заставить его работать нашим ученым.

Он поднялся, отряхивая с колен крошки.

— Ладно, пора вернуться к моим валунам.

Джуди приподнялась на цыпочках и легонько поцеловала его в щеку.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Вы очень мне помогли.

Отец Валентин протянул руку и невесомо погладил ее по щеке.

— Я рад, — произнес он. — Это… только начало. Дорога назад будет очень долгой — но начало уже положено. Ступайте с Богом.

Джудит направилась к столовой; священник проводил ее долгим взглядом, и в голову ему пришла странная, чуть ли не еретическая мысль: «Откуда мне знать, может быть, ребенка ей посылает Господь… только наполовину человека… но здесь, на дикой планете? — Он попытался прогнать эту мысль. — Наверно, я

сошел с ума, — промелькнуло у него в голове; но тут же нахлынула другая мысль, еще более мучительная: — Откуда мы знаем, может, Сын Человеческий, которому я поклонялся все эти годы — плод такого же странного союза?»

— Какая нелепость! — вслух произнес он и опять принялся ворочать валуны.

14

— Никогда бы не подумала, что стану молиться о плохой погоде, — произнесла Камилла. Она затворила дверь небольшого, с усиленным деревянным каркасом купола, в котором размещался компьютерный терминал, и прошла к консоли, где уже сидел Гарри Лейстер. — Вот о чем я думала. Если нам известны продолжительность здешнего дня, солнечное склонение и так далее — можем мы точно подсчитать продолжительность здешнего года?

— Ну, это довольно элементарно, — отозвался Лейстер. — Напиши простенькую программку, и компьютер все тебе скажет; может быть, даже сколько тут длится лето, и сколько зима.

Камилла сделала шаг к консоли; беременность уже начинала становиться заметной, хотя походка по-прежнему оставалась легкой и грациозной.

— Я уже занес в банки данных почти полную информацию о фотонном приводе, — сказал Лейстер. — Когда-нибудь — помнится, Морэй как-то говорил, что от изобретения парового двигателя

до первых полетов к звездам прошло меньше трехсот лет… Камилла, когда-нибудь наши потомки сумеют вернуться на Землю.

— Если захотят, — заметила Камилла, усаживаясь за клавиатуру.

— А ты в этом сомневаешься? — недоуменно воззрился на нее Лейстер.

— Ни в чем я не сомневаюсь. Просто я не беру на себя смелости предполагать, чем захотят заниматься мои пра-пра-пра-пра… а черт! В общем, мои внуки в девятом колене. В конце концов, земляне преспокойно жили многие поколения подряд и даже не думали создавать вещи, изобрести которые, в общем-то, было раз плюнуть, после того как научились плавить железо. Вы что, серьезно думаете, человек стремился бы к звездам, если бы не демографический взрыв и не загрязнение окружающей среды? Не говоря уж о множестве социальных факторов…

— Морэю дай волю — и все наши потомки будут варварами, — сказал Лейстер, — но до тех пор, пока с нами остается компьютер, знания будут сохранены.

— Если компьютер переживет следующий Ветер… — пожала плечами Камилла. — Честно говоря, у меня такое ощущение, будто все, что мы

притащили с собой, не протянет дольше одного поколения.

С большим трудом Лейстер удержался от резкости. «Она же беременна, — напомнил он себе, — не зря ведь долгие годы считалось, что женщина не может быть ученым — когда она ждет ребенка, ее… посещают странные мысли».

Пальцы Камиллы замелькали над клавиатурой.

— А зачем тебе продолжительность здешнего года? — поинтересовался Лейстер.

«Что за глупый вопрос!» — подумала девушка, но вовремя вспомнила, что Лейстер вырос на космической станции, и погода для него ничего не значит. «Вряд ли, — подумалось ей, — ему даже придет в голову выстроить простейшую триаду: климат — урожай — выживание».

— Во-первых, — принялась разъяснять она, — нам надо прикинуть, сколько тут длится севооборот, чтобы знать, когда можно рассчитывать на урожай. Это проще, чем методом проб и ошибок — будь мы в нормальной колонии, исследовательские отряды Экспедиционного Корпуса понаблюдали бы за планетой, по меньшей мере, несколько годовых циклов. Во-вторых, Фионе, Джуди… да и всем нам, остальным, тоже хотелось

бы знать, в какое время года родятся наши дети, и какой ждать тогда погоды. Я сама шитьем детской одежды не занимаюсь, но кто-то этим будет заниматься, и неплохо бы знать, на какую погоду рассчитывать!

— Вы настолько далеко планируете? — удивленно спросил Лейстер. — Ведь вероятность не больше пятидесяти процентов, что ребенка удастся нормально доносить, и такая же, что он не погибнет при родах.

— Не знаю… Почему-то я ни секунды не сомневалась, что мой ребенок будет среди тех, кому повезет. Может быть, предчувствие или экстрасенсорика. А насчет Рут Фонтаны… у меня было ощущение, что у нее случится выкидыш — так и произошло.

— Не самый приятный дар, — поежился Лейстер.

— Не самый, — спокойно согласилась Камилла, но я уже немного привыкла. Морэю и остальным в садоводстве это тоже очень кстати, не говоря уже о колодце, который Хедер показала, где копать. Очевидно, это просто активизация скрытых способностей, изначально заложенных природой, и ничего в этом нет такого уж страшного. Как бы то ни было, похоже, нам поневоле предстоит

научиться использовать этот дар.

— Когда я был еще студентом, — проговорил Лейстер, — кто-то ввел в компьютер все известные факты насчет экстрасенсорного восприятия, и ответ был, что с вероятностью тысяча против одного такого явления не существует в природе… а единичные случаи, где не удалось придумать однозначного научного опровержения — ошибки эксперимента.

— Вот вам и доказательство, — широко улыбнулась Камилла, — что компьютер не Бог. — Она потянулась и откинулась на спинку перетащенного с мостика астрогаторского кресла. — До чего же дурацкая штука! Правда, никто и не думал пользоваться им при нормальной силе тяжести. Надеюсь, удобная мебель находится в списке приоритетов не на последнем месте, а то Младшему не нравятся жесткие сиденья…

«Господи Боже, как я люблю эту девушку! Кто бы мог подумать, в моем-то возрасте…»

— Камилла, — торопливо спросил Лейстер, дабы лишний раз ткнуть себя носом в непреложность фактов, — ты выходишь замуж за Мак-Арана?

— Вряд ли, — ответила она с еле заметной улыбкой. — Об этом мы как-то и не задумывались. Я

люблю его — нас сблизил еще первый Ветер, у нас столько всего общего, в каждом из нас навсегда осталась частица другого. Я живу с ним, когда он в лагере — что случается не слишком часто — если это то, что вам хотелось знать. В основном, потому что я так ему нужна, а когда вы были с кем-то настолько близки, когда вы… — Она замялась, подыскивая подходящее слово, — когда чувствуешь, как сильно ты ему нужна, ты просто не можешь не утолить этой жажды и оставить его несчастным. А насчет того, что будет дальше, захотим ли мы жить вместе до конца дней — честное слово, не знаю. Вообще-то… не думаю. Слишком мы разные. — Она улыбнулась, глядя прямо в глаза Лейстеру, и внутри у него все перевернулось. — Наверно, если говорить о долговременных отношениях, я была бы куда счастливее с вами. У нас гораздо больше общего. Рэйф такой нежный, такой хороший, но вы понимаете меня лучше.

— Камилла, ты носишь его ребенка и можешь говорить такое?

— Вас это шокирует? — с искренним участием поинтересовалась она. — Прошу прощения, честное слово, я не хотела. Да, это ребенок Рэйфа, и я, наверно, даже рада. Он так этого хочет

— по крайней мере, один из родителей должен хотеть ребенка. Но для меня — ничего не могу с собой поделать, мне слишком долго промывали мозги — для меня это по-прежнему прискорбный биологический инцидент. Если бы, например, это был ваш ребенок — что вполне возможно, могло ведь произойти все, что угодно; Фиона, вот, носит вашего ребенка, а вы ее и в лицо-то едва знаете — если б это был ваш ребенок, роли бы поменялись: вы бы и думать об этом не могли, вы бы хотели, чтоб я боролась до конца.

— Не уверен. Может быть, вовсе нет. По крайней мере, сейчас бы — точно нет, — глухо произнес Гарри Лейстер. — Но от таких разговоров мне до сих пор как-то не по себе. Что-то меня шокирует. Наверно, я просто слишком стар.

— Нам придется научиться не стыдиться друг, друга, — мотнула головой она. — В обществе, в котором будут расти наши дети, зная, что все их чувства как на ладони — какой смысл прятаться друг от друга за масками?

— Страшноватая перспектива.

— Немного. Но для них, возможно, это будет чем-то совершенно естественным. Откинувшись в сторону, она оперлась спиной на грудь Лейстеру, нашарила его ладонь и крепко сжала. — Не

пугайтесь, — медленно проговорила она. — Но… если доживу… если доживем… мне хотелось бы, чтобы следующий мой ребенок был от вас.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб. Он был настолько тронут, что потерял дар речи. Камилла еще крепче сжала его пальцы, потом убрала руку.

— Я уже говорила об этом с Мак-Араном, — совершенно спокойно произнесла она. — Из генетических соображений лучше, если у женщины будут дети от разных отцов. Но, как я уже сказала, дело далеко не только в этом.

Глаза ее затуманились, — на мгновение Лейстеру показалось, будто она разглядывает что-то невидимое и через вуаль — и лицо ее перекосила гримаса боли. На его встревоженный вопрос, в чем дело, она выдавила улыбку.

— Нет-нет, со мной все в порядке. Давайте лучше посмотрим, что можно выяснить насчет длительности года. Кто знает, вдруг сегодня наш первый Национальный праздник!

Ветряные мельницы теперь были видны аж от базового лагеря — огромные сооружения с деревянными лопастями, приводящие в действие жернова (из лесных орехов получалась сладковатая мука тонкого помола, которой до первой

жатвы вполне можно было обойтись взамен овса и ржи) и вырабатывающие чуть-чуть электричества. Но на этой планете с электричеством, судя по всему, всегда должно было быть напряженно, и энергия пускалась только на самые неотложные нужды поселения: на освещение в госпитале, на несколько станков в слесарной мастерской и на новую оранжерею. За лагерем, окруженный отдельным заградительным валом, был разбит так называемый Новый Лагерь, хотя переселившиеся туда новогебридцы предпочитали называть его Нью-Скаем. Там же разместилась экспериментальная животноводческая ферма, где Льюис Мак-Леод с группой помощников пытались одомашнивать некоторых местных животных.

Рэйф Мак-Аран дал знак своей геологоразведочной бригаде остановиться и прежде чем углубляться в лес, обернулся бросить с гребня холма взгляд на долину. Сверху оба лагеря были видны как на ладони, и в обоих кипела бурная деятельность; но чем-то неуловимым вид этот отличался от любого знакомого Мак-Арану по Земле поселения, и секунду-другую он никак не мог сообразить, в чем дело. Наконец до него дошло: дело в тишине. Впрочем, в тишине ли? Звуков

снизу доносилось предостаточно. Огромные лопасти мельниц со скрипом проворачивались под напором ветра. Со стройплощадки, где сооружались внушительные дома с расчетом на зиму, слышались бодрый перестук молотков и пение пил. Свои звуки доносились и с фермы — мычание крупных рогатых млекопитающих, всевозможные хрюканье, щебет и писк. В конце концов, Рэйф сообразил, в чем дело. Не было слышно звуков искусственного происхождения. Не шумел транспорт. Не надрывалась всяческая техника — если не считать негромкого свиста гончарных кругов и нестройного звяканья ручных инструментов. За каждым из этих звуков подразумевался определенный человеческий умысел. Практически не раздавалось безличных звуков. Казалось, каждый звук служит отражением некой конкретной цели, и почему-то Мак-Аран вдруг почувствовал себя странно и одиноко. Всю жизнь он прожил в огромных земных городах; и даже на диком высокогорье постоянно слышался далекий рев вездеходов, гудение высоковольтных ЛЭП, свист разрезающих воздух высоко над головой реактивных самолетов — знакомый успокаивающий фон. Здесь же было тихо, до жути тихо — потому что стоило какому-нибудь

звуку разрушить безмолвие, за этим звуком тут же открывался какой-то конкретный смысл. И никуда от него было не деться. Если раздавался звук, к нему обязательно надо было прислушаться. Звуков, которые можно безболезненно проигнорировать, на этой планете попросту не существовало. Ведь когда на Земле слышишь далекий рев реактивных двигателей или видишь вспухающий над горизонтом дымный след взлетающей орбитальной ракеты, то прекрасно знаешь, что это не имеет к тебе ни малейшего отношения. На этой же планете любой шорох мог иметь к слушателю самое непосредственное отношение; и почти все время Рэйф напряженно слушал окружающее.

Ладно-ладно. Наверно, и к этому можно привыкнуть.

Он принялся инструктировать свою бригаду.

— Сегодня будем работать вдоль нижних скальных гребней — и особенно по руслам ручьев. Нам нужны образцы любой земли необычного вида… какой, к черту, земли — почвы. Каждый раз, как только цвет глины или суглинка меняется, берите образец и отмечайте на карте, где именно взяли… Джанис, ты картограф? — спросил он у девушки.

— Я работаю с миллиметровкой, — кивнула та, — наношу на карту мельчайшие изменения рельефа.

Утренний полевой выход оказался не слишком богат событиями, если не считать одной находки возле самого русла ручья, о которой Рэйф упомянул, когда в полдень бригада собралась перекусить — испечь на костре лепешки из ореховой муки и запить «чаем», заваренным на местных листьях и сладковатым освежающим вкусом напоминающим настой американского лавра. Костер разожгли в аккуратно сложенном из камней очаге — самым строгим в колонии законом было ни в коем случае не разводить огня без противопожарных канав или заградительных каменных стенок — и стоило смолистым поленьям удивительно быстро прогореть до углей, как с вершины холма к бригаде Мак-Арана спустилась еще одна исследовательская группа: трое мужчин и две женщины.

— Привет! Позвольте присоединиться к вам на обед? Не хотелось бы разводить еще один костер, — произнесла Джудит Ловат.

— Конечно, присоединяйтесь, мы только будем рады, — кивнул Мак-Аран. — Но, Джуди, что ты делаешь в лесу? Я думал, тебя давно отстранили

от любой физической работы.

— Если уж на то пошло, — отозвалась та, — ко мне тут относятся как к багажному месту — и пальцем не позволяют шевельнуть, не говоря уж о том, чтобы подниматься в горку. Но если я проведу кое-какие анализы прямо в лесу, в лагерь надо будет тащить гораздо меньше образцов. Кстати, так мы и наткнулись на канатные лианы. Юэн говорит, прогулки на свежем воздухе — самая полезная вещь, если я, конечно, не переутомлюсь или не простужусь. — Она плеснула себе в кружку чаю и присела рядом с Мак-Араном. — Повезло сегодня?

— Как раз только что, — кивнул Рэйф. — Вот уже три недели, день изо дня, не попадалось ничего, кроме бесчисленных кварцитов и кальцитов. Последнее, на что мы тогда наткнулись, — это графит.

— Графит? А зачем он нужен?

— Ну, среди всего прочего, из него делают карандашные грифели, — пояснил Мак-Аран, — а древесины для карандашей тут предостаточно; так что можно будет хорошо сэкономить на других писчих материалах. Еще из графита делают машинную смазку, а, значит, больше животных и растительных жиров можно будет пустить в

пищу.

— Удивительно, — произнесла Джуди, — сколько всяких вещей, о которых никогда не задумываешься. Буквально миллионы мелочей, которые мы привыкли принимать как должное.

— Точно-точно, — подхватил кто-то из бригады Мак-Арана. — Я всю жизнь думал, что косметика — это роскошь… ну, в смысле, никак не предмет первой необходимости. А тут недавно Марсия Камерон сказала, что работает над одной из самых приоритетных в списке Морэя программ — гигиеническим кремом, а когда я спросил, зачем это нужно, она объяснила, что на планете, где столько снега и льда, жизненно необходимо, чтобы кожа оставалась мягкой и не трескалась, а то могут пойти инфекции.

— Именно так! — рассмеялась Джуди. — А в данный момент все мы сходим с ума, пытаясь найти заменитель кукурузному крахмалу, из которого делается детская присыпка. Взрослые могут обойтись тальком, и его тут хватает, но если дети станут вдыхать тальк, у них начнут развиваться болезни легких. А все местные зерна или орехи не желают молоться достаточно мелко; мука — хороший адсорбент, но слишком груба для нежных младенческих попок.

— И сколько на это; осталось времени? — спросил Мак-Аран.

— На Земле, — пожала плечами Джуди, — мне оставалось бы месяца два с половиной. Камилла, я и Аланна, девушка Аластэра, идем вровень; следующая партия ожидается еще через месяц. Что будет со сроками здесь… ни малейшего представления. По расчетам Камиллы, — тише добавила она, — зима наступит раньше. Но ты хотел рассказать, что такое вы сегодня обнаружили.

— Фуллерову землю, — объявил Мак-Аран, — или что-то настолько на нее похожее, что мне отличить слабо, — Джуди недоуменно вскинула брови, и Мак-Аран пояснил: — Она используется в легкой промышленности для обработки тканей. Берется чуть-чуть животного волокна, что-нибудь типа шерсти — например, от рогатых кроликов, которыми тут все кишит… да и, наверно, их можно разводить на ферме — но с фуллеровой землей все процессы обработки существенно упрощаются, и ткань легче усаживается.

— Подумать только, — удивилась Джанис. — Оказывается, чтобы наладить выпуск текстиля, надо обращаться к геологу!

— Если задуматься, — отозвалась Джуди, — все науки взаимосвязаны; это на Земле специали-

зация стала настолько узкой, что перспектива потерялась. — Она допила остатки чая. — Рэйф, вы куда, в базовый лагерь?

— Нет, — мотнул головой Мак-Аран, — мы назад, в лес; может быть, даже к тем самым предгорьям, куда мы ходили нашей первой экспедицией. Не исключено, что там можно отследить речки, текущие с высокогорья. Еще мы хотим поискать какие-нибудь следы маленького лесного народца; вот зачем с ними доктор Фрэйзер — поточнее оценить уровень развития их культуры. Пока единственное, что мы знаем точно — это что они перекидывают плетеные мостики между деревьями; залезть посмотреть мы даже и не пытались, эти существа явно гораздо легче нас — не говоря уже о том, что не хотелось бы отпугивать их или что-то испортить.

— Жалко, у меня не получится к вам присоединиться, — не без зависти в голосе отозвалась Джуди. — Но Морэй запретил будущим матерям отлучаться от базового лагеря дальше, чем на несколько часов ходу, пока не разрешимся от бремени.

В глазах ее мелькнула глубокая тревога, и Мак-Аран, в последнее время ставший особенно чувствительным к чужим эмоциям, успокаиваю-

ще погладил ее по плечу.

— Не бойся, Джуди, мы будем вести себя очень осторожно — и с маленьким лесным народцем, и… с кем бы то ни было. Если бы кто-то здесь был враждебен нам, это выяснилось бы уже давно. У нас нет ни малейшего намерения их беспокоить. Одна из главных причин этой вылазки в предгорья — удостовериться, что мы тут не нарушаем ничьей экологической ниши. Когда мы поймем, где они живут, то будем знать, где нам селиться не следует.

— Спасибо, Рэйф, — негромко сказала Джуди, улыбнувшись. — Приятно слышать. Если Морэй действительно собирается следовать такой политике — мне не о чем беспокоиться.

Вскоре два отряда разделились; диетологи двинулись к базовому лагерю, а бригада Мак-Арана направилась в предгорья.

За следующую десятидневку следы большеглазых пушистых аборигенов встретились им только дважды; высоко над горным ручьем обнаружился аккуратно перевязанный тростниковыми петлями плетеный мостик, к которому из древесных крон вели веревочные лестницы. Доктор Фрэйзер, стараясь ничего не трогать руками, внимательно обследовал лианы, из которых были сплетены

лестницы; по его словам, вызывалось это отнюдь не одним досужим любопытством — уже в самое ближайшее время нужды колонии в шпагате, волокнах и бечеве должны были многократно перекрыть скромные возможности канатных лиан. А когда они удалились в предгорья еще миль на сто, им встретилось нечто странное — кольцо деревьев, высаженных почти идеально ровным кругом и буквально увешанных веревочными лестницами; но сооружение выглядело заброшенным, а соединявшая деревья плетеная платформа — опять же из чего-то наподобие ивняка — искрошилась в труху, и сквозь проеденные червем-древоточцем дыры виднелось небо.

— Готов отдать пять лет жизни, лишь бы толком рассмотреть это сооружение, — заявил Фрэйзер; глаза его полыхнули алчущим блеском. — Пользуются ли они мебелью? Что это вообще такое — храм, жилье, еще что-то? Но на эти деревья мне не влезть, а веревочные лестницы не выдержат, пожалуй, даже веса Джанис — не говоря уже о моем; насколько я помню, эти существа не крупнее десятилетнего ребенка.

— Времени у нас предостаточно, — сказал Мак-Аран. — Судя по всему, заброшена эта конструкция уже давно и никуда от нас не денется.

Когда угодно можно будет вернуться сюда с нормальными лестницами и поисследовать ее до полного душевного удовлетворения. Вообще-то, мне кажется, что это ферма.

— *Ферма?*

Мак-Аран ткнул пальцем в ближайшее дерево. На расставленных по кругу через равные промежутки стволах идеально прямыми и строго параллельными, словно прочерченными по линейке, линиями рос восхитительно вкусный серый древесный гриб, открытый Мак-Леодом во время первого Ветра.

— Вряд ли такое могло произойти само по себе, — заметил Рафаэль. — Наверняка они высажены искусственно. Может быть, лесной народец появляется тут только раз в несколько месяцев — собрать урожай; а эта платформа наверху может быть чем угодно — домом отдыха, складом, полевым лагерем… Весьма вероятно, правда, что эту ферму забросили уже много лет назад.

— Хорошая новость, что эти грибы можно культивировать, — произнес Фрэйзер и принялся аккуратно заносить в полевой дневник данные о породе дерева и расположении грибной плантации. — Только взгляните! Простейшая и абсолютно эффективная система ирригации

— по специальным желобкам вода отводится от грибов и направляется к корням!

Джанис тщательно нанесла на карту местоположение «фермы», и экспедиция двинулась дальше; Мак-Аран же размышлял о маленьких лесных созданиях. Конечно, это примитивный народ — но какая еще цивилизация возможна на такой планете? Судя по изощренности некоторых их сооружений, вряд ли они так уж глупее среднего землянина.

«Капитан говорит о возврате к варварству. Подозреваю, это не получилось бы у нас при всем желании. Начать хотя бы с того, что мы — отнюдь не среднестатистическая выборка, мы группа избранных, практически все с высшим образованием, если, не с учеными степенями, прошедшие строжайший отбор Экспедиционного Корпуса. За нами знание, наработанное миллионами лет эволюции и несколькими сотнями лет вынужденного технического прогресса на перенаселенной, экологически небезопасной планете. Может быть, не получится перенести сюда всю нашу культуру один к одному, такого эта планета просто не выдержит — даже пытаться было бы равносильно самоубийству. Но капитан совершенно зря беспокоится, что мы мо-

жем скатиться к варварству. Какое бы общество ни построили мы на этой планете, подозреваю, оно будет по крайней мере не примитивнее земного — в смысле эффективности использования того, что в нашем распоряжении. Оно будет совершенно другим… допускаю, через несколько поколений и я с трудом смог бы поверить, что оно происходит от земной культуры. Но человек — это всегда человек; и разум по определению не способен работать вполсилы».

Маленькие лесные создания эволюционировали в соответствии с требованиями этого мира; лесной народ с меховым покровом («Полезная вещь», — думал Мак-Аран, дрожа от промозглого холода летней ночи), живущий в симбиозе со своим окружением и обладающий весьма гибким, судя по элегантности технических решений, сознанием.

Как их называла Джуди? *Маленькие братья, не обладающие мудростью.* А эти… *Прекрасные?* Очевидно, здесь независимо развились две разумные расы, способные, в определенных рамках, сосуществовать. Хороший знак — может; и нам повезет вписаться. Но Прекрасные… Если верить рассказу Джуди, они должны быть очень близки к человеку, раз возможно скрещивание; и мысль

эта вызывала у Мак-Арана некое странное беспокойство.

На четырнадцатый день экспедиция достигла нижних склонов гигантского ледника, который Камилла окрестила Стеной Вокруг Мира. Стена вздымалась в полнеба, и Рафаэль прекрасно понимал, что даже со здешним содержанием кислорода в атмосфере так высоко им не забраться. Чуть выше уже начинались голый камень и лед, и вечное неистовство ледяного ветра, так что идти дальше смысла не было. Мак-Аран дал команду к возвращению; но в тот самый момент, когда экспедиция повернулась спиной к гигантской горной цепи, Мак-Арана вдруг до глубины души возмутило это пораженческое «не забраться». Нет ничего невозможного, напомнил он себе; не сейчас, так в другой раз. Может, уже не на моем веку; и точно не раньше, чем лет через десять — двадцать. Не свойственно это человеческой натуре — мириться с поражением. Когда-нибудь эта горная цепь покорится мне. Или моим детям. Или их детям.

— Ладно, в этом направлении мы, можно сказать, дошли до предела, — произнес доктор Фрэйзер. — Следующей экспедиции лучше отправиться в противоположную сторону. Здесь

сплошные леса, леса и ничего, кроме лесов.

— Леса — тоже вещь полезная, — изрек Мак-Аран. — А в противоположной стороне, может быть, пустыня. Или океан. Или — нам-то откуда знать — плодородные долины и города. Поживем — увидим.

Он бросил удовлетворенный взгляд на изрядно пополнившуюся топографическими знаками карту — прекрасно понимая, правда, что исследовать все белые пятна целой жизни не хватит. Этой ночью они встали лагерем у самого подножия ледника; незадолго до рассвета Мак-Арана разбудило то, что привычный ночной снегопад прекратился раньше обычного, и умолкло шуршание по палаточному шелку тяжелых мягких хлопьев. Выбравшись наружу, он поднял голову к темному небу, на котором горели незнакомые звезды; три из четырех лун самоцветной гирляндой зависали над гребнями застилающей полнеба горной цепи. Потом он развернулся кругом и уставился на восток, где была их долина, где ждала его Камилла, и где за горизонтом уже начинало разгораться огненное зарево. И невероятное, невыразимое удовлетворение переполнило душу Мак-Арана.

На Земле он никогда не был счастлив. В ко-

лонии, наверно, было бы лучше, но и там ему пришлось бы вписываться в мир, организованный другими людьми — и людьми далеко не его склада. Здесь же он мог строить с самого начала, с нуля — строить то, что нужно ему; что, как он считает, понадобится его детям и внукам. Трагедия и катастрофа открыли им дорогу в этот мир, безумие и смерть угрожают им на каждом шагу — но Мак-Аран понимал, что ему повезло. Этот мир ему по душе, и он обязательно найдет здесь свое место.

Весь этот день и значительную часть следующего они повторяли в обратном порядке свой недавний маршрут; небо заволакивало, в воздухе висела холодная серая морось — а Мак-Аран, который приучился уже на этой планете не доверять хорошей погоде, ощущал, тем не менее, хорошо знакомое беспокойство. К вечеру второго дня начался снегопад, да такой, какого никому из них и видеть не приходилось. Даже в самых теплых пуховках холод пробирал до костей, а умение ориентироваться не помогало в мире, на глазах превратившемся в белое вихрящееся безумие, бесцветное и бесформенное. Остановиться они не осмеливались, но скоро стало очевидно, что ковылять, сцепившись друг с другом, через рас-

тущие с угрожающей быстротой сугробы мягкого сыпучего снега они больше не могут. Оставалось только двигаться вниз. Все прочие направления потеряли смысл. Под деревьями было чуть-чуть лучше; но в вышине завывал ветер, и оглушительно скрежетали, раскачиваясь, ветви, подобно скрипучему такелажу невероятно огромного парусника — и полумрак полнился бесчисленными жутковатыми отголосками. В какой-то момент они попытались расставить под деревом палатку — но дважды налетал страшный порыв ветра, и шелковое полотнище, пронзительно вибрируя, вырывалось из рук и уносилось во тьму, и они преследовали бьющийся в объятиях воздушных потоков лоскут по снежной целине, пока тот не запутывался в ветвях какого-нибудь дерева и в непотребно перекрученном виде не возвращался к законным владельцам. Мороз все крепчал; и хотя нейлоновые пуховки не пропускали влаги, от такого немыслимого холода они совершенно не спасали.

— Если это называется лето, — стуча зубами, заявил Фрэйзер, когда они сгрудились в кучу под очередным гигантским деревом, — какие, черт побери, снегопады бывают здесь зимой?

— Подозреваю, — угрюмо отозвался Мак-

Аран, — зимой лучше и носу не высовывать из базового лагеря.

Ему вспомнилось, как после первого Ветра опрыскал по лесу в поисках Камиллы, и в воздухе кружился легкий снежок. А им тогда казалось, что это настоящий буран. Как мало известно об этом мире! Он ощутил болезненный укол страха — и глубокое сожаление. *Камилла. Она в безопасности, в базовом лагере — но суждено ли туда вернуться?* «Может быть, — подумал он, чувствуя, что ему жалко себя до слез, — я никогда не увижу своего ребенка…» И тут же, рассердившись, постарался об этом не думать. Пока еще рано задирать лапки кверху и ложиться умирать — наверняка поблизости должно быть какое-нибудь укрытие. Иначе они не доживут до утра. От палатки проку не больше, чем от листка бумаги — но что-то надо придумать.

«Думай. Зря, что ли, бил себя давеча пяткой в грудь, какие мы тут собрались все из себя умницы и аристократы духа? Шевели мозгами, а то ведешь себя хуже австралийского аборигена.

Кстати, о жителях буша. В чем, в чем, а в выживании они там у себя весьма преуспели. Тебя же всю жизнь холили и лелеяли.

Ну же!»

Одной рукой он притянул к себе Джанис, другой ухватил за плечо доктора Фрэйзера; привлек поближе Доменика, парня из коммуны, учившего, чтобы отправиться в колонии, геологию. И закричал, перекрывая вой снежной бури:

— Кто-нибудь видит, где лес гуще всего? Пещер тут нет, от палатки проку никакого — надо забраться в самую чащу, спрятаться от ветра и снега!

— Почти ничего не видно, — еле слышно отозвалась Джанис, — но вон там что-то вроде темнеет. Если не что-то сплошное — значит, деревья растут так густо, что сквозь них ничего не видно. Вы это имели в виду?

У Мак-Арана сложилось такое же впечатление; получив подтверждение, Рэйф решил ему довериться. *В тот раз его вывели прямо к Камилле.*

Опять предчувствие? Может, и так. Терять, в любом случае, нечего.

— Всем взяться за руки, — скомандовал он — не столько голосом, сколько жестами. — Если разбредемся, то нипочем уже друг друга не найдем.

Крепко сцепившись, они принялись прокладывать путь к темному пятну, еле-еле выделяющемуся на фоне сплошной стены деревьев.

Доктор Фрэйзер до боли стиснул ладонь Мак-

Арана.

— Может быть, я схожу с ума, — прокричал он Рэйфу в самое ухо, — но я видел свет!

Мак-Арану тоже казалось, будто перед его слезящимися от ветра глазами блуждает расплывчатый огонек; что еще невероятней, за огоньком ему на мгновение почудилась человеческая фигура — высокая, бледно мерцающая и совершенно голая, несмотря на бушующую стихию… Наваждение тут же исчезло, но в последний момент словно бы поманило рукой из сгущающегося впереди мрака. Они прибавили шагу.

— Вы его видели? — пробормотала Джанис.

— Кажется, да.

Позже, уже под прикрытием плотно переплетенных древесных стволов, они сравнили, кто что видел. Совпадений не оказалось. Доктор Фрэйзер видел только свет. Мак-Аран — манящую из темноты обнаженную фигуру. Джанис — только лицо в странном светящемся ореоле; словно бы — по словам девушки — на самом деле лицо это жило только в ее воображении, и стоило сощурить глаза, чтобы получше его разглядеть, тут же исчезало, подобно Чеширскому коту. Доменик же видел фигуру, высокую и сияющую («Как ангел, —

говорил он. — Или как женщина… женщина с длинными блестящими волосами.»). Что бы это ни было, но, следуя за ним, группа наткнулась на деревья, так плотно переплетенные, что между стволами едва удалось протиснуться. Мак-Аран упал в снег и, по-змеиному извиваясь, прополз в узкую щель; остальные последовали за ним.

Внутри снегопад напоминал о себе только редкими легкими хлопьями, а ветра не чувствовалось вовсе. Они сгрудились поплотнее, укутавшись в извлеченные из рюкзаков одеяла, и без особенного аппетита принялись доедать холодные остатки обеда. Потом Мак-Аран включил фонарь, и они увидели ряд аккуратно прибитых к одному из древесных стволов плоских планок — лестницу, исчезающую в темноте над головой…

Еще до того как они стали по ней карабкаться, Рафаэлю пришло в голову, что сооружение это вряд ли рассчитано на маленький лесной народец. Ступеньки отстояли одна от другой настолько далеко, что даже у Мак-Арана были некоторые проблемы — что уж говорить о низенькой Джанис, которую пришлось буквально затаскивать на руках. Доктор Фрэйзер попытался было запротестовать, но Мак-Аран ни секунды не колебался.

— Даже если каждому мерещилось что-то свое, — сказал он, — факт остается фактом: нас сюда привели. Что-то передавало сигналы напрямую к нам в мозг, Можно сказать, нас сюда пригласили. Если это создание действительно было без одежды — а двоим из нас казалось именно так — значит, ему такая погода нипочем, но он… или оно… понимает, что нам угрожала смертельная опасность. Предлагаю принять это приглашение — со всем надлежащим уважением.

С немалым трудом все протиснулись в щель неплотно подвязанного люка — и вот они оказались в сложенном, из тесно пригнанных бревен домике. Мак-Аран хотел было включить фонарь, но обнаружил, что этого не нужно: покрывающий стены неизвестный люминофор испускал тусклое мерцание. Снаружи завывал ветер, а ветви гигантских деревьев скрипели и раскачивались, так что мягкий пол, казалось, слегка шевелится — вызывая ощущение не то чтобы неприятное, но несколько тревожное. Весь домик состоял из одной большой комнаты; пол был покрыт чем-то мягким и губчатым — вроде мха или какой-нибудь морозостойкой травы. Смертельно уставшие, до костей промерзшие путешественни-

ки благодарно растянулись на полу, расслабляясь в тепле, сухости и уюте, и тут же уснули.

Прежде чем погрузиться в сон, Мак-Арану показалось, будто издалека, сквозь бурю доносится звонкая мелодия — то ли музыка, то ли пение. Пение? Невозможно — в такой буран!.. Но звук настойчиво звенел в ушах; и вдруг в дремотном сознании Мак-Арана словно приоткрылась некая дверца, и хлынул поток образов, словесных и зрительных.

Гораздо ниже, в предгорьях, безумно блуждать по лесу после первого Призрачного Ветра — потом прийти в себя и обнаружить, что палатка уже поставлена, а внутри аккуратно сложены рюкзаки и приборы. Камилла думала, что это сделал он. Он думал, это сделала она.

«Кто-то наблюдает за нами. Охраняет нас.

Джуди говорила правду».

На мгновение перед мысленным взором его возникло прекрасное спокойное лицо, не мужское и не женское, и зазвучал голос:

«Да. Мы знаем, что вы здесь. Мы не желаем вам вреда, но пути наши различны. Тем не менее, мы будем помогать вам, чем возможно — хотя докричаться через запертые двери вашего восприятия ой как непросто. Лучше будет нам слишком не

сближаться: но сегодня спите спокойно и расстанемся с миром…»

Вокруг прекрасного лица, казалось Мак-Арану, светится ореол, а глаза лучатся серебром; но ни сейчас, ни когда-либо после ему так и не довелось узнать, действительно ли видел он светящийся среброглазый лик, или мозг услужливо смонтировал картинку из всплывших детских снов об ангелах, эльфах и святых с нимбами. И Мак-Аран забылся под звуки далекого пения и убаюкивающий шум ветра.

15

— …вот, в общем-то, и все. Мы оставались внутри около полутора суток, пока не прекратился снегопад и не утих ветер, а потом ушли. Мы так ни разу и не видели того, кто там живет; подозреваю, он специально держался подальше, пока мы не ушли. Джуди, а тебя не туда же вызывали?

— Нет, ближе. Гораздо ближе. К тому же это было, скорее, не его жилище, а один из городов лесного народца; он их называл «народом древесных дорог». Но я не смогла бы еще раз найти то место, даже если б и захотела.

— Но они относятся к нам доброжелательно, в этом я уверен, — произнес Мак-Аран. — Полагаю… вряд ли это был тот же самый пришелец, который встречался о тобой?

— Откуда я знаю? Очевидно же, что они — раса телепатов. Подозреваю, известное одному из них, знают и все остальные… по крайней мере, близкие… члены семьи… если у них есть семьи.

— Может, когда-нибудь они поймут, что мы не желаем им зла, — сказал Мак-Аран.

Джуди слабо улыбнулась.

— Уверена, они и так знают, что ты — или я — не желаем им зла; но не всех же из нас они знают так хорошо… и, подозреваю, вопрос времени стоит у них далеко не так остро, как у нас. Что, впрочем, не настолько необычно, как может показаться; на востоке, в отличие от западной Европы, давным-давно было принято мыслить категориями поколений, а не месяцев или лет. Вероятно, он считает, что еще успеет толком узнать нас в ближайшие век-другой.

— По крайней мере, — усмехнулся Мак-Аран, — никуда мы не денемся, это уж точно. Времени хоть отбавляй. Доктор Фрэйзер, кстати, на седьмом небе от счастья; он теперь года три, наверно, будет в свободное от основной работы время разгребать собранный материал. По-моему, он составил опись абсолютно всего, что было в домике; надеюсь, хозяева не слишком обиделись за такую наглость. И, разумеется, Фрэйзер подробнейше изучил тамошние пищевые запасы — если мы действительно настолько биологически близки, все, что едят они, годится и нам… Конечно, — добавил Рафаэль, — к его запасам мы и не притрагивались, только составили опись. Я говорю «он» чисто для удобства; Доменик уверен, что это была женщина. Кстати, единственное, что там

было из мебели — из крупной мебели — нечто типа прялки со снаряженным мотовилом. Еще там вымачивалось какое-то растительное волокно — вроде коробочек, что остаются после обмолота нашего молочая; явно из него готовились сучить пряжу. По пути обратно мы наткнулись на это растение и захватили несколько образцов для Мак-Леода; похоже, можно получить очень мягкую ткань.

Мак-Аран поднялся, намереваясь откланяться.

— Вы понимаете, — на прощание сказала Джуди, — большинство в лагере до сих пор не верят, что здесь есть какие-то аборигены.

— Ну и что с того, Джуди? — мягко спросил Мак-Аран, поймав ее безнадежный взгляд. — Мы-то знаем. Может, просто надо немного подождать — и научиться мыслить категориями поколений. Может, наши дети будут знать все.

На планете красного солнца продолжалось лето. С каждым днем солнце поднималось над горизонтом выше и выше; миновало летнее солнцестояние, и день начал понемногу укорачиваться; Камилла, задавшаяся целью составить календарь, обратила внимание, что впервые за последние четыре месяца дни становятся не длиннее, а короче — и, значит, дело идет к зиме,

о которой страшно и помыслить. Компьютер, которому скормили всю информацию, какую удалось собрать, предсказал долгую-долгую ночь, среднюю годовую температуру около нуля по Цельсию и практически постоянные снежные бури. «Но, — напомнила себе Камилла, — это всего лишь математический прогноз, а не истина в последней инстанции».

В последние месяцы, были моменты, когда она сама себе удивлялась. Ни разу раньше ей и в голову не приходило усомниться в самодостаточности сурового мира естественнонаучных дисциплин; или помыслить, что ей придется столкнуться с проблемами (ну, не считая проблем личного плана), которые окажутся этим дисциплинам не по зубам. Насколько она понимала, ее товарищи по экипажу подобными сомнениями не терзались. Несмотря на то, что накапливалось все больше и больше свидетельств ее усиливающихся день ото дня способностей читать чужие эмоции и даже мысли, заглядывать в будущее и делать сверхъестественно точные прогнозы, руководствуясь одним, как она это называла «предчувствием», — несмотря на все это, ее товарищи по экипажу только посмеивались и пожимали плечами. И при этом она знала, что подобное происходит нес

ней одной.

Благодаря Гарри Лейстеру — про себя она по-прежнему называла его капитаном Лейстером — Камилле удалось внятно сформулировать проблему и даже взглянуть на нее со стороны.

— Камилла, придерживайся фактов. По-другому просто нельзя; это называется научной добросовестностью. Если что-то невозможно, значит, оно невозможно.

— А если невозможное происходит? Например, экстрасенсорное восприятие?

— Значит, — жестко произнес он, — это ошибка эксперимента или интерпретация, основанная не на фактах, а на подсознательном стремлении выдать желаемое за действительное. И нечего из-за этого сходить с ума, Придерживайся фактов.

— А что именно вы сочли бы надежным свидетельством? — тихо спросила Камилла.

— Честно говоря, — качнул он головой, — ничего я не счел бы надежным свидетельством. Случись со мной… я бы сам себя объявил сумасшедшим, а значит; неадекватно оценивающим происходящее.

«А как насчет того, — подумала Камилла, — чтобы выдавать нежелаемое за недействительное? И какая тут научная добросовестность, если так вот

брать и объявлять невозможными целый набор фактов даже без экспериментальной проверки?» Но ей не хотелось обижать капитана, да и старая привычка к субординации взяла верх. Раньше или позже, может, придется поговорить начистоту; но, с тихим отчаянием надеялась она, лучше позже, чем раньше.

Каждую ночь исправно лил дождь, и ветер безумия не дул больше с высокогорья; но трагическая статистика, как и предвидел Юэн Росс, брала свое. Из ста четырнадцати женщин в первые пять месяцев должны были забеременеть восемьдесят-девяносто; на самом деле забеременели сорок восемь, и у двадцати двух из них в первые же два месяца произошли выкидыши. Камилла с самого начала чувствовала, что окажется среди тех, кому повезет — и ей действительно повезло; беременность ее проходила настолько спокойно, что временами она совершенно забывала, что ждет ребенка. У Джуди тоже все шло абсолютно спокойно; а вот у Аланны, из новогебридцев, схватки начались на шестом месяце, и она родила недоношенных близнецов, которые умерли через несколько секунд после появления на свет. Камилла, почти не пересекалась с девушками из коммуны — большинство из них работали в Нью-

Скае, кроме беременных, которые обследовались в госпитале, но, стоило ей услышать об Аланне — и что-то сродни мучительной боли поразило ее до глубины души, и тем же вечером она отыскала Мак-Арана и долго оставалась с ним, приникнув к нему в бессловесной муке, происхождения которой сама не могла ни объяснить, ни понять.

— Рэйф, — в конце концов поинтересовалась она, — ты знаешь такую Фиону?

— Да, и довольно неплохо; такая рыжая красавица из Нью-Ская. Не надо только ревновать, дорогая; вообще-то, в данный момент она живет с Мак-Леодом. А в чем дело?

— Я смотрю, ты много кого знаешь в Нью-Скае.

— Да, последнее время я там бываю довольно часто; но в чем, все-таки, дело? Мне казалось, ты их держишь за отвратительных дикарей, — произнес Рэйф, словно оправдываясь, — но они очень милые люди, и мне нравится, как они живут. Я же не прошу тебя к ним присоединиться; знаю, ты не захочешь, а одного меня, без своей женщины, все равно не примут. Они стараются поддерживать баланс полов, хотя и не практикуют брака, но меня они уже считают все равно что своим.

— Очень рада за тебя, — с необычной мягкостью проговорила она, — и ничуть не ревную.

Просто мне хотелось бы встретиться с Фионой — и сама не могу объяснить, зачем. Ты не мог бы взять меня на какое-нибудь их собрание?

— Ничего не надо объяснять, — сказал он. — Как раз сегодня вечером у них концерт — ничего официального, но тем не менее… в общем, приглашаются все желающие. Если у тебя будет настроение спеть, можно даже выступить; я так иногда и делаю. Наверняка ведь ты знаешь какие-нибудь старые испанские песни, правда? Уже начинает, кстати, разворачиваться своего рода самодеятельный проект сохранить всю музыку, какую сможем вспомнить.

— С удовольствием, но как-нибудь в другой раз; последнее время меня мучает одышка, — сказала Камилла. — Может, после того, как родится ребенок. — Она крепко сжала ладонь Мак-Арана, и тот почувствовал укол самой настоящей, дикой ревности. «Она знает, что Фиона носит ребенка капитана, и хочет встретиться с ней, Вот почему она не ревнует, вот почему ей совершенно все равно… А я ревную. Но разве хотел бы я, чтоб она мне лгала? Она любит меня, она родит мне ребенка — чего мне не хватает?»

Музыка донеслась до них гораздо раньше, чем они подошли к недавно возведенному в Нью-Скае

концертному залу, и Камилла, вздрогнув, испуганно посмотрела на Мак-Арана.

— Господи Боже, это что еще за кошмар?

— Дорогая, я совсем забыл, что ты не из Шотландии; разве тебе не нравятся волынки? — рассмеялся Мак-Аран. — Это упражняются Морэй, Доменик и еще несколько умельцев, но явка, как я уже говорил, добровольная; можно подождать, пока они закончат.

— Хуже дикого банши, — твердо заявила Камилла. — Надеюсь, у них не вся музыка такая?

— Нет, еще есть арфы, гитары, лютни и все, что душе угодно; они то и дело выкапывают какие-то новые инструменты. — Волынки умолкли; Мак-Аран крепко сжал ладонь Камиллы, и они вошли в концертный зал. — Здесь стараются следовать традициям. Волынки и все такое прочее. Даже кильты и мечи.

В зале, ярко освещенном свечами и факелами, Камилла неожиданно ощутила острый укол зависти; девушки с яркими клетчатыми пледами, мужчины в кильтах и при мечах, с такими же пледами определенных клановых расцветок, удерживаемыми на плечах специальными застежками… И большинство присутствующих — огненно-рыжие. «Впечатляющая сила традиций.

Они передают их из поколения в поколение, а наши традиции… отмирают. Ладно, хватит, какие, к черту, традиции? Ежегодный парад Космической Академии, что ли? Их традиции, по крайней мере, вписываются в этот странный мир».

На сцене двое мужчин, Морэй и высокий рыжеволосый Аластэр, исполняли танец с мечами, проворно прыгая через блестящие клинки под звуки волынки. На мгновение перед внутренним взором Камиллы мелькнуло странное видение, где блестящей стали придавался отнюдь не ритуальный смысл, а совершенно серьезный, смертельно серьезный — но видение тут же пропало, и Камилла принялась вслед за всеми громко аплодировать танцорам.

Потом плясалось еще много танцев и пелось много песен — по большей части, неизвестных Камилле — со странной, меланхоличной, убаюкивающей, словно плеск моря, мелодикой. И пелось в большинстве случаев тоже про море. Даже при свете факелов в зале было темно, и Камилла нигде не видела медноволосой девушки, в поисках которой явилась в Нью-Скай, а через какое-то время и думать об этом забыла, отдавшись атмосфере печальных песен об исчезнувшем мире морей и островов.

Мхари, любовь моя, очи твои,
бездонные, синие, как океан,
навеки сковали заклятьем меня,
и канул берег родной в туман.

Мак-Аран покрепче обнял ее, и она склонила голову ему на плечо.

— Как странно… — прошептала она. — На планете, где нет морей, петь столько песен про море…

— Ничего, — пробормотал Мак-Аран, — мы еще найдем тут моря, достойные того, чтоб о них петь… — и осекся, потому что песня стихла, и кто-то крикнул:

— Фиона! Фиона! С тебя песня!

Крик был подхвачен, и через некоторое время на сцене, пробившись через толпу, появилась сухощавая рыжеволосая девушка в длинной зелено-голубой юбке, которая только подчеркивала, чуть ли не с вызовом, выступающий живот.

— Но не больше одной, — произнесла она мелодичным голоском, — сейчас у меня быстро начинается одышка. Что вы хотели бы услышать?

Из зала выкрикнули какое-то название на гаэльском; Фиона улыбнулась и мотнула головой,

потом взяла у одной из девушек маленькую арфу и присела на деревянную скамью. Секунду-другую пальцы ее скользили вдоль струн, извлекая негромкие арпеджио; потом она запела:

Несет ветер с острова грустные песни,
рыдания чаек, стенанья ручьев.
А ночью мне чудятся дивные воды,
бегущие с гор по земле наших снов.

Голос ее лился негромко и нежно, и, пока она пела, перед глазами у Камиллы возникала картинка: невысокие зеленые холмы, картины детства, виды земли, которые мало кто из них мог помнить, которые сохранялись только в песнях наподобие этой; память о времени, когда холмы Земли были действительно зелеными, солнце — золотисто-желтым, а небо — бездонным и синим, как океан…

Подуй же на запад, молю морской ветер,
и мне принеси шепот ивы во мгле.
Во сне, наяву — все мне чудятся воды,
бегущие с гор по родимой земле.

Камилла полузадушенно всхлипнула. Потерян-

ная земля, забытые… впервые она сознательно попыталась распахнуть двери восприятия, воспользоваться даром, обретенным во время первого Ветра. Безудержной волной нахлынула страстная любовь к поющей девушке, и Камилла сосредоточенно, самозабвенно уставилась на Фиону — как глазами, так и внутренним зрением; и пришло видение, и Камилла расслабилась.

«Она не умрет. Ее ребенок будет жить. Я бы этого не вынесла, если б он исчез, словно никогда и не было.

Что со мной такое? Он всего на несколько лет старше Морэя, он вполне может еще пережить большинство из нас…»

Но мучительное предчувствие не отпускало, пока, к величайшему облегчению Камиллы, не прозвучали последние строки песни:

В далекой земле поем песни изгнанья!
над арфой и флейтой не властны года.

Но музыки дивной дивнее стократно журчанье ручья, что умолк навсегда.

Оказалось, по щекам у Камиллы бегут слезы; и не у нее одной. Повсюду вокруг, в полутемном концертном зале оплакивали навеки утерянную родину; не в силах вынести этого, Камилла вско-

чила с места и слепо устремилась к Двери. Видя, что она беременная, ей вежлива освобождали дорогу; а по образовавшемуся в толпе проходу следом за ней устремился Мак-Аран. Но она не замечала его, и только когда они оказались на улице, бросилась ему на грудь; ее сотрясли рыдания. Услышав наконец его встревоженный голос, Камилла только помотала головой: ни на один вопрос она была не в силах ответить.

Рэйф попытался утешить ее; но почему-то его тоже охватило безотчетное беспокойство, и он беспомощно замер, пока вдруг его не осенило.

Ночь была ясной, и в темнеющем над головой фиолетовом небе не было видно ни облачка — только две огромных луны, ярко-зеленая и переливчато-синяя, низко висели над горизонтом. И поднимался ветер.

Концерт в Нью-Скае тем временем незаметно перерос в поголовные экстатические пляски; атмосфера всеобщей любви и вечного, незабываемого братства окутала зал. Уже поздно вечером, в какой-то момент, когда факелы не столько светили, сколько дымно чадили, изредка выплевывая языки пламени, ни с того, ни с сего двое мужчин метнулись навстречу друг другу во вспышке беспричинного необузданного гнева,

и сталь зазвенела о сталь, вылетев на свободу из красочных клетчатых лабиринтов. Морэй, Аластэр и Мак-Леод сработанно, как пальцы одной руки, налетели на драчунов и разметали их, выбив мечи в противоположные углы сцены, и швырнули их ничком на пол, и удерживали их так — сев на них верхом, совершенно буквально — пока животная ярость не утихла. Потом, заботливо подняв тех с пола, им лили в глотки виски («Даже на задворках Вселенной, — мелькнула мысль у Морэя, — шотландцы умудряются в первую очередь изготовить виски») до тех пор, пока драчуны, пьяно обнявшись, не поклялись друг другу в вечной дружбе; и пир всеобщей любви продолжался до рассвета, покуда в ясном безоблачном небе не поднялось красное солнце.

Джуди проснулась с каким-то странным ощущением — словно холодный ветер продувает ее насквозь, до костей. В первую очередь автоматически она проверила, как там дочка. Да. С дочкой все в порядке, но она тоже чувствует приближающийся ветер безумия.

В комнате было темно, и Джуди прислушалась к доносящимся издалека звукам пения. Это еще только начало, но теперь… поймут ли они теперь, что это такое, встретят ли без страха? Сама же

Джуди чувствовала себя совершенно спокойно; казалось, в самый центр ее бытия заронено зернышко абсолютной тишины и начинает прорастать. Теперь она понимала — и ничуть тому не удивлялась — откуда возникает безумие; а также понимала, что, по крайней мере, к ней безумие больше не вернется. Когда повеет ветер, всегда будет возникать странное ощущение невероятной открытости; и под воздействием прилетающего на крыльях ветра мощного галлюциногена будут активизироваться ранее невостребованные способности. Но теперь она поняла, как их использовать, и не будет больше сходить с ума — только совсем чуть-чуть, так, чтобы на душе стало легко-легко, а утомленный мозг расслабился и отдохнул. И она отдалась на волю потоку, воскрешая в памяти эти незабываемые прикосновения, полусон-полуявь. Ей казалось, ее крутит какой-то вихрь и куда-то несет воздушный поток, беспечно жонглируя мыслями, и на мгновение мысли ее выстроились в стройную цепочку и сцепились с мыслями прекрасного пришельца (до сих пор она не знала, как того зовут, и не надо было ей этого знать, и без того они знали друг друга, как мать знает в лицо своего ребенка, или как близнец узнает близнеца; они всегда будут

вместе, даже если больше им не суждено увидеться) — на мимолетное, экстатическое мгновение. Пусть мимолетное, но ей было достаточно.

Она извлекла из-за пазухи на цепочке кристаллик, его подарок. Ей казалось, в темноте кристаллик светится, тепло и переливчато мерцает — как мерцал в его руках, когда он отдавал камешек ей, там, в лесу, — отражением серебристо-голубого блеска его глаз. «Попробуй научиться им пользоваться». Глазами и недавно обретенным внутренним зрением она принялась буравить кристалл, пытаясь понять, что имелось в виду.

В комнате было темно; луны уже миновали оконный проем и скрылись за рамой, а звезды едва мерцали. Не выпуская камешка из ладони, она потянулась за смоляной свечкой — о сне уже и речи не было — в темноте промахнулась и сшибла на пол самодельные спички. Раздраженно ругнувшись — теперь придется вылезать из кровати — она свирепо уставилась на свечку; совершенно случайно на линии ее взгляда оказался лежащий в ладони кристаллик.

«Дайте, черт возьми, свет!»

И смоляной цилиндрик в резном подсвечнике неожиданно вспыхнул язычком ослепительного

пламени. У Джуди перехватило дыхание; чувствуя, как бешено колотится сердце, она задула свечу, сконцентрировала мысли на кристалле, поднеся тот к самому фитильку, и снова вспыхнул огонь.

«Значит, вот в чем дело…

Это может быть опасно. Спрячу-ка я его до лучших времен».

В этот миг она понимала, что сделала открытие, которое когда-нибудь, возможно, позволит преодолеть разрыв между импортированным знанием с Земли и древней мудростью этого незнакомого мира — но также она понимала, что долго еще никому о своем открытии не расскажет; может, и никогда. «Придет время, и придет лично выстраданная, незаемная мудрость — наверно, тогда можно будет доверить им это знание. Если ж я проговорюсь сейчас… половина мне не поверит, а другая половина тут же примется измышлять, как бы это приспособить в хозяйстве. Нет, еще рано».

С того момента, как кораблю нанесли смертельный удар, и капитан Лейстер вынужден был признать, что никуда им с этой планеты не деться («Никогда? Несколько поколений? Какая разница — для меня это все равно, что никогда»), у него

оставалась одна-единственная цель, одна-единственная надежда, единственный лучик света во тьме отчаяния и единственное, что придавало жизни смысл.

Морэй мог сколько угодно организовывать милое его сердцу неоруралистское сообщество, привязываться мириадами связей к почве этого мира и ковыряться в грязи ради пропитания, как свиньи в поисках желудей. Это его дело; может, на какое-то время это действительно необходимо — организовать стабильное общество, дабы обеспечить выживание. Но только оно не стоит ровным счетом ничего, если это выживание ради выживания; а теперь капитан Лейстер понимал, что должна быть еще какая-то цель. Например, открыть их далеким потомкам дорогу к звездам. В его распоряжении был компьютер и профессиональный квалифицированный экипаж — и опыт целой жизни. За последние три месяца он систематично, прибор за прибором, снял с корабля все оборудование и с помощью Камиллы и трех корабельных техников загрузил в компьютер все, что знал. Он перенес в банки данных все до единой книги из корабельной библиотеки, от астрономии до зоологии, от медицины до радиоэлектроники; он приводил в терминал

по очереди всех оставшихся в живых членов экипажа и скармливал компьютеру все знания, которыми те располагали. Ни единой крупице информации нельзя было дать пропасть, начиная с того, как собрать или отремонтировать синтезатор пищи, и кончая тем, как изготовить или починить застежку-молнию.

«Вот, — думал он, не скрывая торжества, — теперь в моем компьютере наследие всей нашей технологической цивилизации — в целости и сохранности, потомкам достаточно будет руку протянуть. Мне этого уже не увидеть, да и Морэю, наверно, тоже; не исключено, что и нашим детям будет еще не до того. Но когда-нибудь мы перерастем стадию, каждодневной борьбы за существование — вот тогда-то оно и пригодится, это знание; это наследие. Разумеется, оно пригодится и сейчас; если в госпитале вдруг потребуется узнать, как лечится опухоль мозга, или на кухне — как глазуровать глиняный горшок; и когда Морэй столкнется с проблемами в организации своего общества, — а это неизбежно произойдет — ответы будут здесь. В его распоряжении будет вся мировая история, так что мы сможем миновать все тупиковые пути и напрямик выйти на дорогу, ведущую к развитой технологии и

когда-нибудь к звездам — чтобы возвратиться в лоно космической цивилизации; не копошиться на одном жалком шарике, а простираться, как ветви гигантского дерева — от звезды к звезде, от вселенной к вселенной.

Пусть даже все мы умрем, но то, что сделало нас людьми, останется в неприкосновенности; и когда-нибудь мы вернемся. И заявим свои права».

Он лежал и прислушивался к доносящимся из нью-скайского концертного зала звукам далекого пения; лежал в куполе терминала, ставшем для него всем. Появилась расплывчатая, неоформленная мысль, что надо бы встать; одеться, пойти в Нью-Скай и присоединиться к поющим. *У них тоже есть, что сохранять*. Ему вспомнилась милая рыжая девчушка, с которой его так мимолетно свело общее безумие; которая — подумать только! — ждет теперь от него ребенка.

Она была бы рада его увидеть; да и, что ни говори, он ощущает некую ответственность — несмотря на то, что бросила его к ней в объятия безумная (в прямом смысле), животная страсть… Его всего передернуло. Но она вела себя нежно и с пониманием, и он оставался перед ней в долгу — за то, что использовал ее и даже думать забыл. Как там ее звали? Как-то очень

странно и красиво… *Фиона*. Наверняка гаэльское имя. Он поднялся с постели, нашаривая какую-нибудь одежду, но замялся и замер на пороге, рассматривая сквозь приоткрытую дверь ясное небо. Уже поднялись луны, а далеко на востоке начала разгораться лже-заря, гигантская радуга, напоминающая северное сияние, отражающаяся, подозревал Лейстер, от какого-нибудь далекого ледника, которого он никогда не видел; и никогда не увидит; и не больно-то надо.

Он вдохнул полной грудью, принюхиваясь к ветру, и у него шевельнулось страшное подозрение. В прошлый раз они уничтожили корабль; на этот раз очевидная цель их — он и дело его жизни. Он захлопнул дверь и запер замок на два оборота; потом задвинул массивный засов, вытребованный недавно от Морэя. На этот раз он не подпустит к компьютеру никого; даже тех, кому доверяет как себе самому. Даже Патрика. Даже Камиллу.

— Лежи спокойно, милая. Видишь, луны уже скрылись, скоро утро, — пробормотал Рэйф. — Как тут тепло, под звездами, на ветру. Камилла, почему ты плачешь?

Она улыбнулась в темноте.

— Я не плачу, — тихо сказала она. — Я думаю

о там, что когда-нибудь мы откроем океан… и много островов… не зря же мы слышали сегодня все эти песни — и наши дети будут петь их там.

— Камилла, ты тоже полюбила этот мир?

— Полюбила? Не знаю, — ровно произнесла она, — в любом случае, это ведь наш мир. Мы не обязаны любить его. Просто надо как-то научиться здесь жить. Не на наших условиях — на его.

По всему базовому лагерю земляне испытывали беспричинную радость или страх и пили ветер безумия; ни с того, ни с сего женщины вдруг начинали рыдать или разражались хохотом, не в силах потом объяснить, что им так смешно. Отец Валентин, спавший в своей хижине, проснулся, тихо спустился с горы, незамеченным проскользнул в нью-скайский концертный зал и смешался с ликующей толпой. Когда ветер утихнет, он снова станет затворником; но поймет, что никогда больше не будет совсем одинок.

Хедер и Юэн, которым этой ночью выпало дежурить в госпитале, взявшись за руки, смотрели, как в безоблачном небе поднимается красное солнце. Безмолвное экстатическое созерцание неба (тысяча рубиновых искр, ослепительный поток света, гонящий прочь темноту) оборвал

донесшийся из-за спины крик; пронзительный, стонущий вопль муки и ужаса.

И со своей койки к ним метнулась девушка, потерявшая голову от внезапного приступа чудовищной боли и хлынувшей потоком крови. Юэн взял ее на руки и уложил обратно на койку, пытаясь внушить ей спокойствие и силу («Ты можешь преодолеть это! Борись! Сопротивляйся!»), но замер, остановленный тем, что увидел в ее расширенных от ужаса глазах. Хедер сочувственно тронула его за плечо.

— Нет, — сказала она, — нечего и пытаться.

— О Боже, Хедер, я не могу, я просто не могу так! Я не вынесу…

— Помогите, — умоляла девушка, — пожалуйста, помогите мне, помогите…

Хедер уселась на край койки и привлекла девушку в объятия.

— Нет, милая, — нежно проговорила она, — мы не можем тебе помочь, ты умрешь. Не бойся, Лаура, милая, это будет очень быстро, и ведь мы с тобой. Не плачь, милая, не плачь, бояться нечего… — Так она шептала девушке на ухо, крепко обнимая ее, гладя по волосам, впитывая ее страх до последней капли, пока та наконец не затихла, прижавшись щекой к плечу Хедер. Так они и си-

дели втроем, и неизвестно, кто плакал горше, но в конце концов дыхание девушки успокоилось, а потом и вовсе затихло; тогда они осторожно уложили ее на койку, прикрыли простыней и, скорбно держась за руки, удалились под лучи восходящего солнца и тогда уж выплакались всласть.

Капитан Гарри Лейстер увидел, что начинается рассвет, и потер покрасневшие веки. Всю ночь он не сводил глаз с консоли компьютера, сторожа единственный шанс для этого мира не скатиться к варварству. Незадолго до рассвета ему показалось, что из-за двери его зовет Камилла, но наверняка это ему пригрезилось. (*Когда-то она разделяла его порыв. Что случилось?*)

И вот теперь, то ли в дреме, то ли в трансе, перед мысленным взором его двигалась процессия странных существ, похожих на людей, но не людей, поднимающихся в красное небо на своих странных кораблях и столетия спустя возвращающихся. (*Что искали они среди звездных миров? Почему не нашли?*) Может быть, поиск бесконечен? Или замыкает полный круг и возвращается к началу?

«Но у нас есть фундамент, на котором можно строить. История целого мира.

Другого мира. Не этого.

А годятся ли для этого мира ответы мира другого?

Знание — всегда знание, — яростно напомнил он сам себе. — Знание — это сила, которая может спасти их…

…*или уничтожить*. Разве после долгой борьбы за существование им не захочется прийти на готовенькое, воспользоваться старыми ответами и попытаться воспроизвести исторический путь, уже заведший один мир в тупик — здесь, на другой планете, с куда более хрупкой экологией? Вдруг когда-нибудь они уверуют — как я верил всю жизнь — что компьютер знает ответы на все вопросы?

А что, не так?»

Он встал и подошел к двери купола. Смотровое окошко (специально, по погоде, сделанное совсем крошечным) распахнулось, когда Лейстер отщелкнул шпингалет, и впустило в купол первые утренние лучи красного светила.

«Это не мое солнце. Это их солнце. Когда-нибудь они разгадают его тайны. С моей помощью. В результате моей единоличной борьбы за сохранение наследия истинного знания, целой технологии, способной вернуть их к звездам».

Он глубоко вдохнул и стал молча прислушиваться к звукам этого мира. К шуму ветра в кронах деревьев, к журчанью ручьев, к зверям и птицам, живущим под пологом леса своей таинственной жизнью, к неведомым пришельцам, которых когда-нибудь встретят его потомки.

И варварами его потомки не будут. Потому что в их распоряжении будет знание. Если возникнет у них искушение ступить на внешне заманчивую тропинку, оканчивающуюся на деле тупиком, всегда можно будет проконсультироваться; протянуть руку — и получить готовый ответ.

(Но почему в голове у него неумолчно звучат слова Камиллы? *«Это только доказывает, что компьютер не Бог»*).

«Разве истина не есть божественное проявление? — неистово потребовал он ответа у себя самого и у Вселенной. — *„И познайте истину, и истина сделает вас свободными“*.[8]

(Или закабалит? Может ли одна истина скрывать другую?)»

И внезапно жуткое видение представилось ему; ибо мысленный взор его, освободившись от рамок пространства и времени, заглянул далеко

---

[8] Примечания: 8
Евангелие от Иоанна, 8:32.

вперед, и раскинулось перед ним живое, трепетное будущее. Раса, выученная приходить к этому куполу за правильными ответами, к святыне, которой ведомы все правильные ответы. Мир, в котором нет места дискуссиям, ибо известны все ответы, а что выходит за их рамки, познанию не подлежит.

Варварский мир, где компьютеру поклоняются как Богу. Богу. Богу. Богу.

И этого Бога он создает собственноручно.

«Боже! Спятил я, что ли? Нет, — пришел бесстрастный недвусмысленный ответ. — Нет. Это с момента аварии я был безумен, но теперь пришел в себя. Морэй был с самого начала прав. Ответы, которые хороши для другого мира, здесь бессмысленны. Технология и наука являются технологией и наукой только на Земле. И если мы попытаемся перенести их сюда, один к одному, мы погубим эту планету. Когда-нибудь — не так скоро, как мне этого хотелось бы, но когда-нибудь обязательно — они разовьют технологию, укорененную в почве, камнях и ресурсах этого мира, взошедшую под его солнцем. Может быть, технология эта откроет им путь к звездам, — если им того захочется. Может быть, она откроет им путь через время или в бездонные глубины собствен-

ных сердец. Но это будет их путь, не мой. Я не Бог. Не в моих силах сотворить мир по собственному образу и подобию».

Все, что удалось спасти с корабля, он когда-то перетащил под купол терминала. Теперь он тихо отыскал среди штабелей то, что ему было нужно, и торопливо принялся соединять одно с другим, а в голове у него крутились старые слова другого мира:

Миров и светил бесконечен ход,
бесконечен путь мой.
Вернувшись к началу, замкнувши кольцо,
обретаю покой.

Твердой рукой он зажег смоляную свечу и уверенно поднес к кончику длинного фитиля.

Услышав взрыв, Камилла и Мак-Аран со всех ног бросились к куполу — как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот взметает к небу фонтан осколков и расцветает огненным цветком.

Провозясь какое-то время с массивным засовом, Гарри Лейстер начал осознавать, что выбраться у него не получится. На этот раз не повезло. Еле держась на ногах, он с гордостью обвел

взглядом пылающую груду обломков. «Честное состязание, — завертелись в голове бессвязные мысли, — никакой форы… может быть, я все-таки действительно Бог, тот, который прогнал Адама и Еву из рая и перестал подсказывать им ответы, чтобы они сами отыскали свой путь и выросли… ни страхконцов, ни надувных подушек, пусть сами ищут путь, жизнь или смерть…»

Он не услышал, как они ломали дверь, и не почувствовал, как его выносят на воздух, но ощутил гаснущим сознанием, что рядом Камилла, и разлепил веки, и встретил сочувственный взгляд ее широко раскрытых голубых глаз.

— Я глупый безрассудный старик… — бессвязно зашептал он, чувствуя, как ее слезы капают ему на лицо.

— Не надо ничего говорить, — услышал он в ответ. — Я знаю, почему вы это сделали. В прошлый раз мы начали вместе, но не успели… о, капитан, капитан…

— Капитан чего? — прошептал он, закрывая глаза. И добавил, уже на последнем дыхании: — Капитана нельзя отправить в отставку. Проще пристрелить… вот я и пристрелил…

А потом красное солнце навсегда погасло, рассыпалось галактиками ослепительного света.

Эпилог

От гигантского корабельного корпуса не осталось даже шпангоутов — и те в конце концов отправились на склад; рудное дело будет развиваться на этой планете очень медленно, а с металлами будет очень напряженно еще в течение многих-многих поколений. До сих пор, проходя долиной, Камилла по привычке бросала взгляд на то место, где когда-то лежал разбившийся корабль. Все такой же легкой походкой шла она, следуя едва осознанному предчувствию, но волосы ее уже слегка припорашивала седина. За скальным гребнем высился высокий каменный памятник жертвам аварии; там же находилось кладбище, где жертвы первой жуткой зимы покоились бок о бок с жертвами первого лета и ветров безумия. Поплотнее укутавшись в меховой плащ, она покосилась на один из зеленых холмиков; но это было так давно, что грусть успела притупиться.

Спускающийся в долину с холмов Мак-Аран узнал ее издали (по знакомому меховому плащу и клановой юбке) и приветственно помахал

рукой. Столько лет прошло, но стоило увидеть Камиллу, и сердце начинало колотиться; а, приблизившись, он взял ее руки в свои и несколько мгновений постоял, ничего не говоря.

— С детьми все, в порядке, — наконец произнесла Камилла. — Сегодня утром я была у Мхари. А тебя можно не спрашивать, и так видно, что вылазка была удачной.

Продолжая держаться за руки, они зашагали по Нью-Скаю. Их хозяйство располагалось в самом конце улицы; оттуда открывался вид на Восточный пик, из-за которого каждое утро в облаках тумана поднималось красное солнце; на краю участка отдельно стояло маленькое сооружение — метеостанция, за которую отвечала Камилла.

Зайдя в гостиную (общую для полудюжины семей), Рафаэль скинул меховую куртку и сразу прошел к огню, Как и большинство колонистов, не носящих кильтов, он предпочитал кожаные брюки и мягкие клетчатые рубашки цветов клана.

— Дома никого?

— Юэн в госпитале; Джуди в школе; Мак отправился с погонщиками, — ответила Камилла. — А если Тебе не терпится взглянуть на детей, то они все, по-моему, на школьном дворе — кроме

Аластэра. Он сегодня у Хедер.

Подойдя к окну, Мак-Аран увидел хорошо знакомую треугольную крышу, школы. «Как быстро вытянулись наши дети, — мелькнула у него мысль, — а взглянешь на их мать — и не подумаешь, что четырнадцать лет прошло». Уже подрастали семеро, переживших жуткий зимний холод пятилетней давности. Каким-то образом Мак-Аран с Камиллой вытерпели все перипетии первых тяжелых лет; и хотя у Камиллы были дети от Юэна, Льюиса Мак-Леода и еще от кого-то (от кого именно, Мак-Аран не знал; Камилла, как он подозревал, тоже), двое старших ее детей и двое младших были от него. Самая младшая, Мхари, не жила с ними; за три дня до ее рождения умер при родах ребенок Хедер, и Камилла, никогда не стремившаяся выкармливать ребенка, если была возможность воспользоваться услугами кормилицы, отдала Мхари на воспитание Хедер; когда пришло время отлучать девочку от груди, Хедер не хотела ее отдавать, и Камилла согласилась, чтобы Мхари оставалась у Хедер — хотя навещала ее почти каждый день. Хедер была одной из тех, кому не повезло; за четырнадцать лет она родила семерых, но только один из детей прожил больше месяца. Кровные связи в колонии значили

не слишком много; матерью ребенка считалась та, кто о нем заботится, отцом — тот, кто учит. У Мак-Арана были дети еще от трех женщин, и обо всех он заботился одинаково; но больше всего по душе была ему. Лори, странная дочь Джуди, которая уже в четырнадцать лет была выше мамы; полколонии называли ее подменышем, но почти никто не догадывался, кто ее настоящий отец.

— Ну что, бродяга, — спросила Камилла, — когда снова в дорогу?

— Ну, несколько дней отдохну дома, — отозвался Мак-Аран, обнимая ее за талию, — а потом… мы все-таки хотим найти море. Наверняка где-то на этой планете оно есть. Но сначала… у меня для тебя сувенир. Несколько дней назад обследовали мы одну пещеру — и вот что нашли в скальной породе. Знаю-знаю, ювелирное дело у нас пока совершенно не развито, извлекать их из скалы только лишняя морока — но очень уж они нам с Аластэром приглянулись; в общем, держи — тебе и девочкам. Что-то, кажется мне, есть в этих камешках…

Он извлек из кармана пригоршню голубых камней и высыпал Камилле в подставленные ладони; в глазах ее мелькнуло сначала удивление — потом откровенная радость. Тут гурьбой

ворвались дети, набросились на Мак-Арана, и тот потонул в море гомона.

— Па, можно мне с тобой в следующий раз в горы? Гарри ты берешь, а ему только одиннадцать!

— Па, Аланна взяла мое печенье, скажи, чтобы отдала!

— Папа, смотри, смотри, как я лезу!

Камилла как всегда игнорировала этот бедлам и спокойными размеренными жестами призывала к тишине.

— Давайте только по очереди… что у тебя, Лори?

Высокая сероглазая девочка с серебристыми волосами подобрала один из голубых кристалликов и стала всматриваться во вспыхивающие внутри звездочки.

— У моей мамы есть такой же, — очень серьезно произнесла она. — Можно я тоже возьму? Мне кажется, у меня может получиться с ним работать.

— Хорошо, бери, — разрешил Мак-Аран и бросил поверх головы девочки взгляд на Камиллу. Когда-нибудь, когда Лори сочтет необходимым объяснить, они узнают, в чем дело; в одном они могли быть уверены — их странный приемыш никогда ничего не делает просто так.

— Знаешь, — сказала Камилла, — у меня такое

чувство, что когда-нибудь эти кристаллики станут для всех нас очень важны.

Мак-Аран кивнул. Интуиция Камиллы подтверждалась уже столько раз, Что это перестало удивлять; можно было позволить себе подождать. Он подошел к окну и поднял глаза на знакомый силуэт горной цепи на горизонте; воображение унесло его дальше, к равнинам, холмам и неведомым морям. Бледно-голубая луна, напоминающая цветом камешек, в который зачарованно уставилась Лори, тихо выплыла из облаков, клубящихся у вершины горы; и начал моросить мелкий-мелкий дождь.

— Когда-нибудь, — проговорил вдруг Мак-Аран, — кто-нибудь, наверно, придумает этим лунам — и этой планете — названия.

— Когда-нибудь… — эхом отозвалась Камилла. — Но мы никогда не узнаем, какие.

Веком позже планету назвали *Даркоувер*.

Но на Земле услышали о них только через две тысячи лет.